Пермская
АН ученая ар-
10 хивная ко-
миссия.
П-27 Труды
в. 9
Пермь, 1905

18 Апр 905

ТРУДЫ

ПЕРМСКОЙ

Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

IX.

(Изданъ 5 апрѣля 1905 г.).

ПЕРМЬ.
Типографія Губернской Земской Управы.
1905.

Содержаніе.

Оффиціальный отдѣлъ.

стр.

Правила о порядкѣ храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ по Министерству Финансовъ и учрежденіямъ его вѣдомства и распредѣленіе предметовъ дѣлъ Министерства Финансовъ и его вѣдомства на разряды. 1

Научный отдѣлъ.

Оффиціальное назначеніе и научно-историческія задачи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій,—**В. С. Малченка** 6

Пермскій купецъ Адріанъ Павловичъ Пушкинъ,—**В. Н. Трапезникова** . 13

Къ вопросу о московскомъ и новгородскомъ вліяніяхъ въ архитектурныхъ памятникахъ Соликамска и Чердыни,—**А. И. Слупскаго.** . . 29

Къ вопросу о происхожденіи слова «Чудь»,—**В. Я. Струминскаго** . . 33

Житіе преподобнаго отца нашего Трифона Вятского чудотворца, съ предисловіемъ и примѣчаніями,—**В. Я. Струминскаго.** . . . 37

Нѣсколько словъ о значеніи «Пермской Старины» А. А. Дмитріева,—**Н. А. Рожкова** 81

«Новости богословской литературы»,—**В. Я. Струминскаго.** 84

По поводу Семинарскаго пѣсенника,—**М. И. Капустина** 89

Не очень еще отдаленное прошлое,—**М. И. Капустина** 95

Одинъ изъ способовъ разборки архивовъ,—**В. С. Малченка** . . . 97

Бѣглый обзоръ заводскихъ архивовъ гр. Стенбокъ-Ферморъ,—**Л. Е. Воеводина** 101

Страничка изъ быта крестьянъ подмонастырскихъ **М. И. Капустина** . 104

Формуляръ писателя Ф. М. Рѣшетникова,—**А. А. Дроздова** . . . 107

Число тептерей и бобылей по 8 и 9 ревизіи въ Пермской губерніи,—**В. Я. Струминскаго.** 108

Къ исторіи Ирбитской ярмарки,—**В. С. Малченка.** 108

Сравнительный указатель дѣлъ «Историческаго Архива»,—**Н. Н. Новикова.** 109

Хроника.

Изъ жизни губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій 116

Историко-археологическіе курсы Тверской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи,—**Л. М. Поповой** 122

Изданія поступившія въ библіотеку Пермской Учен. Архивной Коммиссіи за время съ 1 декабря 1903 г. по 1 декабря 1904 г.,—**В. Я. Струминскаго** 129

Некрологи: М. И. Капустинъ,—**В. С. Малченка.**—Ив. Никол. Смирновъ,—**В. С. Малченка.**—Александръ Саввичъ Поповъ.—П. П. Баснинъ . . . . . 130—136

Отчеты Пермской Ученой Архивной Коммиссіи за 1902—1904 г.г. . 137—162

АЧ
10
П22

П 1/40

ТРУДЫ

ПЕРМСКОЙ

2/22

Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

IX.

(Изданъ 5 апрѣля 1905 г.).

Библіотека
Ивана Егоровича
Забѣлина.
8344.

ПЕРМЬ.
Типографія Губернской Земской Управы.
1905.

Напечатано и выпускается по постановленію Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 19 октября 1904 г. и 22 марта 1905 г.

Предсѣдатель Коммиссіи *В. Малченко.*

Гос. Историч.-Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. № 390415
19 г.

Содержаніе.

Оффиціальный отдѣлъ.

стр.

Правила о порядкѣ храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ по Министерству Финансовъ и учрежденіямъ его вѣдомства и распредѣленіе предметовъ дѣлъ Министерства Финансовъ и его вѣдомства на разряды. 1

Научный отдѣлъ.

Оффиціальное назначеніе и научно-историческія задачи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій,—**В. С. Малченка** 6
Пермскій купецъ Адріанъ Павловичъ Пушкинъ,—**В. Н. Трапезникова** . 13
Къ вопросу о московскомъ и новгородскомъ вліяніяхъ въ архитектурныхъ памятникахъ Соликамска и Чердыни,—**А. И. Слупскаго.** . . 29
Къ вопросу о происхожденіи слова «Чудь»,—**В. Я. Струминскаго** . . 33
Житіе преподобнаго отца нашего Трифона Вятского чудотворца, съ предисловіемъ и примѣчаніями,—**В. Я. Струминскаго.** . . . 37
Нѣсколько словъ о значеніи «Пермской Старины» А. А. Дмитріева,—**Н. А. Рожкова** 81
«Новости богослонской литературы»,—**В. Я. Струминскаго.** . . . 84
По поводу Семинарскаго пѣсенника,—**М. И. Капустина** 89
Не очень еще отдаленное прошлое,—**М. И. Капустина** 95
Одинъ изъ способовъ разборки архивовъ,—**В. С. Малченка** . . . 97
Бѣглый обзоръ заводскихъ архивовъ гр. Стенбокъ-Ферморъ,—**Л. Е. Воеводина** 101
Страничка изъ быта крестьянъ подмонастырскихъ **М. И. Капустина** . 104
Формуляръ писателя Ф. М. Рѣшетникова,—**А. А. Дроздова** . . . 107
Число тептерей и бобылей по 8 и 9 ревизіи въ Пермской губерніи,—**В. Я. Струминскаго.** 108
Къ исторіи Ирбитской ярмарки,—**В С. Малченка.** 108
Сравнительный указатель дѣлъ «Историческаго Архива»,—**Н. Н. Новикова.** 109

Хроника.

Изъ жизни губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій 116
Историко-археологическіе курсы Тверской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи,—**Л. М. Поповой** 122
Изданія поступившія въ библіотеку Пермской Учен. Архивной Коммиссіи за время съ 1 декабря 1903 г. по 1 декабря 1904 г.,—**В. Я. Струминскаго.** 129
Некрологи: М. И. Капустинъ,—**В. С. Малченка.**—Ив. Никол. Смирновъ,—**В. С. Малченка.**—Александръ Саввичъ Поповъ.—**П. П.** Баснинъ . . . . . 130—136
Отчеты Пермской Ученой Архивной Коммиссіи за 1902—1904 г.г. . 137—162

Оглавление.

Опечатанная ошибка.

Правила о порядке хранения и уничтожения решенных дел по Министерству Финансов и Управлениях его и вскрытия пред-
метов дел Министерства Финансов и его ведомства на разрядах. 1

Наружная ошибка.

Официальное извлечение из научно-исторических видов Губернских Учи-
лищ Архангельской Комиссий.—В. С. Малиенин. 6

Первый курсъ Арбитражъ Палатовъ Пушкинъ, В. И. Тадеевичъ . 19

Къ вопросу о московскомъ и новгородскомъ влiяніяхъ въ архитектурныхъ
памятникахъ Соликамска и Чердыни.—А. К. Сухановъ. . . . 29

Къ вопросу о происхожденіи словъ «Царь».—В. К. Струминскаго . . 33

Къ вопросу о происхожденіи слова «Царь».—В. К. Струминскаго. . . 37

Изъ переписки и примѣчаній.—В. К. Струминскаго. 37

Нѣсколько словъ о значеніи «Пермской Старины» А. А. Дмитріева.—Н. А.
Ромашова 81

. 84

«Новости болгарской литературы».—В. К. Струминскаго. . . . 84

По поводу Семипермскаго вѣсника.—М. И. Калугина 89

Не очень еще отдаленное прошлое.—М. И. Калугина 93

Одинъ изъ способовъ разборки архивовъ.—В. С. Малиенина . . . 97

Бѣглый обзоръ заводскихъ архивовъ гг. Стеньбинъ-Ферморъ.—Л. Е.
Вогоявлина 101

Стѣснила насъ сила крестьянъ подмонастырскихъ М. И. Калугина . 104

Формуляръ писателя Ф. М. Рѣшетникова.—А. А. Дроздова . . . 107

Часто теперь и больше по 8 и 9 рекрутъ въ Пермской губерніи.—В. К.
Струминскаго. 108

Къ исторіи Нѣмецкой кирхи.—В. С. Малиенина 108

Сравнительный указатель кн. «Историческаго Архива», — И. И. Носилова. 109

Хроника.

Изъ жизни губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій 116

Историко-археологическіе кружки Тверской Губернской Ученой Архивной
Комиссіи.—М. М. Поповой 122

Выдача изъ архивовъ Пермской Губернской Ученой Архивной Комиссіи за
время съ 1 декабря 1903 г. по 1 декабря 1904 г.—В. К. Струминскаго. 129

Къ 50-лѣтію М. И. Калугина.—В. С. Малиенина.—Изъ Никол. Смир-
нова.—В. С. Малиенина. Александръ Сапожниковъ.—П. П.
Васинъ . . . . . 130—130

Отчетъ Пермской Ученой Архивной Комиссіи за 1903—1904 гг. . 137—162

Правила о порядкѣ храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ по Министерству Финансовъ и учрежденіямъ его вѣдомства.

(Высочайше утверждены 9 іюня 1864 года).

1. Всѣ вообще дѣла, оконченныя производствомъ по Министерству Финансовъ и учрежденіямъ его вѣдомства, относительно времени храненія ихъ, раздѣляются на три разряда: а) дѣла и бумаги, подлежащія всегдашнему храненію въ архивахъ; б) дѣла, назначенныя къ временному храненію, примѣрно отъ 10 до 20 лѣтъ; и в) дѣла, которыя, по совершенномъ окончаніи производствомъ, могутъ быть немедленно уничтожены.—2. Какія именно дѣла, къ какому изъ сихъ трехъ разрядовъ должны принадлежать по каждой отдѣльной части, опредѣляется свойствомъ производящейся въ той части переписки и родомъ существующихъ въ Министерствѣ инстанцій, соображаясь съ приложеннымъ здѣсь подъ лит. А распредѣленіемъ предметовъ дѣлъ.—3. На семъ основаніи въ каждой отдѣльной части должны быть составлены лицами, завѣдывающими дѣлопроизводствомъ, примѣрныя росписанія дѣламъ съ указаніемъ, какіе изъ нихъ слѣдуетъ относить къ первому, ко второму и къ третьему разрядамъ. Росписанія сіи утверждаются въ Министерствѣ—директорами Департаментовъ и Канцелярій, въ Государственномъ Банкѣ, Сохранныхъ и Ссудныхъ Казнахъ, Коммиссіи погашенія долговъ и въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ—управляющими оными, а по учрежденіямъ подвѣдомственнымъ Министерству и по банковымъ конторамъ означенныя росписанія, по просмотрѣ ихъ Начальниками сихъ учрежденій и Управляющими конторами, представляются на утвержденіе въ подлежащіе Департаменты и Канцеляріи Министерства и въ Государственный Банкъ.—4. Срокомъ окончанія дѣлъ считается то число, въ которое отправлена послѣдняя исполнительная бумага или получено послѣднее рѣшающее дѣло свѣдѣніе; а дѣла о заключеніи отчетовъ, книги и счеты, подлежащіе ревизіи, считаются рѣшенными со времени выдачи Государственнымъ Контролемъ квитанціи объ окончательномъ заключеніи всѣхъ оборотовъ. Если же при полученіи квитанцій нѣкоторые обороты останутся не утвержденными, то дѣло считается рѣшеннымъ только по полученіи окончательнаго увѣдомленія объ утвержденіи всѣхъ оборотовъ, отнесенныхъ къ справкамъ при выдачѣ квитанцій.—5. Въ каждой отдѣльной части Министерства и учрежденій его вѣдомства, имѣющей столоначальника, производителя дѣлъ или вообще чиновника, завѣдывающаго дѣлопроизводствомъ той части, ведется всѣмъ дѣламъ общая опись за каждый годъ отдѣльно, въ которую дѣла, по мѣрѣ заведенія ихъ, заносятся въ хронологическомъ порядкѣ и по которой они сдаются и принимаются лицами, завѣдывающими дѣлопроизводствомъ. Она остается на рукамъ сихъ лицъ до сдачи въ архивъ всѣхъ дѣлъ, въ опись занесенныхъ, и затѣмъ причисляется къ бумагамъ, подлежащимъ всегдашнему храненію въ архивѣ.—6. Всѣ оконченныя дѣла остаются на рукахъ дѣлопроизводителей не далѣе трехъ лѣтъ.—7. По истеченіи каждаго года, дѣлопроизводители приводятъ тѣ изъ внесенныхъ въ общую опись дѣлъ, которыя производствомъ уже кончены, въ установленный для сдачи въ архивъ видъ (§ 10) и, руководствуясь имѣющимся у нихъ примѣрнымъ росписаніемъ, распредѣляютъ тѣ дѣла, каждый по своей части, на три указанные выше разряда, составляя особыя, по каждому разряду.

архивныя, по данной формѣ, описи. (Прилож. лит. Б, В и Г). *Примѣчаніе.* Такъ какъ не всѣ дѣла за каждый годъ могутъ быть окончательно рѣшены къ 1-му января слѣдующаго года, то въ описи дѣламъ 1-го и 2-го разрядовъ, т. е. назначеннымъ къ всегдашнему и временному храненію, вносятся и такія дѣла, которыя производствомъ еще не окончены и потому оставлены, до времени окончанія ихъ, на рукахъ дѣлопроизводителей. О таковыхъ дѣлахъ прилагаются къ описямъ особые нумераціонные реестры, въ которыхъ означаются одни лишь нумера дѣлъ.—**8**. Составленныя такимъ образомъ архивныя описи и нумераціонные реестры просматриваются непосредственнымъ Начальникомъ, завѣдывающимъ дѣлопроизводствомъ. Если, по просмотрѣ, описи окажутся составленными удовлетворительно, то тѣ же лица, которыя ихъ просматриваютъ, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго дѣла, отнесеннаго ко 2-му разряду и большимъ или меньшимъ значеніемъ заключающихся въ немъ свѣдѣній, отмѣчаютъ собственноручно въ описяхъ противу каждаго дѣла, сколько лѣтъ оно должно быть хранимо въ архивѣ (примѣрно отъ 10 до 20 лѣтъ) и затѣмъ, по подписаніи описей всѣхъ трехъ разрядовъ, представляютъ ихъ въ Министерствѣ и Кредитныхъ Установленіяхъ на утвержденіе Директоровъ Департаментовъ и Канцелярій и Управляющихъ Кредитными Установленіями, а въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ Министерству, и въ Банковыхъ Конторахъ на утвержденіе подлежащихъ Начальниковъ сихъ учрежденій и Управляющихъ Конторами.—**9**. Лица сіи, если найдутъ означенныя описи удовлетворительными, дѣлаютъ на нихъ надпись: по дѣламъ перваго разряда: «сдать въ архивъ для всегдашняго храненія», по дѣламъ второго разряда: «сдать въ архивъ на означенное число лѣтъ», и по дѣламъ третьяго разряда: «уничтожить». За симъ на самыхъ дѣлахъ означается, къ какому разряду какое дѣло отнесено, а съ описей снимаются копіи, которыя, за надлежащими подписью и скрѣпою, передаются въ архивъ вмѣстѣ съ оконченными дѣлами, а подлинныя остаются у дѣлопроизводителей съ роспискою архиваріуса, принявшаго дѣла; въ общихъ же годовыхъ описяхъ отмѣчается противъ каждаго сдаваемаго дѣла: «сдано въ архивъ такого то числа и года, отнесено къ такому то разряду и кончено тогда то, на столькихъ то листахъ». *Примѣчаніе.* Дѣла третьяго разряда уничтожаются безъ передачи ихъ въ архивъ; но въ оный должны быть передаваемы помянутыя копіи съ описей таковымъ дѣламъ, для всегдашняго храненія.—**10**. Дѣла перваго и второго разрядовъ, подлежащія къ сдачѣ въ архивъ для всегдашняго или временнаго храненія, сдаются въ архивъ въ слѣдующемъ видѣ: при каждомъ дѣлѣ составляется опись бумагамъ, въ ономъ заключающимся; опись эта подписывается дѣлопроизводителемъ и скрѣпляется его помощникомъ; листы перенумеровываются и въ концѣ дѣлается надпись: въ семъ дѣлѣ писанныхъ листовъ столько-то; надпись сія подписывается начальникомъ, завѣдывающимъ дѣлопроизводствомъ, и скрѣпляется дѣлопроизводителемъ. *Примѣчаніе.* Дѣла третьяго разряда, подлежащія уничтоженію, могутъ быть и безъ частныхъ описей бумагамъ, но съ надписью въ концѣ дѣла: сколько оно составляетъ писанныхъ листовъ.—**11**. Назначеніе дѣлъ къ уничтоженію дѣлается съ крайнею осмотрительностью, и какъ это возлагается на личную отвѣтственность подлежащихъ начальниковъ (§§ 3 и 8), то отъ нихъ зависитъ, предварительно разрѣшенія на уничтоженіе дѣлъ, подвергать оныя повѣрочному просмотру чрезъ подвѣдомственныхъ имъ особыхъ чиновниковъ. *Примѣчаніе.* Если въ сихъ дѣлахъ находятся документы, въ коихъ можетъ встрѣтиться надобность, то оные вышиваются изъ дѣла и должны быть хранимы отдѣльно, о чемъ отмѣчается въ описяхъ.—**12** Дѣла хранятся въ архивѣ, по каждому разряду особо, съ подраздѣленіемъ на года, въ порядкѣ отдѣленій и столовъ.—**13**. Дѣламъ, хранящимся въ архивѣ, ведутся, независимо описей, по коимъ они приняты въ архивъ, алфавитные указатели за каждый годъ особо.—**14**. Дѣла располагаются въ архивахъ въ открытыхъ шкафахъ особыми связками, съ надписью на каждой: такого-то разряда, такого-то отдѣленія, такого-то стола, съ № такого-то по № такой-то.—**15**. Справки изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ, составляются въ тѣхъ же частяхъ, къ

коимъ дѣла по существу своему принадлежатъ; для чего дѣла, въ случаѣ надобности, требуются изъ архива, а по минованіи оной, возвращаются.—16. Дѣла и документы требуются изъ архива особыми записками, за подписью завѣдывающаго дѣлопроизводствомъ. На записку выдаваемыхъ изъ архива дѣлъ ведется въ ономъ книга, въ которую вписываются дѣла и документы.—17. Отвѣтственность за дѣла, которыя берутся изъ архива подъ росписки, возлагается на лица, по требованію коихъ они были доставлены изъ архива. *Примѣчаніе.* Къ дѣламъ, взятымъ изъ архива для справокъ, отнюдь не должны быть пріобщаемы вновь вступившія бумаги, а возвращаются дѣла въ такомъ видѣ, въ какомъ были взяты.—18. Начальники архивовъ или архиваріусы, по истеченіи каждаго года, составляютъ описи тѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ ко второму разряду, коимъ минулъ срокъ храненія и представляютъ оныя: въ Министерствѣ—Директорамъ Департаментовъ и Канцелярій, въ Государственномъ Банкѣ, Сохранныхъ и Ссудныхъ Казнахъ, Коммиссіи погашенія долговъ и въ Экснедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ—Управляющимъ оными, для учиненія на сихъ описяхъ, буде найдутъ оныя удовлетворительными, надписей объ уничтоженіи дѣлъ,—а въ учрежденіяхъ вѣдомства Министерства и Банковыхъ Конторахъ—подлежащимъ Начальникамъ сихъ учрежденій и Управляющимъ конторами, которые препровождаютъ означенныя описи, въ подлинникѣ, съ своимъ заключеніемъ, въ Департаменты и Канцеляріи Министерства и въ Государственный Банкъ, по принадлежности, и испрашиваютъ на уничтоженіе дѣлъ ихъ разрѣшенія. *Примѣчаніе.* Шнуровыя книги, денежные счеты и вообще ревизіонныя дѣла, хотя бы по онымъ и получены были квитанціи и увѣдомленія объ утвержденіи всѣхъ оборотовъ, уничтожаются по предварительному сношенію съ Государственнымъ Контролемъ.—19 Способъ уничтоженія назначенныхъ къ сему дѣлъ зависитъ отъ начальства, разрѣшающаго уничтоженіе оныхъ. Они могутъ быть продаваемы съ публичныхъ торговъ, или другимъ законнымъ порядкомъ, бумажнымъ фабрикантамъ и инымъ частнымъ покупателямъ.—20. Продажѣ не подвергаются вовсе дѣла секретныя или содержащія въ себѣ распоряженія и свѣдѣнія, не подлежащія огласкѣ, а также бумаги, представляющія денежные знаки,—какъ-то: банковые билеты, купоны, свидѣтельства и тому подобные. Таковыя дѣла и бумаги сожигаются.—21. По мѣрѣ уничтоженія дѣлъ, на описяхъ и алфавитныхъ указателяхъ дѣлается начальникомъ архива и архиваріусомъ отмѣтка: уничтожены въ такомъ-то году.—22. Затѣмъ самыя описи, по уничтоженіи всѣхъ значившихся въ оныхъ дѣлъ второго и третьяго разрядовъ (§ 9), присоединяются къ дѣламъ, остающимся на всегдашнее храненіе.

Лит. А.

Распредѣленіе предметовъ дѣлъ Министерства Финансовъ и его вѣдомства на разряды.

Разрядъ I. Дѣла и бумаги, подлежащія всегдашнему храненію.

Высочайшіе указы и повелѣнія, Высочайше утвержденныя представленія и удостоенные Монаршаго разсмотрѣнія годовые отчеты, и всеподданнѣйшіе доклады, штаты, финансовыя смѣты, государственныя росписи, общія соображенія о доходахъ и расходахъ; дѣла по государственнымъ займамъ, годовые отчеты, бухгалтерскія и кассовыя книги по операціямъ кредитныхъ установленій и лицевые счеты; ревизскія сказки; журналы; протоколы; дѣла и бумаги: а) содержащія въ себѣ переписку и соображенія, послужившія поводомъ или основаніемъ къ изданію новаго закона или общаго по Министерству распоряженія, а равно разрѣшеніе какого либо важнаго обстоятельства, могущее служить руководствомъ на будущее время; б) заключающія въ себѣ документы, утвержденные чертежи, планы, межевыя книги и вообще свѣдѣнія,

имѣющія значеніе въ историческомъ, статистическомъ, административномъ, техническомъ и горнозаводскомъ отношеніяхъ; в) формулярные и кондуитные списки лицъ, умершихъ на службѣ по Министерству и его вѣдомству, и копіи или отпуски съ аттестатовъ, выданныхъ чинамъ при увольненіи въ отставку; г) алфавиты; журналы бумагъ входящихъ и исходящихъ; своды законовъ, уставы, учрежденія и наказы, дѣйствіе которыхъ отмѣнено новымъ ихъ изданіемъ; общія и частныя описи дѣламъ, сданнымъ въ архивъ и дѣламъ уничтоженнымъ.

Разрядъ II. Дѣла, назначенныя къ временному храненію.

Дѣла о командировкахъ, изслѣдованіяхъ и по разнымъ хозяйственнымъ операціямъ и распоряженіямъ, дѣла, заключающія въ себѣ свѣдѣнія или донесенія, извлеченныя изъ книгъ или другихъ дѣлъ, находящихся въ самомъ мѣстѣ производства или въ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ оному; дѣла кредитныхъ установленій по вкладамъ и ссудамъ, по учету векселей, взысканіямъ съ должниковъ, обмѣну кредитныхъ билетовъ; дѣла по личному составу чиновъ, если они не заключаютъ въ себѣ какихъ либо документовъ, а равно формулярные и кондуитные списки лицъ, служившихъ по Министерству и его вѣдомству и выбывшихъ въ другія управленія или въ отставку, и, наконецъ, срочныя денежныя вѣдомости, шнуровыя книги, денежные счеты, и вообще ревизіонныя дѣла, по коимъ получены уже отъ государственнаго контроля квитанціи и увѣдомленія объ утвержденіи всѣхъ оборотовъ не только за тотъ годъ, за который предполагается уничтожить шнуровыя книги, денежные счеты и ревизіонныя дѣла, но и за все предшествующее тому время.

Разрядъ III. Дѣла, которыя могутъ быть уничтожаемы немедленно по окончаніи ихъ.

Дѣла, состоящія изъ одной канцелярской переписки, которыя, не заключая въ себѣ никакой важности, не могутъ по существу своему быть нужными на будущее время ни для справокъ, ни для руководства.

Примѣчаніе. Согласно симъ тремъ категоріямъ, распредѣляются и слѣдующія къ дѣламъ приложенія.

Лит. Б.

АРХИВНАЯ ОПИСЬ ДѢЛАМЪ ПЕРВАГО РАЗРЯДА.

№ дѣла по порядку.	№ дѣла по общей описи.	Когда дѣла начались.	СОДЕРЖАНІЕ ДѢЛЪ.	Число листовъ.	Когда рѣшены.

Лит. В.

АРХИВНАЯ ОПИСЬ ДѢЛАМЪ ВТОРОГО РАЗРЯДА.

№ дѣла по порядку.	№ дѣла по общей описи.	Когда дѣла начались.	СОДЕРЖАНІЕ ДѢЛЪ.	Число листовъ.	Когда рѣшены.	На сколько лѣтъ сданы въ архивъ.	Когда уничтожены.

Лит. Г.

АРХИВНАЯ ОПИСЬ ДѢЛАМЪ ТРЕТЬЯГО РАЗРЯДА.

№ дѣла по порядку.	№ дѣла по общей описи.	Когда дѣла начались.	СОДЕРЖАНІЕ ДѢЛЪ.	Число листовъ.	Когда рѣшены.	Когда уничтожены.

Оффиціальное назначеніе и научно-историческія задачи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій.

*)...По общему смыслу «положенія», по редакціи опубликованныхъ Минист. Внутр. Дѣлъ основныхъ правилъ и сообразно оффиціальному названію—Губернская Ученая Архивная Коммиссія является правительственнымъ sui generis установленіемъ и призвана въ ряду ученыхъ мѣстныхъ органовъ занимать въ губерніи свое самостоятельное мѣсто, неся опредѣленныя обязанности, осуществляя присвоенныя ей права, имѣя «непремѣнное» благожелательное содѣйствіе со стороны Губернатора, ея ex officio «непремѣннаго попечителя», состоя подъ руководствомъ и контролемъ единственно директора Петербургскаго Археологическаго Института и получая награды за усердіе своихъ членовъ по усмотрѣнію Президента Императорской Академіи Наукъ.

Такое самостоятельное и независимое въ губерніи оффиціальное положеніе обусловливается и гармонируетъ съ тѣми обязанностями и правами, которыя присвоены Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. «На обязанности ученой коммиссіи—сказано въ правилахъ, изданныхъ М. В. Д. на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 13 апрѣля 1884 г.,—лежитъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ Историческій Архивъ; б) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей и в) расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій» (§ 5). А «для сосредоточія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные Историческіе Архивы» (§ 1). Впрочемъ «Ученыя Коммиссіи,

*) Изъ рѣчи 10 августа 1903 г. на Тверскомъ Областномъ Историко-Археологическомъ Съѣздѣ въ соединенномъ засѣданіи секцій „архивовѣдѣнія“ и „губ. ученыхъ архивныхъ коммиссій“.

независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ включать въ кругъ своихъ занятій разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины» (§ 7).

Этими основными положеніями вполнѣ опредѣленно обрисована роль и кругъ дѣйствій Губернской Ученой Архивной Коммиссіи, а равно указана и грань соприкосновенія съ прочими правительственными учрежденіями, имѣющими архивы. Каждое правительственное учрежденіе и должностное лицо, на основаніи дѣйствующихъ въ его вѣдомствѣ правилъ, ведетъ свой архивъ и періодически отбираетъ въ немъ дѣла и документы, вышедшіе изъ производства и подлежащіе уничтоженію. Эти то дѣла и документы, по мысли создателей Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, должны подвергаться прежде уничтоженія новому пересмотру со стороны спеціальнаго органа для выдѣленія интересныхъ въ историческомъ отношеніи. Въ результатѣ этой, такъ сказать, экспертизы удаляемыхъ изъ архивовъ дѣлъ и документовъ получается раздѣленіе послѣднихъ на 2 категоріи,—одни Ученая Архивная Коммиссія отбираетъ въ Историческій Архивъ, другія предаются уничтоженію по архивнымъ правиламъ даннаго вѣдомства. Роль и задачи даннаго архива и Ученой Архивной Коммиссіи тутъ раздѣлены и выяснены вполнѣ. Того, что подлежитъ, по правиламъ вѣдомства, вѣчному храненію, Коммиссія не касается, а выдѣленное для уничтоженія должно предъявляться ей. Если этого какой-либо архиваріусъ не исполнитъ, то значитъ онъ нарушаетъ волю Законодателя и подвергается риску отвѣтственности.

Въ связи съ этими вопросами находится едва-ли не самый сложный, имѣющій уже цѣлую литературу, вопросъ объ «Историческихъ Архивахъ». Въ «положеніи» сказано: «Для сосредоточія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ, не требующихся для текущаго производства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные Историческіе Архивы» (§ 1), а «собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ дѣлъ и документовъ возлагается на учреждаемую для сего въ губерніяхъ ученую архивную коммиссію» (§ 2). Вотъ и все. Кто же фактически осуществляетъ учрежденіе и непосредственное веденіе «Историческихъ Архивовъ»?

Такъ какъ архивовѣдѣніе и архивоведеніе не одно и тоже и такъ какъ Губернскимъ Архивнымъ Коммиссіямъ приданъ эпитетъ «ученыя», то едва-ли можно сомнѣваться, что въ кругъ ихъ занятій и дѣйствій должно быть отнесено непосредственно только архивовѣдѣніе, а не архивоведеніе. Не потому-ли въ

«положеніи» на нихъ возложено лишь собираніе, разборъ, составленіе описей и указателей, сообщеніе о нихъ директору Археологическаго Института, передача разбираемыкъ дѣлъ въ Историческій Архивъ и установленіе тамъ порядка, обезпечивающаго удобство ученыхъ занятій, тогда какъ непосредственное веденіе Историческаго Архива, храненіе дѣлъ въ смыслѣ вѣчной цѣлости и ежедневной сохранности, выдача дѣлъ занимающимся постороннимъ лицамъ, наблюденіе за полицейскимъ, такъ сказать, и хозяйственнымъ порядкомъ прямо къ числу обязанностей Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій не отнесено? Не этимъ-ли объясняется умолчаніе въ «положеніи» объ отпускѣ денежныхъ средствъ на веденіе Историческаго Архива въ распоряженіе Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій? Въ самомъ дѣлѣ въ § 8-мъ «положенія» высказано пожеланіе, (къ сожалѣнію, неосуществляемое), «чтобы расходы, необходимые на содержаніе и занятія ученыхъ архивныхъ коммиссій, покрывались изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора Археологическаго института», но, очевидно, здѣсь имѣются въ виду расходы только на матеріалы для ученой работы, а не на приглашеніе архиваріуса, наемъ сторожа и т. д. для Историческаго Архива.

Подобное умолчаніе о средствахъ для архивоведенія въ связи съ отсутствіемъ штатовъ и т. д., хотя бы на подобіе губернскихъ статистическихъ комитетовъ, подсказываетъ тотъ выводъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, изложившій согласно закону 13 апрѣля 1884 г. основныя прапила для Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій и не упомянувшій въ нихъ о средствахъ на содержаніе Историческаго Архива, расчитывалъ, вѣроятно, по представленіямъ Губернаторовъ усилить составъ архиваріусовъ губернскихъ правленій, гдѣ это окажется необходимымъ, и озаботился обезпечить для Историческаго Архива лишь научное руководство и завѣдываніе со стороны Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, минуя вопросъ о средствахъ и слугахъ собственно архивоведенія.

Что именно при губернскихъ правленіяхъ должны учреждаться Историческіе Архивы, по мысли «положенія», приходится вывести и изъ того, что Коммиссіи возникаютъ и могутъ возникать лишь тамъ, гдѣ найдутся любители-археографы; потребность же въ созданіи Историческаго Архива назрѣла уже повсюду, потому что вездѣ должны примѣняться правила объ уничтоженіи дѣлъ и, слѣдовательно, повсемѣстно существуетъ надобность имѣть центральное мѣсто, гдѣ выбранныя (изъ подлежащихъ уничтоженію) дѣла должны бы храниться. Это центральное мѣсто важно имѣть независимо отъ того, будутъ ли отобраны дѣла мѣстною

Ученою Архивною Коммиссіею или, за отсутствіемъ таковой, коммиссіей сосѣдней губерніи, вѣдѣнію которой поручена губернія, не имѣющая еще своей Ученой Архивной Коммиссіи. Важно, чтобы отобранныя дѣла не уплывали съ другую губернію,—это разбиваетъ ихъ, затрудняетъ изученіе, умаляетъ значеніе концентраціи.

Спѣшу оговориться. Къ такому выводу я пришелъ на основаніи анализа дѣйствующаго узаконенія и въ виду горькой дѣйствительности Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій съ ихъ матеріальной необезпеченностью. Не такое устройство архивоведенія представляется желательнымъ и цѣлесообразнымъ. Нѣтъ, Историческій Архивъ долженъ быть внѣвѣдомственнымъ установленіемъ, а архивоизученіе и архивоведеніе должны быть организованы въ немъ отдѣльно, самостоятельно, но при непремѣнномъ условіи полной близости и непосредственнаго взаимодѣйствія между ними. Архивоведеніе должно быть поставлено въ немъ прочно, безъ упованій на любительскій трудъ и досугъ, должно быть платное, штатное. Оно должно быть, выражаясь языкомъ простонародья, *казеннымъ,* но казеннымъ особаго рода, на автономномъ правѣ. Здѣсь вы усмотрите конечно и точки соприкосновенія и корень отличія защищаемыхъ мною взглядовъ съ проектомъ грандіозной архивной реформы проф. Д. Я. Самоквасова, который я нахожу слишкомъ бюрократическимъ. Съ пользою для дѣла и не безъ выгоды для родины, у которой есть насущныя нужды посерьезнѣе архивнаго дѣла, реформу можно осуществить на почвѣ Калачовскихъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, обезпечивъ лишь ихъ ежегодною субсидіею отъ Казны, достаточною для оборудованія Историческаго Архива помѣщеніемъ и служебнымъ персоналомъ. Mutatis mutandis можно бы воспользоваться узаконеніемъ о Губернскихъ Статистическихъ Комитетахъ, присвоивъ (на подобіе ихъ) Губернской Ученой Архивной Коммиссіи нѣкоторыя права и окладъ, но сохранивъ нынѣшнюю ея организацію и автономность (избраніе должностныхъ ея лицъ, Губернаторъ—попечитель, руководство Директора археологическаго института, внѣвѣдомственное положеніе помощью связи съ Академіей наукъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ устранилась бы двойственная роль губернскаго статистическаго комитете, начертанная въ 607 ст. общ. учр. губ. (св. зак. т. II, гл. 1); Ученая Архивная Коммиссія стала бы вѣдать губернскія *древности* и мѣстную *исторію*, а статистическій комитетъ спеціализовался бы на текущемъ матеріалѣ, на *современности.*

Съ узаконеніемъ подобной постановки губернскихъ статистическаго комитета и архивной коммиссіи было бы достигнуто

объединеніе и концентрація вообще заботъ о сохраненіи и изученіи источниковъ и памятниковъ областной исторіи и культуры. Разрѣшился бы тогда самъ собою и вопросъ, поставленный еще на VII всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ о единствѣ археологическихъ и историческихъ коллекцій. На ряду съ Историческими Архивами субсидируемыя Губернскія Ученыя Архивныя Коммиссіи не замедлили бы учредить, какъ то имъ завѣщалъ покойный Н. В. Калачовъ, и Историческіе (спеціально) Музеи, оставивъ на попеченіе статистическаго комитета или иного учрежденія основаніе музеевъ естествознанія, промышленности, кустарныхъ издѣлій. Получилось бы учрежденіе—Историческій Архивъ и Музей—правительственнаго типа, но безъ бюрократическаго отягощенія, куда могли бы притекать всѣ историко-научные матеріалы данной области, куда безбоязненно могли бы передаваться фамильные архивы и собранія, сдаваться дублеты изъ столичныхъ учрежденій, изготовляться копіи изъ имѣющихся въ другихъ мѣстахъ памятниковъ, граматъ и т. п. мѣстной старины. Сюда можно бы было пріурочить спеціально-историческую библіотеку и подборъ всѣхъ изданій, вышедшихъ въ данной губерніи или касающихся ея. Созданіе подобнаго установленія въ губерніи было бы полезно (особенно при русскихъ разстояніяхъ) для всѣхъ изслѣдователей данной культуры, принужденныхъ теперь, иногда тщетно и напряженно, расходовать время и деньги на разъѣзды, переписку, переговоры для собранія искомыхъ матеріаловъ.

Развивая подобную организацію до конца, нужно желать, чтобы Историческій Архивъ, Музей и Библіотека были узаконены какъ единое и единственное въ губерніи мѣсто, куда исключительно (въ силу закона) поступали бы уники хартій, предметовъ, книгъ соотвѣтственнаго рода и даннаго района. Внѣ такого закона по прежнему будетъ продолжаться случайное распредѣленіе находокъ въ губерніи и внѣ ея, снова будутъ раздробляться впечатлѣнія изслѣдователя, мало будетъ облегченъ и не сдѣлается болѣе продуктивнымъ трудъ исчерпывающаго подбора историческаго матеріала для ученаго историка.

Да не заподозрятъ меня въ посягательствѣ на свободу частной иниціативы.... Я предлагаю централизацію-монополію лишь *храненія-помѣщенія* историческихъ памятниковъ-первоисточниковъ, а не дублетовъ ихъ, и отнюдь не монополію изслѣдованія, описанія, изученія, объясненія. По крайнему моему разумѣнію, нѣтъ резона радоваться существованію въ одномъ мѣстѣ двухъ учрежденій одной и той же спеціальности, конкурирующихъ и повторяющихъ одно другое, какъ нѣтъ резона предпо-

читать совмѣщеніе въ одномъ и томъ же музеѣ при одномъ и томъ же хранителѣ и безъ подраздѣленія на самодѣятельныя секціи (какъ это чаще всего бываетъ въ провинціи) коллекцій всякаго рода, отъ чучелъ воробья и стеклянной бутылки мѣстнаго производства до рѣдкой грамоты, доисторическихъ находокъ и старопечатной книги включительно. Спеціализація музеевъ, отдѣленіе отъ историческихъ собраній предметовъ злобы дня—желательны и полезны. Но дубликація однихъ и тѣхъ же музеевъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ?.. Нѣтъ грѣха слить тождественныя организаціи въ одну даже и принудительно, если это подсказывается общественною пользою. Вѣдь нѣтъ же серьезныхъ возраженій противъ извѣстнаго рода монополіи Императорской публичной библіотеки, Археологической коммиссіи и т. д. Наконецъ не оправдаетъ ли меня ссылка на страну общественной свободы? Вотъ что я какъ-то прочелъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ (1901 г. № 72): «Въ кантонѣ Бернъ предложенъ на голосованіе народа законопроектъ о запрещеніи общинамъ и частнымъ лицамъ отчуждать предметы искусства и письменности, имѣющіе историческое или археологическое значеніе, безъ разрѣшенія бернскаго государственнаго совѣта, подъ опасеніемъ штрафа въ размѣрѣ отъ 500 до 5000 фр.».

Не знаю, осуществимо ли будетъ нѣчто подобное у насъ, но нельзя, покрайней мѣрѣ, не пожелать, чтобы Губернской Ученой Архивной Коммиссіи разрѣшено было силою закона пока хотя бы изготовленіе для Историческаго Архива и Музея копій, слѣпковъ и т. д., которые могли бы замѣнить отсутствующіе оригиналы (иногда согласіе собственниковъ на изготовленіе копій трудно получить). На чемъ необходимо настаивать, это разумѣется на публичности (въ правовомъ смыслѣ) и гласности всей дѣятельности Коммиссій, на ихъ внѣвѣдомственной зависимости въ научномъ отношеніи лишь отъ Директора Петербургскаго Археологическаго Института и особенно на ближайшей связи ихъ съ Академіей наукъ.

Независимость нужна Губернской Ученой Архивной Коммиссіи ради того, чтобы отстаивать интересы исторической науки и историческаго родиновѣдѣнія отъ посягательства хищниковъ-коллекціонеровъ, кто подъ шумокъ и на даровщинку всегда не прочь поживиться архивными и археологическими сокровищами въ личную и частную собственность, а, съ другой стороны, отъ назойливости хламоманіаковъ, которые подобно Бобчинскому желаютъ всегда оповѣстить всему міру на выставкахъ и музеяхъ о своихъ мнимыхъ драгоцѣнностяхъ, прибѣгая подчасъ къ вліянію разныхъ городничихъ въ цѣляхъ размѣстить свои экспонаты.

Въ строѣ нашихъ губернскихъ установленій, сообразно задачамъ каждаго изъ нихъ, одни получили большую, другіе меньшую, иные автономную независимость и организацію. Къ послѣдней категоріи ихъ отнесены и Губернскія Ученыя Архивныя Коммиссіи. Творецъ ихъ и первый руководитель, сенаторъ Калачовъ справедливо полагалъ ученую объективность, полноту и безпристрастность, даже безстрастіе лучшимъ залогомъ успѣшной ихъ дѣятельности, а потому и исходатайствовалъ имъ не власть, а именно независимое положеніе, устраняющее внушеніе извнѣ и постороннее давленіе, и въ то же время обезпечивающее возможность серьезной работы и полезнаго руководства съ авторитетнаго мѣста. Такая постановка Коммиссій достойна ихъ творца и въ высшей степени удобна. Остается ее продолжить, развить, упрочить.

Вѣроятно я многое изложилъ неудачно и черезчуръ элементарно. Что дѣлать? Если свысока смотрѣть на элементарныя истины, онѣ могутъ стать забытыми словами. Вопросъ же о надлежащей постановкѣ дѣятельности Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій не долженъ быть забываемъ. Прекрасное и знаменательное напоминаніе о немъ сдѣлалъ Августѣйшій Президентъ Императорской Академіи Наукъ въ депешѣ по случаю юбилея Петербургскаго Археологическаго Института 15 января 1903 года: «Глубоко сознавая важность и своевременность содѣйствія, какое Археологическій Институтъ стремится оказать научному описанію мѣстныхъ древностей и такой же разработкѣ историческихъ архивовъ Россіи, Императорская Академія Наукъ привѣтствуетъ его по случаю 25-лѣтія со времени его основанія и желаетъ Институту полнаго успѣха, какъ въ его спеціальной научно-педагогической дѣятельности, такъ и *въ его посредничествѣ между губернскими архивными коммиссіями и первенствующимъ ученымъ учрежденіемъ Имперіи.*—Константинъ».

В. С. Малченко.

Пермскій купецъ Адріанъ Павловичъ Пушкинъ.

(По архивнымъ*) даннымъ).

Шестидесятые годы прошлаго столѣтія были эпохой «великихъ реформъ». Естественно, что ломка самыхъ основъ общественнаго уклада и передѣлка всего юридическаго быта не обошлась безъ нравственной ломки для людей того времени. «Государственные законы, если они даже глубоко затрогиваютъ экономическую жизнь, все же не могутъ сразу измѣнить психологическія условія, составляющіе основу всѣхъ отношеній» (Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической жизни Россіи, стр. 25). Крѣпостники, проникнутые старыми идеями, страдали, быть можетъ, искреннѣе и тяжелѣе, чѣмъ страдаютъ въ дни контръ-реформъ люди реформы и прогресса. Но не одни крѣпостники пострадали подъ напоромъ новыхъ взглядовъ, идей и явленій. Въ числѣ пострадавшихъ оказался и горячій сторонникъ освобожденія крестьянъ—пермскій второй гильдіи купецъ Адріанъ Павловичъ Пушкинъ.

Адріанъ Павловичъ Пушкинъ родился около 1830 года и происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ графа Строганова. Онъ не получилъ школьнаго образованія, научился грамотѣ у своего отца, а съ 16-лѣтняго возраста послѣ смерти послѣдняго «учился жизнью», развивая свой умъ чтеніемъ книгъ: «я все люблю читать, говорилъ онъ впослѣдствіи, что позволяетъ мнѣ мое слабое зрѣніе». Съ двадцатаго года отъ роду въ теченіе 12 лѣтъ Пушкинъ былъ повѣреннымъ по дѣламъ графини Строгановой,—два года въ Перми, три года въ Соликамскѣ и Чердыни и 7 лѣтъ снова въ Перми. Между прочимъ, по этой обязанности ему приходилось участвовать въ рекрутскихъ наборахъ. Рекрутскіе наборы того времени и всѣ ихъ ужасы достаточно извѣстны всякому, чтобы о нихъ говорить. На сдачу въ рекруты молодаго человѣка семья его смотрѣла какъ на смерть или замурованіе въ каменную стѣну. Приходилось бросать все—домъ, семью, родныхъ—если не на вѣки, то на цѣлые десятки лѣтъ. Разумѣется, наборъ при такихъ условіяхъ былъ цѣлымъ рядомъ раздирающихъ душу картинъ, и нѣтъ ничего страннаго, если Пушкинъ,—невольное орудіе всѣхъ этихъ картинъ,—во время набора дѣлается «тяжко боленъ отъ разстройства усиленными занятіями». Кто знаетъ, быть можетъ въ этомъ разстройствѣ нужно искать толчекъ къ тому умонастроенію, которое заставило Пушкина

*) Докладъ въ засѣданіи Перм. Губ. Учен. Архива. К-сіи 3 декабря 1902 г.

задуматься надъ вопросами крѣпостнаго права и крестьянскаго быта. Вопросы эти были разработаны Пушкинымъ въ особой запискѣ подъ названіемъ «Частныя мысли по крестьянскому дѣлу». Въ началѣ марта 1861 г., когда еще въ Пермской губерніи не былъ полученъ и обнародованъ Манифестъ 19 февраля 1861 г., Пушкинъ представилъ эти «мысли» на Высочайшее усмотрѣніе. Но, какъ объявлено было ему отъ статсъ-секретаря Е. И. В. у принятія прошеній, «за Высочайше утвержденнымъ 19 февраля текущаго года положеніемъ о помѣщичьихъ крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, настоящее домогательство его не подлежитъ удовлетворенію».

Въ чемъ же состояла сущность «домогательства» Пушкина? Указавъ на то, что Государь Императоръ соизволилъ предположить человѣчеству крѣпостнаго состоянія даровать право личной свободы отъ крѣпостной зависимости, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ гражданскія права» и что «господамъ помѣщикамъ сохраняется неприкосновенность правъ собственности на всю ихъ землю», Пушкинъ заключаетъ, что теперь нужно установить «отъ производительной земли обоюдную пользу между господами помѣщиками и бывшими ихъ крѣпостными людьми и, въ то же время, совершенно устранить между этими сторонами всякое обязательное по закону личное отношеніе, иначе будетъ: во-первыхъ, если не хуже для крестьянъ, такъ тоже, да потому только въ другомъ видѣ; во-вторыхъ, совершенно невыгодно для господъ помѣщиковъ и по отношеніямъ къ народу и въ отношеніи владѣльческихъ имуществъ и, въ третьихъ, самое правительство, кромѣ обремененія, встрѣтитъ потребность въ задолженіи на это дѣло страшныхъ капиталовъ». По мнѣнію Пушкина, «несправедливо лишить г.г. помѣщиковъ ихъ земли», но «несправедливо и крестьянъ оставить безъ правъ на землю, какъ личныхъ производителей отъ нея, а по закону земля помѣщичья». Какъ же быть? Предоставить въ условный обязательный срокъ работой или деньгами выкупить у помѣщиковъ землю? Но «это можетъ быть весьма тяжело для крестьянъ, потому что имъ причтется или круто оплачивать своими средствами землю или по совершенной невозможности на то, скорѣе, продолжительные еще годы оставаться для того въ одно и тоже время подъ вліяніемъ двухъ разнородныхъ управленій» — помѣщичьяго и правительственнаго. Выкупъ у помѣщиковъ земли для крестьянъ правительствомъ Пушкинъ также отвергаетъ, какъ требующій большихъ капиталовъ и нарушающій права собственности помѣщиковъ, особенно въ майоратныхъ имѣніяхъ, «которыя по закону должны бы переходить изъ рода въ родъ въ цѣлости, а здѣсь они какъ бы могутъ про-

даться и прожиться». Не удовлетворяясь всѣми этими формами рѣшенія крестьянскаго вопроса, Пушкинъ предлагаетъ помѣщикамъ «для большей и на вѣчныя времена прочной своей пользы отъ земли, кромѣ нѣдръ ея, одну поверхность тотчасъ же отдать въ непосредственное всегдашнее пользованіе крестьянъ безъ всякаго срочнаго выкупа, т. е. надѣлить крестьянъ поверхностію земли потребнымъ числомъ десятинъ на душу, съ правомъ производить на поверхности и перекрѣплять въ частности поверхность съ произведеніями между всѣми сословіями людей». За такую отдачу земли крестьянамъ Пушкинъ предлагаетъ установить слѣдующее вознагражденіе для помѣщиковъ на вѣчныя времена: «навсегда обложить помѣщичьихъ крестьянъ оброчною податью, подобною той, которую платятъ государственные крестьяне». Эта подать «въ устраненіе помѣщичьяго вліянія на крестьянъ» должна собираться съ нихъ «со стороны самой казны, вмѣстѣ съ подушными и земскими сборами». «Такимъ образомъ, заключаетъ Пушкинъ, г.г. помѣщики могутъ получать изъ уѣздныхъ казначействъ за свои земли, хотя умѣренныя, но чистыя деньги на вѣчныя времена и при томъ безъ всякихъ хлопотъ и управленія по промышленности отъ земли, а крестьяне будутъ спокойны тѣмъ, что они, во-первыхъ, совершенно уравняются съ государственными крестьянами, во-вторыхъ, не будутъ имѣть надъ собой управленій съ двухъ сторонъ и, въ третьихъ, сами чрезъ ближайшее свое общественное начальство будутъ заботиться о большихъ выгодахъ отъ отведенныхъ обществу земель».

Не вхожу въ разсмотрѣніе и критику этого проекта Пушкина. Для историка онъ важенъ, какъ показатель того, что Пушкинъ, уже разстроенный*) картинами рекрутскихъ наборовъ, еще до освобожденія крестьянъ задумывался надъ вопросами освобожденія и крестьянскаго быта и жаждалъ «улучшенія участи крѣпостныхъ людей», какъ именовалась тогда отмѣна крѣпостнаго права.

Освобожденіе совершилось. Казалось, мечты Пушкина исполнились, но онъ, какъ человѣкъ практической жизни, сразу же въ этой жизни столкулся съ вопросомъ: «Народъ освобожденъ,— но счастливъ-ли народъ?» и жизнь на этотъ вопросъ сразу же отвѣтила отрицательно. Придавая огромное значеніе освобожденію крѣпостныхъ людей, страдая ихъ страданіями и на своей шкурѣ перенеся ихъ, Пушкинъ естественно былъ сильно разо-

*) Иное освѣщеніе дѣйствій Пушкина далъ Б. В. Струве (Рус. Стар. 1884, № 9). *Ред*

чарованъ «волей», не унесшей изъ міра всѣхъ страданій; и вотъ его уже и прежде нервно-настроенный мозгъ не въ силахъ становится выносить то, на уничтоженіе чего уже нѣтъ теперь надежды, голова ломится подъ напоромъ неразрѣшимыхъ вопросовъ о добрѣ и злѣ. Отвѣта на свои вопросы и запросы Пушкинъ ищетъ въ Библіи. «До конца 1863 года, объясняетъ онъ губернскому правленію, я ничего почти не читалъ священнаго, а съ ноября того года всю Библію не только прочиталъ, но и сдѣлалъ указатель всей Библіи».

И вотъ мы видимъ, что настроенный общественными темами Пушкинъ, ища разрѣшенія на свои запросы въ Библіи, начинаетъ представлять властямъ цѣлый рядъ записокъ, гдѣ общественные вопросы являются окутанными почти непроницаемымъ мистическимъ облакомъ. Такъ, въ «Откровеніи Министру Императорскаго Двора» Пушкинъ пишетъ, что «великая радость откровенія въ системѣ своей исключительно принадлежитъ нынѣ Царственному Дому Государя Императора за освобожденіе Его Величествомъ милліоновъ народовъ изъ Египта». Но когда на эту «великую радость» Пушкинъ не получилъ ожидаемаго удовлетворительнаго отвѣта, онъ разразился «гнѣвомъ Божіимъ», въ которомъ пишетъ, что «угнетенные люди на сѣверѣ нынѣ отпущены одной душой безъ тѣла и что за это лукавство предъ Богомъ, обнаруживаемое предъ свѣтомъ отвергнутымъ камнемъ, гнѣвъ Божій надъ головою всего царства также, какъ и древле, при выходѣ изъ Египта». Подъ отпускомъ «одной душой безъ тѣла» Пушкинъ разумѣлъ освобожденіе крестьянъ безъ земли, а не съ предоставленіемъ имъ поверхности земли, какъ онъ считалъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ губернское правленіе въ октябрѣ 1861 г., Пушкинъ проводитъ ту же идею: «Нынѣ внушаютъ мысль, что въ Россіи, какъ въ христіанскомъ государствѣ, адъ не былъ разрушенъ до освобожденія народовъ на сѣверѣ; однакожъ и по настоящій день не видно этого разрушенія ада, когда люди отпущены одною душою безъ тѣла, т. е. такъ, какъ говоритъ пророчество (Іерем. 34, 8—16)». А между тѣмъ адъ нужно разрушить, зло должно уничтожить какой бы то ни было цѣною, какими бы то ни было средствами. «Если бы нынѣ, говоритъ Пушкинъ, во имя Христа пришелъ самъ чортъ (падшій духъ) и сотворилъ правду и судъ и тѣмъ положилъ покой вѣчный въ честь Отца небеснаго, то Богъ также бы сказалъ о этомъ чортѣ, какъ о блудномъ своемъ сынѣ: «вотъ мое созданіе въ началѣ доброе, потомъ злое! оно было мертво и ожило, пропадало и нашлось—веселимся и радуемся!» Посему истинный Христосъ есть дѣйствительно изъ грѣш-

никовъ, мытарей и блудниковъ, а антихристы и лжехристы наоборотъ, изъ праведниковъ, изъ святыхъ отцовъ или вообще изъ сыновъ царствія, какъ злой духъ изъ добраго».

Дойдя до такихъ мыслей, Пушкину нужно было сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы признать, что онъ и есть этотъ Христосъ, пришедшій въ міръ для уничтоженія ада и обновленія всего міра, «посланникъ живого Бога въ продолжительное время своего ходатайства по дѣлу спасенія страждущаго на землѣ рода человѣческаго». И онъ дошелъ до этой идеи. Въ томъ же прошеніи отъ октября 1864 г. онъ такъ именуетъ себя: «Проситъ: по актамъ состоянія, или по наружному виду, Пермскій купецъ, 2 гилдіи, Адріанъ, сынъ Павловъ, Пушкинъ; по обѣтованному же виду для рода человѣческаго на землѣ, послѣднему откровенію живаго Бога въ воплощеніи Господа Адонаи Саваофа, но не Христа,—нынѣ только спасенный его Христосъ, пророческій рабъ Давидъ отъ земли сѣверски, иже есть святитель вѣрный: первенецъ изъ мертвыхъ и князь царей земныхъ», или «Царь Царямъ и Господинъ Господамъ, но не Богъ, а обѣтованный Сынъ человѣческій, въ которомъ рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть Духъ, говорящій не отъ себя». «Я поставленъ Царемъ надъ Сіономъ горой, т. е. надъ сердцемъ человѣческимъ для собранія языковъ во Іаковѣ, т. е. Мессіи, обѣтованномъ примирителѣ народовъ, или для соединенія церквей въ лицѣ единой живой (логичной) религіи на землѣ. Словомъ, поставленъ я, обѣтованнымъ, въ послѣдніе дни вѣка сего, пастыремъ народовъ для упасенія ихъ жезломъ желѣзнымъ, т. е. Духомъ Истины, и для устройства благодатнаго царства человѣка на землѣ». Здѣсь, въ этихъ мистическихъ разсужденіяхъ, мы встрѣчаемся уже со всѣми признаками религіозной маніи величія. Глубоко убѣжденный въ истинѣ и несомнѣнности своего призванія обновить міръ, «мертвить и живить, низводить во адъ и возводить всякаго страшнаго Голіафа, грознаго Олоферна и великаго кита, Пушкинъ, по наблюденію тогдашнихъ врачей, «на всѣ вопросы, не касавшіеся религіозныхъ предметовъ, словесно и письменно давалъ вполнѣ благоразумные отвѣты, но когда вопросы словесные и письменные были направлены на религіозные сюжеты, въ его глазахъ, чертахъ лица и пріемахъ появлялась особенная подвижность и энергичность, и онъ силился изустно и письменно поддержать многократно заявленныя имъ ложныя идеи». Очевидно, такое явленіе весьма сильно бросалось въ глаза, такъ какъ обращало на себя вниманіе не однихъ только спеціалистовъ. Такъ, 21 мая 1865 г. Вице-Губернаторъ Лысогорскій секретно предписалъ пермскому полицеймейстеру «независимо

отъ личнаго своего наблюденія, съ особенной осторожностью собрать черезъ домашнихъ Пушкина или его знакомыхъ ближайшія подъ рукой свѣдѣнія о томъ, не было ли замѣчено въ немъ умственнаго разстройства, чѣмъ оно обнаруживалось и какія были къ тому вліятельныя причины». И вотъ полицеймейстеръ рапортомъ отъ 3 сентября 1865 г. увѣдомилъ: «Г. Пушкинъ убѣжденъ, что онъ—человѣкъ далеко высшій настоящаго времени, котораго современники не въ состояніи понимать, а потому онъ считаетъ себя какимъ то преобразователемъ, ратникомъ истины и даже пророкомъ. Въ силу такихъ убѣжденій Пушкинъ силится нѣкоторыя пророчества Ветхаго Завѣта и Апокалипсисъ истолковать, какъ исполненіе ихъ, отечественными событіями послѣднихъ 4 или 5 лѣтъ. Онъ нерѣдко высказываетъ даже антирелигіозныя убѣжденія. Во всѣхъ же другихъ частныхъ разговорахъ Пушкинъ порядоченъ и логиченъ».

Не получая удовлетворенія на свои «домогательства», которыя, по его мнѣнію, должны были обновить міръ, не встрѣчая большого сочувствія въ образованномъ классѣ, который долженъ бы скорѣе отозваться на всѣ его запросы, Пушкинъ приходитъ къ выводу, что «общее основаніе всякаго зла заключается въ томъ, что, во 1-хъ,.... образованный классъ людей считаетъ религію необходимою только для необразованныхъ народовъ, тогда какъ она необходима прежде всего образованному классу, въ рукахъ котораго ключъ отъ Правды, Милости и Истины, потому что начало сихъ послѣднихъ въ Богѣ. Но Бога образованный классъ людей вовсе не знаетъ; слѣдовательно не знаетъ законовъ Правды, не знаетъ законовъ Милости, не знаетъ законовъ Истины и, во 2-хъ, что изъ правительственныхъ лицъ никто даже и слышать не хочетъ о Мессіи, такъ же какъ и о Богѣ, и его законахъ, и Его правдѣ, а всѣ остаются до настоящаго дня «мертвыми, живущими во гробѣ»...Глубокій корень общаго зла въ мірѣ глубоко скрывается въ духовенствѣ или во святыхъ Израилевыхъ, отъ которыхъ до нынѣ царствуетъ на землѣ не только всѣми видимая неправда, но и всякое осквернѣніе всей земли.»... «Міродержатели тьмы вѣка сего тысячи лѣтъ говорятъ и учатъ народы къ такому вздору и безсмыслицѣ, въ отношеніи вѣроисповѣданія, что и сами не понимаютъ. У нихъ, вопреки закону, котораго они не хотятъ и знать, повсюду тайны, а потому они и ограничиваются внушеніемъ: «не испытуй, вѣруй», конечно, для того, чтобы лучше имъ было въ мутной водѣ рыбу ловить. Пригласите за одинъ столъ нѣсколько образованныхъ пастырей разныхъ вѣроисповѣданій, и на вопросъ о религіи, конечно, каждый изъ нихъ скажетъ въ защиту своей стороны: наша непогрѣшимо-

православная вѣра. А я скажу, что въ этихъ отзывахъ нѣтъ ничего бѣлаго, кромѣ дьявольской гордости. Одно уже несогласіе въ религіяхъ «ложь есть» всѣхъ и каждаго. Подобно тому безумію до освобожденія народовъ изъ званія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, проповѣдники несуществующаго на землѣ мира постоянно внушали означеннымъ людямъ: Нѣсть власть, аще не отъ Бога. Повинуйтеся всякой власти. Когда же отпустили этихъ людей хотя одною душою безъ тѣла, то проповѣдники, въ процвѣтаніе лести, загремѣли съ кафедръ и въ возваніяхъ: «нынѣ смерти празднуя умерщвленіе, адова разрушенія, иного житія вѣчнаго начала», слѣд. въ православномъ государствѣ, которое въ особенности хвалится религіей, былъ адъ и нынѣ книжники и фарисеи не знаютъ, что означенный приговоръ на разрушеніе ада они произносятъ именно на себя въ поношеніе вѣчное и въ срамоту вѣчную, яже никогда забвеніемъ загладится». Среди духовенства особенной неблагосклонностью Пушкина пользуется Св. Синодъ, который разсматривалъ его матеріалы о пришествіи Мессіи и «не только окончательно отвергнулъ ихъ подъ общимъ безотчетно голословнымъ выраженіемъ» по странному и непонятному сочетанію предметовъ, «но и признавая ихъ, кромѣ одной картины, противными будто бы христіанской вѣрѣ, удерживалъ ихъ въ безгласность». «Они, громитъ Синодъ Пушкинъ, считаютъ меня, своего царя Давида, за сумасшедшаго, но суду не придаютъ, потому что по дарованной мнѣ отъ Бога власти я буду ихъ судить и на землѣ и за гробомъ, т. е. живыхъ нынѣ, а мертвыхъ послѣ». Синодъ подвергается въ произведеніяхъ Пушкина самымъ грубымъ ругательствамъ. Приведу одинъ образецъ таковыхъ: «Время скорбное идетъ, и такое приходитъ, что подъ опасеніемъ общаго разрушенія на землѣ, нельзя допустить далѣе, чтобъ еще всѣ цари, господства и правительства мучились и страдали, и на землѣ, и за гробомъ, только ради чести на землѣ одного лукаваго рода книжниковъ и фарисеевъ, которые отъ нынѣ, изъ возстающихъ на меня, есть пророческіе псы, а подражающіе имъ—свиньи, въ законѣ живаго Бога проклятые. На выраженіе высказанной моей дерзости передъ свѣтомъ . . . я имѣю права отъ Бога».

Свѣтскія власти тоже вызываютъ на себя проклятія Пушкина: «Я проклялъ, пишетъ онъ, въ вѣчную пагубу и за гробомъ какъ статсъ-секретаря, предсѣдателя коммиссіи прошеній князя Голицына, такъ и преемника его съ докладчиками, читавшими мою просьбу отъ 25 декабря и не содѣлавшими по ней надлежащаго распоряженія». . . . «Г. Министръ внутреннихъ дѣлъ не только не сдѣлалъ надлежащаго распоряженія, но по юродству

*

своему не хотѣлъ даже отвѣчать обѣтованному сыну человѣческому на докладную записку его отъ 3 декабря 63 г. . . Я проклялъ Министра внутреннихъ дѣлъ въ Россіи съ его служителями, читавшими мои приношенія Цесаревичу отъ 20 декабря 63 г. и не приложившими къ дѣлу уха своего».

При подачѣ бумагъ такого характера, разумѣется, на Пушкина скоро обратили вниманіе. Сначала, когда Пушкинъ въ 1863 г. представилъ въ Синодъ картину «Знаменіе царствующей вѣры» и ходатайствовалъ о распространеніи таковой, Св. Синодъ нашелъ его «ходатайство незаслуживающимъ удовлетворенія, усматривая въ описаніи картины нѣкоторыя странныя толкованія и неправильныя понятія». Затѣмъ, когда въ 1864 г. Пушкинъ представилъ въ Синодъ рукопись «Великая радость» и четыре картины (одну на холстѣ и три на бумагѣ), Синодъ нашелъ: «Картина писанная на холстѣ масляными красками не представляетъ ничего противозаконнаго, но по странному и непонятному сочетанію въ ней предметовъ не заслуживаетъ одобренія. Другія же три картины и рукопись наполнены мыслями и выраженіями, противными православной вѣрѣ и подлежатъ удержанію отъ автора». Пушкинъ расписался въ полученіи объявленія объ этихъ отвѣтахъ Св. Синода, но все же продолжалъ подачу прошеній. Въ томъ же 1864 г. Пушкинъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя о выдачѣ ему ссуды въ 5 тысячъ рублей серебромъ для окончанія его дѣла о пришествіи Мессіи, на которое онъ издержалъ всѣ свои деньги. Исправляющій должность статсъ-секретаря Е. И. В. у принятія прошеній въ виду того, что способъ изложенія прошенія Пушкина свидѣтельствовалъ объ умственномъ его разстройствѣ, рекомендовалъ Пермскому Губернатору обратить на него надлежащее вниманіе въ отношеніи его умственнаго разстройства. Вслѣдствіи этого Вице-Губернаторомъ Лысогорскимъ и было предписано полицеймейстеру собрать о Пушкинѣ негласныя свѣдѣнія. Такъ прошелъ годъ, а по прошествіи года Министръ Императорскаго Двора графъ Адлербергъ сообщилъ Пермскому Губернатору, что Пушкинъ прислалъ на его имя просьбу, которую назвалъ «Откровеніемъ», и при ней особую записку подъ заглавіемъ «Гнѣвъ Божій», прося сію послѣднюю повергнуть на Высочайшее воззрѣніе. Содержаніе этихъ бумагъ, пишетъ Министръ Двора, наполненныхъ выходящими за предѣлы здраваго смысла мистическими умствованіями и дерзкими отзывами о высшихъ правительственныхъ мѣстахъ и лицахъ не оставляетъ сомнѣнія въ разстройствѣ умственныхъ его способностей. Поэтому графъ Адлербергъ препроводилъ эти

бумаги Губернатору для принятія зависящихъ мѣръ, по ближайшему его усмотрѣнію.

Но мѣстныя власти, повидимому, слишкомъ привыкли къ «умствованіямъ» Пушкина, чтобы серьезно взяться за зависящія мѣры. Онѣ ограничились только предписаніемъ полицеймейстеру «имѣть за Пушкинымъ негласное наблюденіе о томъ, чтобы онъ никуда не подавалъ прошеній и не распространялъ мистическихъ идей». Неизвѣстно, какія мѣры были приняты полицеймейстеромъ для исполненія распоряженія губернскаго начальства. Въ дѣлѣ сохранилась лишь переписка его съ почтовой конторой. Полицеймейстеръ просилъ контору «отдавать ему на предварительное разсмотрѣніе подаваемыя Пушкинымъ бумаги», но контора отвѣтила, что «безъ особаго разрѣшенія Почтоваго Департамента она означеннаго требованія исполнить не можетъ». Вслѣдствіе этого полицеймейстеръ отрапортовалъ Губернатору, что онъ слѣдить за подачей Пушкинымъ бумагъ тоже не можетъ.

Дѣлу какъ будто тѣмъ бы и кончиться. Но 6 февраля 1866 г. графъ Адлербергъ препроводилъ Пермскому Губернатору Струве полученную имъ 3 февраля отъ Пушкина телеграмму въ 120 сл. слѣдующаго содержанія: «Петербургъ. Министру Императорскаго Двора. Пришло обѣтованное отъ Бога время живымъ людямъ любить живыхъ. Но какъ вообще человѣкъ въ отношеніи къ Богу еще мертвъ, потому и любить только мертвое, уважаетъ потерянное, вѣритъ прошедшему, боготворитъ невозвратное, настоящее же живое преслѣдуетъ, оскорбляетъ, уничтожаетъ, называетъ болѣзненнымъ. Проводники истины всегда были признаваемы за сумасшедшихъ, а изображеніямъ ихъ послѣ и Цари поклоняются. Теперь признаютъ меня сумасшедшимъ за ту истину, которою я какъ Ной, какъ Лотъ, предупреждаю отъ гибели даже самую Царствующую Династію. Будьте милостивы, господинъ Министръ, уничтоженіемъ меня не отнимайте отъ Государя Императора дарованныхъ отъ Бога Его Величеству правъ для общаго блага всѣхъ народовъ. Прошу провѣрить предметъ особою гражданскою коммиссіею. Шутить дѣломъ нельзя. Если истина не подтвердится, отдаю мою жизнь подъ сѣкиру палача. Купецъ Пушкинъ». Немедленно же по полученіи этой телеграммы Пермскій Губернаторъ Струве предписалъ Губернскому правленію произвести освидѣтельствованіе Пушкина въ состояніи его умственныхъ способностей.

8 марта 1866 года собрался составъ губернскаго правленія, причемъ въ качествѣ «совѣщателей» были приглашены Пермскаго военнаго училища врачъ Холостовъ, ординаторъ Александровской больницы Осиповичъ, а также лицо духовнаго вѣдом-

ства—протоіерей Петропавловскаго собора Іоаннъ Любимовъ. Совѣщаніе пришло къ такому выводу: «Взявъ во вниманіе отвѣты Пушкина, относящіеся до обыденныхъ жизненныхъ вопросовъ, а также его манеру, какъ въ держаніи себя, такъ и во время его разговора съ присутствующими, можно сказать, что онъ не подходитъ къ разряду людей, подверженныхъ сумасшествію; но слѣдя за его сужденіями о чисто-религіозныхъ догматахъ, нельзя было при этомъ не замѣтить несвойственной тѣлосложенію свидѣтельствуемаго подвижности и экзельтаціи, указывающихъ на то, что Пушкинъ весь проникнутъ своею идеею, которую онъ считаетъ за дѣло чисто правдивое, истину непреложную, не требующую никакихъ доказательствъ, а однихъ только разсмотрѣній, для чего онъ и проситъ «особой коммиссіи»... Въ немъ видѣнъ человѣкъ, бросившій всѣ житейскія заботы относительно себя и своего семейства во имя своего «особаго дѣла», употребившій все свое состояніе на это дѣло и предавшійся девятилѣтнему усидчивому чтенію св. писанія, особенно Библіи и Апокалипсиса». Заключеніе совѣщанія было таково: «Необходимо помѣстить Пушкина въ особой комнатѣ, на испытаніе, при Александровской больницѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ».

Каково было въ это время душевное состояніе Пушкина и положеніе его въ Пермскомъ обществѣ—отвѣтъ на этотъ вопросъ можно почерпнуть въ отвѣтахъ его губернскому правленію: «Въ послѣднее время, выбившись изъ матеріальныхъ средствъ въ своемъ дѣлѣ, я обращался съ просьбою о ссудѣ мнѣ денегъ къ возврату—къ Пермскому городскому головѣ Ко..... и къ г. новому городскому головѣ Ка..... Первый—совершенно не зная моего дѣла, собственно для семейной жизни далъ къ возврату 50 рублей серебромъ. Послѣдній—не только отказалъ мнѣ въ помощи, но, предварительно распросивъ мое занятіе, обвинилъ меня заочно въ присутствіи Думы при посторонникъ людяхъ, которые и разнесли по городу слухи о пришествіи Мессіи. Эти слухи подтверждаются и въ церквахъ съ кафедръ только въ другихъ выраженіяхъ». Повидимому, Пермь волновалась. И было чему: Мессіей себя объявилъ не простой незамѣтный обыватель, арестованъ и взятъ на испытаніе самъ Пушкинъ, много лѣтъ занимавшій видное мѣсто повѣреннаго по дѣламъ гр. Строгановой, въ послѣднее время повѣренный городскаго общества въ силу «общественнаго приговора всѣхъ сословій жителей губернскаго города Перми» отъ 22 марта 1862 г. Безспорно, что у такого виднаго общественнаго дѣятеля была и своя партія, и свои послѣдователи, и свои враги. Враги—город-

ской голова К....., протоіерей І. Л.....—«разносили о немъ слухи», громили его съ кафедръ. Друзья и послѣдователи—слѣпо и безспорно исполняли желанія и, пожалуй, велѣнія своего Мессіи. Самъ Пушкинъ своими послѣдователями называетъ: живописца Далматова, переписчика своихъ бумагъ Николая Иванова Кузнецова и посѣщавшаго его домъ для леченія больныхъ лекаря Коробова. По всей вѣроятности, это только наиболѣе видные и близкіе его послѣдователи, а за ними, навѣрное, стоитъ цѣлая серія другихъ, не столь видныхъ и замѣтныхъ. При всемъ томъ Пушкинъ чувствуетъ себя несчастнымъ. «Правительство, говоритъ онъ, не можетъ понять моего дѣла безъ особой повѣрки моихъ приношеній, а потому я и считаю себя несчастнымъ, что жребій призванія палъ на меня нищаго, и виноватымъ въ томъ, что за всѣхъ трудился въ общемъ дѣлѣ».

Водворенный въ Александровскую больницу, Пушкинъ на первыхъ же порахъ проситъ Губернатора «дать ему понятіе, за что именно онъ лишенъ свободы и содержится въ Александровской больницѣ въ стѣсненной воздухомъ отдѣльной комнатѣ, на одно окно, съ желѣзной рѣшеткой и общимъ военнымъ карауломъ при дверяхъ, содержимымъ для больныхъ арестантовъ». Онъ силится доказать еще, что для разсмотрѣнія его дѣла нужна особая гражданская коммиссія. «Ваше Превосходительство! пишетъ Пушкинъ, при настоящемъ случаѣ позвольте еще выразить предъ Вами и то, что, если по незнанію общаго духа закона Божія въ иносказательномъ его смыслѣ собственныхъ именъ, считаютъ меня, призваннаго раба, за болѣзненнаго самозванца, то что бы нынѣшнее правительство сдѣлало съ самимъ Богочеловѣкомъ, если бы онъ «паки» явился на землю Самъ и объявилъ свои права живаго Бога?... Увѣряю Васъ, Ваше Превосходительство, что православное правительство такъ же бы жестоко наказало живого Бога и нынѣ, какъ на Голгофѣ, покрайней мѣрѣ плетьми, потому что донынѣ люди не имѣютъ разума любить живыхъ, а боготворятъ только мертвыхъ».

Но судьба Пушкина была уже рѣшена.—27 апрѣля, не выжидая истеченія трехмѣсячнаго срока испытанія, Пермскій Губернаторъ «обстоятельства дѣла Пушкина представилъ на благоусмотрѣніе Министра внутреннихъ дѣлъ», прося удалить Пушкина изъ предѣловъ Пермской губерніи; 14 ноября 1866 года получено было Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Для пресѣченія мѣщанину Пушкину возможности къ распространенію его лжеученій помѣстить его въ Соловецкій монастырь, подъ надзоръ и увѣщанія настоятеля и братіи сего монастыря». Высочайшее повелѣніе было немедленно приведено въ

исполненіе. Пушкинъ тотчасъ же съ двумя жандармами отправленъ въ Архангельскую губернію и 5 декабря 1866 г. Архангельскій Губернаторъ уже выдалъ жандармамъ квитанцію въ томъ, что «Пушкинъ доставленъ въ Архангельскъ 4 сего декабря»*).

«Лѣтопись окончена моя»... Болѣе подробное изученіе Пушкинскаго дѣла нужно предоставить богословамъ и врачамъ-психіатрамъ. Я же хотѣлъ бы еще привести любопытныя, на мой взглядъ, данныя о вліяніи Пушкина, какъ соціально-рели-

---

*) Занимавшійся въ архивѣ Соловецкаго монастыря А. Ф. Селивановъ (членъ Перм. Уч. Арх. К.) такъ описываетъ (Рус. Стар. 1889, № 9, стр. 641—642) жизнь Пушкина въ 1866—1881 г.г, «Изъ дѣла видно, что на содержаніе Пушкина было ассигновано 48 руб. въ годъ по Высочайшему повелѣнію. При дешевизнѣ жизни въ Соловецкомъ монастырѣ и при невзыскательности монаховъ эта сумма была порядочная. Заключеніе въ острогѣ больному Пушкину было тяжело и, желая освободиться отъ него, онъ въ въ 1868 году 5 октября подаетъ просьбу о помилованіи и раскаивается въ своихъ заблужденіяхъ, объясняя ихъ помраченіемъ своего разсудка. Соборъ монастыря (состоящій изъ настоятеля, намѣстника, казначея, ризничьяго, благочиннаго и духовника) постановилъ ходатайствовать объ освобожденіи Пушкина (1868 г. 15 октября). Оберъ-прокуроръ св. Синода 31 января 1869 г. увѣдомилъ соборъ, что оставляетъ Пушкина на короткій срокъ въ монастырѣ и разрѣшаетъ ему гулять въ виду его болѣзни. Послѣ ходатайства о Пушкинѣ въ монастырѣ была получена бумага отъ Архангельскаго губернатора (отъ 30 октября 1868 г.), въ которой онъ сообщаетъ настоятелю, что онъ ходатайствовалъ о возвращеніи Пушкина на родину. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ маѣ 1869 г., Архангельскій губернаторъ проситъ у настоятеля монастыря свѣдѣній о Пушкинѣ, чтобы вновь возбудить ходатайство о его освобожденіи. И это ходатайство губернатора не увѣнчалось успѣхомъ. Родственники Пушкина все-таки не отчаявались въ его освобожденіи и по просьбѣ одного изъ нихъ, Кузнецова, о немъ собирались свѣдѣнія. Вотъ что пишетъ о Пушкинѣ архангельскому губернатору настоятель Соловецкаго монастыря 28 мая 1880 года: «остается при своихъ убѣжденіяхъ о религіи, не посѣщаетъ храма Божьяго, не бываетъ у исповѣди и св. Причастія и упоренъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Когда я взошелъ къ нему и спросилъ его, отчего у него въ комнатѣ нѣтъ св. иконы, то онъ, указывая мнѣ на лобъ, сказалъ: вотъ тутъ все, что нужно, и началъ высказывать, такія убѣжденія, что страшно и весьма вредно слушать»... Въ дѣлѣ приложены отчеты архимандрита о Пушкинѣ, которые онъ посылалъ въ св. Синодъ. Изъ этихъ отчетовъ мы видимъ, что въ 1868 г. Пушкинъ говѣлъ, а въ 1869 г. въ мартѣ возвратился къ прежнимъ убѣжденіямъ, которымъ и не измѣнилъ.... По Высочайшему повелѣнію 3 октября 1881 года Пушкину замѣнено наказаніе житьемъ въ Архангельскѣ подъ надзоромъ полиціи. 25 ноября Пушкина освободили, а въ слѣдующемъ году онъ умеръ въ Архангельскѣ въ больницѣ.... Предъ самымъ его освобожденіемъ вотъ что пишетъ архангельскому преосвященному соловецкій настоятель 31 декабря 1881 г.: Пушкинъ прежнихъ убѣжденій и въ разговорахъ раздражителенъ. По словамъ настоятеля, у него въ концѣ 1881 г. была цынга.... 19 іюня 1880 г. архангельскій губернаторъ сообщилъ настоятелю, что Пушкина хотятъ освободить воровскимъ способомъ и что у него въ Женевѣ есть поклонники и даже свой печатный органъ»....

О послѣднихъ годахъ Пушкина нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаются въ книгѣ А. С. Пругавина: «Религіозные отщепенцы» (Спб. 1904 г., вып. I, стр. 195—210).

Ред.

гіознаго маніака, на окружающихъ. Неполучившій образованія, учившійся жизнью и развивавшій себя чтеніемъ книгъ, Пушкинъ дошелъ до идей, нашедшихъ отзвукъ въ сердцѣ и умѣ одного изъ образованныхъ жителей Перми того времени—пермскаго городского врача Александра Михайловича Коробова.

Послѣдній ради Пушкинскихъ идей бросилъ должность городоваго врача и всецѣло «занялся собственно изученіемъ этого предмета посредствомъ нѣкоторыхъ священныхъ книгъ», такъ какъ, по его словамъ, «при служебныхъ занятіяхъ не было никакой возможности доказать истину». 25 марта 1867 г. Коробовъ въ Петербургѣ подалъ прошеніе на Высочайшее имя, весьма характерно отражающее идеи Пушкина, прошедшія сквозь горнило образованнаго ума. Въ этомъ прошеніи Коробовъ указываетъ на то, что настало время для совершенія обновленія всего міра. Способъ къ тому онъ видитъ въ уничтоженіи католицизма. «Но побѣдить его возможно только религіозной истиной, а не русскимъ современнымъ православіемъ. Современное православіе не есть истина, что показываетъ внутреннее разногласіе религіозныхъ убѣжденій—раскольниковъ, матеріалистовъ и друг. Въ истинѣ нѣтъ спора,—никто не споритъ, что $2 \times 2 = 4$». Коробовъ предупреждаетъ Государя, что «буйство душевныхъ силъ внутри государства затруднитъ его въ войнѣ». «У насъ въ Россіи, говоритъ онъ, быстро развивается безнравственность во всѣхъ сословіяхъ. Безнравственность эта проявляется во всѣхъ формахъ—обманѣ, лжи, лѣни, воровствѣ, развратѣ, корыстолюбіи, честолюбіи и т. п. А отъ того большая часть въ составѣ Твоего, Государь, правительства люди своекорыстные, честолюбивые, испорченные роскошью, но теперь прожившіеся и неспособные на производительный трудъ, а потому изъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ имъ для удовлетворенія страстей, они готовы, если не на внѣшнюю, то на внутреннюю измѣну. Финансы разстроены, литература, выражающая жизнь народа, молчитъ невольно. Дворянство за измѣну предъ Богомъ и Тобою, Государь, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ раззорилось и оно желало бы воротиться къ старымъ порядкамъ, но видитъ невозможность, а потому оно отыскиваетъ источники власти, которые дали бы возможность безъ труда пріобрѣсти матеріальныя средства. Чиновники, въ свою очередь захватывающіе власть, раззоряютъ своимъ корыстолюбіемъ народъ. Въ нихъ, по неразвитію ихъ, начинаетъ господствовать духъ современнаго русскаго нигилизма и, по ихъ понятію, деньги составляютъ источникъ ихъ благополучія и власти, а потому они не пренебрегаютъ никакими средствами къ пріобрѣтенію ихъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне раззорены до не-

возможности, съ нихъ берутъ разными пронырствами взятки, даже взамѣнъ невзноса податей въ казну. Есть въ провинціи чиновники, которые, можно сказать, явно грабятъ народъ и убиваютъ людей не только нравственно, но и физически». Охарактеризовавъ такъ общество, Коробовъ высказываетъ опасеніе, что «при такомъ состояніи общественнаго строя внѣшняя интрига будетъ дѣйствовать на поляковъ, поляки на нашихъ недоучекъ, такъ называемыхъ нигилистовъ, къ которымъ относится не одна только молодежь, но даже на солидныхъ мѣстахъ солидные люди, нигилисты легко подѣйствуютъ на крестьянъ, пользуясь ихъ бѣдностью, неразвитостью и злобой на начальство, измѣняющее, по ихъ убѣжденію, и Тебѣ, Государь. Другія сословія или классы, не имѣя нравственныхъ основъ, не составятъ прочной опоры, — ихъ идолъ деньги».

Все это въ глазахъ Коробова является основаніемъ для ходатайства о пересмотрѣ особеннаго дѣла Адріана Павловича Пушкина, въ каковомъ послѣднему было уже однажды отказано, а именно 11 января 1867 года. По полученіи такого прошенія Коробовъ былъ подвергнутъ медицинскому освидѣтельствованію физикатомъ въ присутствіи Петербургскаго губернскаго правленія. На вопросы физиката, что побуждаетъ Коробова слѣдовать ученію Пушкина, онъ отвѣтилъ: «А если я нахожу, что онъ можетъ открыть больше истины и вслѣдствіе этого принести больше пользы человѣчеству? Вѣдь надо же какъ нибудь достигнуть истины, потому что многіе къ тому стремятся, но одинъ лишь находитъ истину». Въ результатѣ освидѣтельствованія Коробовъ былъ признанъ одержимымъ однопредметнымъ помѣшательствомъ и отправленъ на испытаніе на 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ въ октябрѣ 1867 г. высланъ на жительство въ Вологодскую губернію и водворенъ въ городъ Кадниковъ, откуда бѣжалъ за границу и въ Швейцаріи издавалъ богословскій журналъ, въ которомъ продолжалъ излагать свои убѣжденія и взгляды.

Итакъ, мы видимъ, что до конца своей жизни неуклонно отстаивали свои идеи и Пушкинъ, и Коробовъ. Изъ разсказовъ мѣстныхъ старожиловъ мнѣ извѣстно, что долго и чуть-ли не до настоящаго времени въ Перми сохранились пушкинскія идеи и послѣдователи пушкинскаго ученія. Что оно не было предметомъ вѣрованій немногихъ лицъ, видно отчасти изъ словъ губернатора Струве: «Я нахожу, писалъ г. Струве, пребываніе Коробова въ Перми вреднымъ для религіознаго спокойствія населенія губерніи». Чѣмъ же объясняется такой успѣхъ несомнѣнно безумныхъ идей? Въ чемъ ихъ заразительность? Формы того религіознаго, говоря медицинскимъ языкомъ, «бреда», который свойственень

маніакамъ этого рода—дѣло медицины, и не входитъ въ мою задачу анализировать эти формы; но содержаніе этого бреда подлежитъ анализу съ точки зрѣнія соціально-исторической.

Какъ страдавшій подъ гнетомъ крѣпостнаго права купецъ Пушкинъ, такъ и просвѣщенный врачъ Коробовъ были сторонниками освобожденія крестьянъ. Но не трудно замѣтить, что тотъ и другой были воспитаны крѣпостнымъ молокомъ, были дѣтьми крѣпостническаго міра съ его правовымъ міросозерцаніемъ и его мышленіемъ. Они видѣли гнетъ и страданія «крѣпостныхъ народовъ», желали освобожденія ихъ отъ этого гнета, но ихъ мысль была безсильна подняться до отмѣны самаго принципа крѣпостнаго права. Это такъ и бьетъ изъ каждой строки «частныхъ мыслей по крестьянскому дѣлу». Они желали, чтобы страданія исчезли, но не могли справиться съ новыми формами быта и овладѣть ихъ разумѣніемъ. Крѣпостное право пало подъ напоромъ денежнаго хозяйства. Денежное хозяйство неизбѣжно должно было развиться отъ его отмѣны, а наши пермскіе пророки боялись этого и считали деньги идоломъ безнравственности. Такимъ образомъ, у нихъ и «въ грядущемъ нѣтъ желанья и прошедшаго не жаль». Они не могли найти опоры ни въ будущемъ, ни въ прошломъ, и поневолѣ отъ грѣшной земли должны были подняться въ «надзвѣдныя поля, гдѣ духи плавают въ эфирѣ». Они видѣли зло, болѣли отъ его существованія, но не могли отыскать ни корня зла, ни его причинъ на землѣ.

Пушкинъ бредитъ зломъ міра, его несовершенствами, его обновленіемъ, разрушеніемъ ада, умерщвленіемъ смерти. Конкретно міровое зло выражается, по его словамъ, во всѣхъ тѣхъ несчастіяхъ и злоключеніяхъ, которыя выпали на долю современнаго ему человѣка, особенно низшихъ слоевъ населенія. Прошеніе Коробова на Высочайшее имя, мысли Пушкина о положеніи крестьянства вскрываютъ передъ нами тотъ нарывъ, которымъ болѣла ихъ мысль и воля. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ становится совершенно понятнымъ, почему идеи Пушкина были такъ близки и понятны всѣмъ тѣмъ, кто страдалъ отъ тѣхъ же несчастій и неустройствъ. Пушкинъ предлагалъ людямъ совлечь съ нихъ ту власяницу, которая больно колола, ранила и жгла ихъ тѣло. Естественно, что его идеи были и понятны, и близки этимъ людямъ. Имъ, извѣрившимся и изстрадавшимся, было такъ легко и свободно въ «мутной водѣ» его вѣроученій, манившей въ вольную даль изъ этой жизни. Необразованный умъ, неразвитое мышленіе ихъ не въ силахъ было справиться съ волной нахлынувшихъ на нихъ новыхъ институтовъ, явленій, идей и взглядовъ, появившихся въ жизни въ «эпоху великихъ реформъ».

Ихъ умъ садился на мель, ихъ міросозерцаніе терпѣло крушеніе при столкновеніи съ этими «новшествами», а въ ученіи Пушкина все было предусмотрѣно, все объяснено, все стройно, все понятно для необразованнаго, неразвитаго, неспособнаго къ глубокому критическому анализу ума.

Если добавить къ этому, что свои идеи Пушкинъ и Коробовъ проповѣдывали голосомъ съ нервной дрожью, что свои сочиненія они писали кровью сердца и сокомъ нервовъ, то будетъ, надѣюсь, вполнѣ понятна заразительность ихъ соціально-религіознаго бреда. Когда я перечитываю прошеніе Коробова на Высочайшее имя, когда мнѣ въ глаза бросается этотъ нервный почеркъ, эти какія-то водяныя пятна, растворившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернила прошенія и попортившія глянецъ бумаги, то мнѣ представляется образъ этого молодаго, образованнаго, культурнаго врача, мнѣ чудится, какъ въ Петербургѣ въ комнаткѣ на Кузнецкомъ переулкѣ онъ сидитъ и изливаетъ на бумагѣ свою душу, описываетъ страданія своей родины, а слезы катятся изъ его глазъ, текутъ по щекамъ и растворяютъ написанныя имъ строки, пачкаютъ лежащую передъ нимъ бумагу.

Не ясно-ли вліяніе такихъ людей на толпу, не очевидно-ли, почему они выступаютъ въ роли «героевъ», увлекая за собой другихъ? «Вѣдь надо же какъ нибудь достигнуть истины!»—вотъ тотъ вопль, который слышится намъ въ безумныхъ идеяхъ этихъ «героевъ» того историческаго момента, когда

Es ändert sich die Welt
Und neue Leben sturtzt aus den Ruinen.

Среди людей съ такими же какъ у нихъ запросами отъ жизни, среди людей, которые не въ состояніи научно разрѣшить эти запросы и страдаютъ «подъ бременемъ сомнѣнья», Пушкины способны увлечь, наэлектризировать, повести за собою толпу послѣдователей. Но при первомъ же прикосновеніи критическаго анализа, научнаго знанія, они оказываются одержимыми однопредметною маніей и къ нимъ прекрасно подходятъ слова поэта:

Не молись на него! Предъ тобой не герой,—
Нѣтъ героевъ въ нашъ жалкій, скудѣющій вѣкъ,—
Предъ тобою усталый, несчастный, больной,
Себялюбіемъ полный мертвецъ-человѣкъ.

В. Н. Трапезниковъ.

26 марта 1902 г.

Къ вопросу о московскомъ и новгородскомъ вліяніяхъ въ архитектурныхъ памятникахъ Соликамска и Чердыни.

(Историко-археологическая[1]) справка).

На XII Археологическомъ Съѣздѣ въ Харьковѣ въ отвѣтной рѣчи на мой рефератъ *«Архитектурные памятники Соликамска»* профессоръ Петербургскаго университета С. Ѳ. Платоновъ указалъ, что «какъ г. Чердынь былъ подъ новгородскимъ вліяніемъ, такъ Соликамскъ подъ московскимъ»[2]). Изъ этихъ словъ вполнѣ явствуетъ, будто Чердынь и Соликамскъ являются крайними пунктами вліянія двухъ разныхъ культуръ на сѣверъ Россіи—новгородской и московской, обособленными воротами, чрезъ которыя проникло просвѣтительное вліяніе двухъ культурныхъ центровъ Россіи—Новгорода и Москвы; Новгорода чрезъ Чердынь, Москвы чрезъ Соликамскъ. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ.

Новгородцы, укрѣпившись твердо въ окрестностяхъ нынѣшней Чердыни, назвавъ именемъ родной Вишеры протекающую

[1]) Доложена въ засѣданіи Перм. Губ. Уч. Арх. К-сіи 9 декабря 1903 г.

[2]) Въ числѣ запросовъ, обращенныхъ заблаговременно къ Харьковскому Археологическому Съѣзду, былъ запросъ ученаго археолога-зодчаго Н. В. Султанова: Какія памятники древняго зодчества сохранились въ Соликамскѣ? По просьбѣ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи на этотъ вопросъ отозвались А. А. Дмитріевъ, М. И. Капустинъ мелкими замѣчаніями и А. И. Слупскій обстоятельною архивно-археологическою справкою съ альбомомъ фотографическихъ снимковъ. На засѣданіи 24 августа 1902 г. депутатъ нашей коммиссіи В. С. Малченко предъявилъ Съѣзду альбомъ и сдѣлалъ докладъ по реферату г. Слупскаго (См. Труды Перм. Уч. Архивн. К-сіи—т. VI, стр. 151, 152), заинтересовавшій спеціалистовъ. Проф. Н. В. Покровскій находилъ, что рефератъ и снимки «позволяютъ подойти къ рѣшенію вопроса о распространеніи московской архитектуры въ блестящій періодъ ея разцвѣта XVI—XVII в.в.; предшествующими изслѣдованіями установлено, что вліяніе московской архитектуры распространилось во всей средней Россіи, но вопросъ о распространеніи ея по окраинамъ оставался открытымъ для данной области; по памятникамъ было извѣстно: что мастера-живописцы московской царевой художественной школы работали во всей средней и сѣверной Россіи, теперь оказывается, что московскіе строители распространяли и архитектуру московскую, слѣды вліянія которой сказались и въ Соликамскѣ». (Извѣстія XII археолог. съѣзда въ Харьковѣ, стр. 115). Съ своей стороны проф. С. Ѳ. Платоновъ привелъ историческую справку, что «города района Чердыни и Соликамска были этапами, чрезъ которые шла изъ Москвы колонизація Сибири. Сперва имѣла преобладающее значеніе Чердынь, куда Москва направляла свое вліяніе чрезъ Новгородскую область, а когда Казань была замирена, колонизаціонный путь опустился къ югу и Соликамскъ оказался на этомъ торномъ пути, такъ что здѣсь несомнѣнно въ разсматриваемое время обращались купцы и другіе люди изъ центральной московской полосы». (Извѣстія съѣзда, стр. 166). Къ ограниченію вывода изъ этой справки, сдѣланнаго многими изъ членовъ съѣзда и приведеннаго въ отчетѣ Д. В. Скрынченка (Труды К-сіи т. VI) и ведетъ печатаемая работа А. И. Слупскаго. *Ред.*

въ этой мѣстности рѣку, а въ честь своего уважаемаго гражданина, можетъ быть, и начальника колонизаціоннаго отряда Полюда гору «Полюдовымъ камнемъ»[1]), не остались спокойно сидѣть на мѣстѣ, а продолжали свое движеніе внизъ по р. Камѣ. Слѣды пребыванія новгородцевъ по берегамъ Камы въ предѣлахъ теперешнихъ Пермскаго и Осинскаго уѣздовъ остались или въ видѣ названія мѣстности, или же занесены отчасти въ исторію. Подводные рѣчные камни въ древней Новгородской области назывались «слудами»[2]) и Слудка появляется на Камѣ, а рукописная исторія вятчанъ Вечтомова и Хлыновская лѣтопись знаютъ о поселеніяхъ новгородцевъ въ VII вѣкѣ у устьевъ Осы[3]).

Такимъ образомъ новгородцы, изучивъ Каму отъ Вишеры покрайней мѣрѣ до Осы, не могли не обратить своего вниманія на мѣстность занимаемую теперешнимъ Соликамскомъ и расположенными около него волостями по рѣкамъ Боровой, Усолкѣ и Яйвѣ. Прежде всего новыхъ колонизаторовъ должны были привлечь многочисленные въ прежнее время по р. Усолкѣ и Боровой соляные ключи, такъ хорошо знакомые имъ по ихъ далекой родинѣ, гдѣ соляное дѣло играло не послѣднюю роль; затѣмъ серебряная руда, которою, по преданію, въ то время были богаты берега Яйвы[4]), тоже не могла не привлечь вниманія новгородцевъ; покрайней мѣрѣ въ Новгородской лѣтописи подъ 1332 г. мы находимъ: «....и великій князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамскаго». Уралъ не имѣетъ серебряныхъ рудъ, и есть очень много основаній допустить, что «закамское серебро» добывалось въ раіонѣ рѣки Яйвы, или нѣсколько сѣверо-западнѣе. Такими основаніями служитъ только что приведенное сейчасъ преданіе и плохая провѣрка его (раіонъ Яйвы и Парма почти неизслѣдованы), но и народная молва нашего времени, указывающая, что основаніемъ богатства нѣкоторыхъ Чердынскихъ обывателей была продолжавшаяся еще недавно скупка того же «закамскаго серебра», которое имъ подъ видомъ грибковъ и ягодокъ въ корзинкахъ и туескахъ приносили Пермскіе старички скитнички. Когда было положено начало солеваренію на Камѣ и гдѣ именно, сказать

---

[1]) Поповъ въ «Хозяйственномъ описаніи Пермской губ.» (ч. I, стр. 61) приводитъ преданіе, согласно которому близъ Полюдова камня, что въ Чердынскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Вишеры, жилъ въ древности нѣкто Полюдъ, замѣчательный необыкновенною силою, а въ «Полномъ собраніи лѣтописей» (ч. II, стр. 60) въ 1268 г. въ числѣ Новгородскихъ гражданъ упоминается Полюдъ.

[2]) «Живописная Россія» т. I, ч. I, стр. 470.

[3]) «Пермская лѣтопись» Шишонка—періодъ I, стр. 8.

[4]) «Пермскій Сборникъ» кн. I, стр. 34, прим. 8.

трудно; лишь подъ 1430 годомъ мы находимъ извѣстіе, что Посадскіе Калинниковы оставили соляные промыслы на рѣкѣ Боровой и переселились на рѣку Усолку, гдѣ теперь расположенъ г. Соликамскъ, и здѣсь завели солевареніе[1]).

Такимъ образомъ Соликамскъ получилъ свое начало, какъ новгородская колонія, въ то время, когда Новгородъ еще былъ «Господиномъ Великимъ Новгородомъ», знать не хотѣлъ Москвы и самостоятельно владѣлъ на тѣхъ или другихъ основаніяхъ прикамскими землями. На тѣхъ или другихъ основаніяхъ—такъ какъ во время господства новгородцевъ мы не видимъ въ древнихъ городахъ Перми новгородскихъ правителей, а наоборотъ до 1505 года знаемъ мѣстныхъ инородческихъ князей Великопермскихъ, Пермскихъ и Вымскихъ, въ XV ст. принявшихъ крещеніе и все же продолжавшихъ управлять страною. Князья эти сидѣли въ древнихъ инородческихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Чердыни[2]), и каковы были ихъ отношенія съ новгородцами вопросъ далеко не рѣшенный; селились-ли эти послѣдніе въ городахъ, управляемыхъ инородческими князьями, или приходили только брать дань и основывали новыя поселенія въ мѣстахъ обильныхъ естественными богатствами, пока окончательно не выяснено. Трудно также что нибудь опредѣленное сказать и о томъ, какъ относились чердынскіе князья до принятія ими христіанства къ религіи ихъ протекторовъ, дозволяли-ли они имъ строить христіанскіе храмы въ городахъ, или новгородскія церкви ютились гдѣ-нибудь на окраинахъ. Даже если пермскіе князья и не препятствовали постройкѣ церквей въ городѣ, то и тогда онѣ не могли быть ни многочисленны, ни богаты, какъ храмы сравнительно небольшой части населенія, жившей среди инородческаго города отдѣльной улицей. Только послѣ принятія княземъ Михаиломъ пермскимъ въ 1463 году[3]) христіанства, православныя церкви въ Чердыни должны были умножиться и обогатиться. Но не надо забывать, что это уже былъ закатъ новгородскаго протектората надъ Чердынью, канунъ страшнаго для Новгорода 1471 года: въ 1505 году въ Чердыни сидитъ уже московскій воевода. Сильнѣе и дальше, какъ въ жизни, такъ и въ церковномъ обиходѣ, долженъ былъ сохраниться новгородскій элементъ въ Соликамскѣ, до конца XVI ст. стоявшемъ въ сторонѣ отъ московской дороги и до 1613 года не имѣвшемъ московскаго воеводы. XVI вѣкъ намъ не сохранилъ письменныхъ

---

[1]) Бергъ. «Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ», стр. 3.

[2]) Послѣдній Пермскій князь Матвѣй въ 1504 г. по случаю пожара, истребившаго Чердынь, строитъ новый городъ Покчу. (Труды Перм. Арх. К-сіи—вып. I, стр. 79).

[3]) Тамъ-же, стр. 78.

памятниковъ, рисующихъ внѣшній видъ и внутреннее устройство церквей, но отъ XVII вѣка остались писцовыя книги Кайсарова 1624 г. и Соликамская челобитная 1625 года. Эти два документа какъ нельзя больше подтверждаютъ только что высказанную мысль. Среди церквей Соликамска и Чердыни конца XVI и начала XVII вѣка одинаковой архитектуры («древянъ клѣтцки, верхъ шатромъ») мы находимъ храмы посвященные древнимъ новгородскимъ святымъ: въ Чердыни церковь во имя Варлаама Хутынскаго, въ Соликамскѣ во имя Софіи Премудрости Божіей[1]), которой былъ посвященъ новгородскій соборъ и во имя которой Москва не знала церквей; въ другихъ церквахъ этихъ городовъ хранятся чтимыя новгородцами иконы, такъ сказать, спеціальныя новгородскія святыни, и опять же въ Чердыни иконы Варлаама Хутынскаго, а въ Соликамскѣ св. Софіи Премудрости Божіей. Такое упорное, положительно непонятное раздѣленіе новгородскихъ святынь не является однако единственнымъ различіемъ между соликамскими и чердынскими храмами; въ то время какъ первые упорно хранятъ только иконы изстари чтимыя на ихъ далекой родинѣ, во вторыхъ начинаетъ сказываться московское вліяніе и рядомъ съ Варлаамомъ Хутынскимъ въ описи Кайсарова попадаются иконы московскіе: образъ Пречистыя Богородицы Сергіево видѣніе (ц. Богоявленія Господня), Пречистыя Богородицы Казанскія (ц. Николы чуд. Великорѣцкаго), Николы чудотворца Можайскаго (ц. Стефана Велико-Пермскаго чудотворца[2]). Однако на ряду съ этими московскими новшествами Чердынь при Кайсаровѣ хранитъ еще на иконахъ «ноугородки золочены»—монеты новгородскаго чекана. Въ Соликамскѣ Кайсаровъ о «ноугородкахъ» не упоминаетъ, но въ немъ сохранилось и до настоящаго времени, переживъ московское вліяніе, нѣчто новгородское, не менѣе важное, чѣмъ чердынскіе «ноугородки»,—это подвалы подъ церквами, такъ называемыя палатки для склада товаровъ и тайники въ стѣнахъ церковныхъ. «Церкви были не велики, пишетъ Максимовъ при описаніи Новгорода, но за то почти каждая имѣла подъ сводами подвалы, въ которыхъ, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ хранились товары купеческихъ товариществъ. Въ самыхъ церквахъ держались лари, гдѣ хранились купеческія книги, также и самые товары. На это указываютъ разныя ниши, пристройки и закоулки, до сихъ поръ

---

[1]) «Есть, Государь, здѣсь у Соли-Камской возлѣ Усолку рѣку на берегу противъ храмовъ и Софіи Премудрости Божіей и св. Великомученицы Пятницы» (Челобит. 1825 г., «Церковно-ист. археол. описаніе Соликамска» Луканина, стр. 50).

[2]) «Пермская лѣтопись» пер. 2, стр. 190—195.

сохранившіеся въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ, въ старину почитавшихся наименѣе опасными во время пожаровъ*).

Съ проведеніемъ чрезъ Соликамскъ «государевой дороги» Соликамскъ становится центромъ московскаго управленія страною, украшается каменными храмами московской архитектуры, но и эти памятники московской культуры построены на новгородскомъ основаніи: они покоятся на высокихъ сводчатыхъ подвалахъ, въ которыхъ и по сей день торговый людъ по примѣру гостей новгородскихъ хранитъ свои товары, а въ стѣнахъ ихъ за толстыми коваными желѣзными дверями и поднесь существуютъ тайнички, кладовки для храненія денегъ и документовъ.

Такимъ образомъ и Чердынь, и Соликамскъ одинаково восприняли на своей зарѣ новгородскую культуру, сохранившуюся въ Соликамскѣ въ болѣе чистомъ видѣ даже нѣсколько долѣе, чѣмъ въ Чердыни, одинаково подпали московскому вліянію, оставившему свои яркіе слѣды въ архитектурѣ соликамскихъ церквей, чрезъ которые однако пробиваются и новгородскіе пережитки, а поэтому никоимъ образомъ нельзя согласиться, чтобы новгородское вліяніе отразилось на Чердыни, а московское на Соликамскѣ.

А. И. Слупскій.

Къ вопросу о происхожденіи слова „Чудь".

(По поводу столѣтія со дня рожденія А. С. Хомякова).

1-го мая настоящаго года исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія А. С. Хомякова. Его жизнь была столь многообразна не только по широтѣ, но и по силѣ и плодотворности ея обнаруженій, что, кажется, нѣтъ той сферы и той области духовной жизни, куда бы не проникло ея благотворное вліяніе. Хомякова съ полнымъ правомъ надлежитъ благодарно вспомнить и богослову, и философу, и историку, и филологу.

Въ свое время Хомяковъ, какъ извѣстно, былъ спеціалистомъ чуть не во всѣхъ родахъ человѣческаго знанія; во всемъ онъ имѣлъ самыя точныя и основательныя познанія, приводившія въ

*) «Живописная Россія»—т. I, ч. I, стр. 472.

восторгъ и изумленіе современниковъ. Любопытнѣе всего, что это были не просто голыя знанія памяти; всѣ они синтетически объединялись въ стройномъ и цѣлостномъ міровоззрѣніи ихъ обладателя. Ни одно самое мелкое и, повидимому, ненужное знаніе не пропадало у него даромъ, а входило необходимымъ звеномъ въ его систему. Эта многосторонность въ соединеніи съ его удивительной самобытностью производила то, что изъ подъ пера, а еще чаще изъ устъ нелюбившаго писать Хомякова сыпались самыя блестящія и самыя разнообразныя гипотезы, сближенія, догадки.... Особенно много ихъ можно встрѣтить на страницахъ посмертнаго труда Хомякова, извѣстнаго подъ именемъ «*Записокъ по всемірной исторіи*». Многія изъ этихъ гипотезъ въ свое время блестяще оправдались, иныя еще и донынѣ сомнительны, третьи устарѣли.... И все таки нельзя безъ удивленія читать эту громадную работу, представляющую плодъ геніальнаго синтетическаго объединенія самыхъ разнообразныхъ и богатыхъ познаній, имѣющихъ отношеніе къ исторической наукѣ.

Для историка Пермскаго края въ частности не безъинтересно то соображеніе, какое Хомяковъ приводитъ для объясненія происхожденія слова «Чудь». Это соображеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ случайныхъ догадокъ, которыя въ такомъ множествѣ и съ такимъ блескомъ были высказаны Хомяковымъ по разнымъ поводамъ. Но оно интересно тѣмъ, что авторитетнѣйшіе историки по вопросу о Чуди не упоминаютъ ничего объ объясненіи Хомякова. Такъ, проф. Смирновъ, напр., безъ дальнѣйшихъ разъясненій утверждаетъ, что наименованіе «Чудь» происходитъ отъ русскаго—«чудной», «чудить», «чудакъ» и дано народамъ финскаго племени потому, что русскіе видѣли въ нихъ нѣкоторыя странныя особенности. Точно такое же объясненіе слову «Чудь» дается у проф. Ключевскаго. Извѣстный историкъ Пермскаго края Дмитріевъ производитъ это слово отъ русскаго прилагательнаго «чужой», «чуждый», подъ которымъ, по его мнѣнію, славяне объединяли сѣверо-восточныхъ обитателей русской земли, *чуждыхъ* по племени и религіи русскимъ людямъ.

Всѣ эти объясненія не полны и не объясняютъ достаточно убѣдительно исторіи появленія наименованія «Чудь» въ примѣненіи къ народамъ финскаго племени. Почему именно этихъ послѣднихъ славяне стали величать за ихъ странныя на славянскій взглядъ особенности «Чудью», если всѣ вообще окружавшія славянъ народности, да и сами славянскія племена другъ для друга казались чудными? Извѣстно, напр., что великороссы до сихъ поръ не могутъ помириться съ нѣкоторыми странностями малороссовъ

и наоборотъ. Почему же другъ друга они не называютъ и никогда не называли собственнымъ именемъ «Чудовъ», а дали такое наименованіе только народамъ финскаго племени? Точно также, почему только въ приложеніи къ народностямъ сѣверо-восточной части Руси осталось имя «Чудь» въ смыслѣ чужой, чуждый, тогда какъ чуждыя славянамъ племена были не только на сѣверо-востокѣ? Очевидно, истинную причину употребленія наименованія «чудь» только въ приложеніи къ народамъ финскаго племени нужно искать не въ одномъ только прямомъ значеніи слова «Чудь» (какъ бы ни понималось это значеніе), а и гдѣ-то глубже, ближе къ финнамъ.

Извѣстна чуть-ли не исключительная особенность русскаго человѣка коверкать чужія и непонятныя ему слова такъ, чтобы увидѣть въ нихъ хотя отдаленный намекъ на родныя знакомыя понятія. Подобный случай, *по объясненію Хомякова,* и далъ начало наименованію «Чудь» въ приложеніи къ народамъ финскаго племени. У финновъ существуетъ слово теудъ. «Въ разныхъ вѣтвяхъ финскаго языка это слово значитъ то же самое, что манъ на нѣмецкомъ, т. е. человѣкъ, и соотвѣтствуетъ Бретанской формѣ тудъ, люди. Вотъ не сомнѣнный, корень названія Тіудъ для финновъ, изъ котораго замысловатость славянская сдѣлала Чудь (такъ же какъ *Нѣмецъ* изъ Неметовъ восточнаго германскаго племени и *Языгъ* изъ Зиговъ или Адиге), чтобы дать смыслъ понятный непонятному имени сосѣда иноплеменца. Точно такъ же Славяне разсказывали Страбону или купцамъ, отъ которыхъ онъ получилъ это извѣстіе, что *Сарматы* одѣвались въ *сыромятныя* кожи». (Зап. о всем. ист.—Москва. 1900 — ч. I, стр. 173—174).

Кажется, съ формальной стороны объясненіе Хомякова безусловно дополняетъ тѣ догадки, по которымъ наименованіе «Чудь» имѣетъ только русское происхожденіе. Хомяковъ не устраняетъ этихъ послѣднихъ объясненій, а только восполняетъ ихъ выше приведеннымъ соображеніемъ. Что касается до матеріальной цѣнности послѣдняго, то здѣсь, конечно, возможны недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, почему именно слово *тіудъ,* а не что-либо другое стало характернымъ для финновъ? Вѣдь не зовемъ же мы Нѣмцевъ Маннами. Обсужденіе матеріальной цѣнности вышеприведеннаго соображенія Хомякова должно, конечно, составить задачу спеціалистовъ-филологовъ и историковъ. Здѣсь же умѣстно только упомянуть, что сдѣлалось же, напр., характернымъ для французовъ прозвище: «братъ-мусью». Слово же тіудъ у финновъ было характерно, по объясненію Хомякова, для религіозныхъ отношеній, такъ что у многихъ племенъ оно перешло

въ миѳологію. Можно прибавить, что у нынѣшнихъ пермяковъ еще существуетъ вѣра въ особыхъ таинственныхъ существъ, которыхъ они называютъ «чудами».

Вообще, случайно высказанное Хомяковымъ предположеніе представляется съ перваго взгляда довольно вѣроятнымъ. Таково оно въ дѣйствительности или нѣтъ, но несомнѣнно то, что при объясненіи наименованія «Чудь» нужно идти по тому пути, который указанъ Хомяковымъ, т. е. не ограничиваться ссылками на одни русскія созвучія къ слову «Чудь», а нужно искать и достаточно убѣдительныхъ внѣшнихъ побужденій къ образованію и употребленію этого слова въ примѣненіи къ народамъ финскаго племени*).

В. Я. Струминскій.

---

*) Доложено въ засѣданіи Перм. Учен. Архивн. К-сіи 16 ноября 1904.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ТРИФОНА ВЯТСКОГО ЧУДОТВОРЦА.

„Занимающимся русской стариной хорошо извѣстно, какъ разнообразны редакціи житій русскихъ святыхъ. Житіе краткое, какъ лѣтописная основа, впослѣдствіи распространялось различными подробностями, интересными для исторіи русскаго быта и литературы. Очень часто простая рѣчь краткаго первоначальнаго житія принимала характеръ витіеватый и даже напыщенный подъ перомъ искуснаго книжника. Потомъ для потребъ русскихъ читателей распространенное житіе вновь сокращалось и, за выпускомъ интересныхъ бытовыхъ подробностей, удерживало позднѣйшую витіеватость. Особенно разнообразны редакціи тѣхъ сказаній, въ которыхъ къ историческому факту уже въ раннее время народная фантазія присоединяла поэтическіе плоды своего творчества..... Желательно, чтобы русскія житія были изданы со всѣми прибавленіями и варіантами по различнымъ редакціямъ“. Такъ еще въ 1861 году писалъ академикъ Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ «историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства» (II, 97—98 стр.). Никто, конечно, не станетъ спорить относительно того, насколько важно въ научномъ отношеніи изданіе всѣхъ редакцій русскихъ житій, но и донынѣ многія житія весьма интересныя, какъ въ историческомъ, такъ равно и въ литературномъ отношеніяхъ, остаются неизданными во всѣхъ сохранившихся редакціяхъ и со всѣми варіантами и не вполнѣ доступны поэтому для научнаго пользованія. Взять хотя бы житіе преп. Трифона. Нѣтъ сомнѣнія, оно имѣетъ свою довольно продолжительную исторію и было бы въ высшей степени интересно отмѣтить тѣ, какъ сказать, этапы, на которыхъ оно останавливалось, пока не приняло, наконецъ, своего окончательнаго вида[1]). Интересъ двойной: съ одной стороны, устанавливается опредѣленный критическій взглядъ на значеніе и достовѣрность того или другого мѣста житія, важнаго въ историческомъ отношеніи[2]);

[1]) Доложено въ засѣданіи Перм. Учен. Архивн. К-сіи 2 ноября 1904.

[2]) Извѣстенъ отзывъ преосв. Филарета о житіи Трифона. «Первая половина его (житія), гдѣ вятчанинъ писалъ по слухамъ и разсказамъ, иногда легковѣрнымъ, требуетъ особенной осмотрительности и повѣрки. Повѣствователь не замѣтилъ странности, что у него Трифонъ въ молодыхъ лѣтахъ, 20 лѣтъ или около того, то и дѣло творитъ чудеса, а Трифонъ старецъ — подвижникъ не совершилъ почти ничего чудеснаго» (Русскіе святые, ч. III, стр. 204). Отчасти благодаря этому отзыву, отчасти по другимъ причинамъ установилось нѣсколько скептическое отношеніе ко всей первой половинѣ житія преп. Трифона, такъ что являлась возможность отрицать правдоподобность и достовѣрность всѣхъ содержащихся здѣсь повѣствованій. Изслѣдованія Дмитріева, прослѣдившаго, насколько показанія житія соотвѣтствуютъ показаніямъ другихъ, письменныхъ преимущественно памятниковъ (см. „Труды Перм. уч. арх. комм.“, вып. II. – Житіе преп. Трифона, какъ источникъ свѣдѣній о Перми Великой XVI в.), труды Новокрещенныхъ, производившаго раскопки (Труды той же К.—IV, 109) въ Глядѣновскомъ костищѣ, представляющемъ собой то самое (Тамъ-же V, 77 и VII, 17) «жертвище идольское», въ которомъ по разсказу первой половины житія поселился для своихъ подвиговъ преп. Трифонъ,—все это показало, что житіе имѣетъ не-

съ другой стороны, изслѣдователь получаетъ особаго рода интеллектуальное удовольствіе прослѣдить лишній разъ за постепенной литературной обработкой древняго памятника, чтобы усмотрѣть дѣйствіе уже извѣстныхъ ему законовъ литературной эволюціи, или же открыть намеки на новые законы. Къ житію преп. Трифона такое историко-критическое изученіе едва-ли примѣнимо въ настоящее время. До сихъ поръ напечатано и открыто пользованію только одно житіе (правильнѣе—одна редакція житія) преп. Трифона въ изданіи П. Д. Шестакова (Казань 1868 г.)*). Другія редакціи того же житія остаются пока скрытыми въ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ недоступныя общему употребленію. Понятно, что при такихъ условіяхъ изданная до сихъ поръ редакція житія (повидимому, одна изъ послѣднихъ и окончательныхъ) можетъ скорѣе служить для цѣлей религіозныхъ и назидательныхъ, нежели для всесторонняго критическаго изученія исторіи самого житія.

Подлинникъ печатаемаго здѣсь житія хранится въ библіотекѣ Пермской духовной семинаріи въ числѣ книгъ, пожертвованныхъ туда о. Задоринымъ, бывшимъ духовникомъ семинаріи (библіотека Задорина—XI, 37). Происхожденіе и исторія этого подлинника ясны отчасти изъ тѣхъ надписей, которыя имѣются на заглавномъ и конечномъ листахъ его. На заглавномъ листѣ написано: „*Житіе преподобнаго отца нашего Трифона, Вятскаго чудотворца. Жертвованное настоятелемъ монастыря Трифонова—Успенскаго, священно-архимадритомъ Никодимомъ въ Вяткѣ, 25-го марта 1838 года, Ивану В. Калашникову*“. На конечномъ же листѣ подлинника сдѣланы 2 приписки двумя различными почерками: 1) «*Жертвуется Чердынскому гражданину Ивану Васильичу Калащникову отъ настоятеля монастыря Трифонова—Успенскаго архимандрита Никодима. 1838 года 23 марта*»; 2) «*Съ благоговѣніемъ, и благодареніемъ пріемлю сей безцѣнный даръ, отъ священно-архимандрита Никодима въ 25-е число марта пожалованный. Иванъ Васильевъ Калашниковъ*». Самое житіе переписано обычнымъ, четкимъ косымъ почеркомъ. Можно полагать, что оно списано спеціально для подарка въ томъ же 1838 году, въ которомъ и подарено. Если это и неправильное предположеніе, то несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что печатаемый списокъ житія представляетъ собой одинъ изъ самыхъ позднихъ *списковъ* несомнѣнно *древней редакціи* Трифонова житія. Поэтому гораздо интереснѣе, оставивъ всѣ возможныя предположенія относительно времени и условій появленія подлинника, попытаться выяснить тѣ данныя, кото-

---

сомнѣнную фактическую основу и что отзывъ о житіи, данный Филаретомъ, нуждается въ исправленіи. Въ виду этого историко-критическое изученіе житія для изслѣдователей Пермскаго края представляется особенно настоятельнымъ и необходимымъ, такъ какъ только въ результатѣ такого изученія можетъ опредѣлиться сравнительная цѣнность различныхъ повѣствованій житія.

*) Житія, изд. у Шестакова, мы называемъ однимъ житіемъ или одной редакціей житія, хотя у самого Шестакова сказано, что житіе издается по пяти редакціямъ. Мы отличаемъ редакцію житія и списокъ житія. Редакція—это новый сравнительно съ предыдущимъ составъ житія; списокъ же представляетъ собой возможно точное воспроизведеніе той или другой редакціи, воспроизведеніе, въ которомъ возможны незначительныя отступленія въ слововыраженіи, не измѣняющія цѣлаго состава житія. У Шестакова было подъ руками не 5 редакцій, а 5 списковъ одной и той же редакціи. Это видно изъ того, что различія между ними оказались самыми незначительными. Поэтому житія, изданныя у Шестакова, мы и называемъ въ дальнѣйшемъ житіемъ.

рыми болѣе или менѣе точно опредѣлялась бы исторія той редакціи, которая содержится въ послѣднемъ, время и условія ея появленія, ея отношеніе къ другимъ редакціямъ и положеніе въ ихъ ряду.

Намъ извѣстна въ печати только та редакція житія Трифона, которая издана П. Д. Шестаковымъ. Естественно поэтому выяснить сначала тѣ данныя, которыми бы опредѣлялось отношеніе житія Н. (Никодимовскаго:—такъ для удобства будемъ называть ниже печатаемое житіе) къ житію въ изданіи Шестакова (которое для краткости будетъ обозначаться: житіе Ш.)—Прежде всего, несомнѣнно, что это двѣ различныя редакціи житія: *одна—пространная* (житіе изд. Ш.), *другая—краткая* (житіе Н.). Житіе изд. Ш. имѣетъ обстоятельное предисловіе, дѣленіе на главы (числомъ 27) и приложенія; въ немъ разсказывается о многихъ событіяхъ и лицахъ, которыя не упоминаются въ житіи Н. (въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ житія Н. нами сдѣланы объ этомъ помѣтки). Житіе Н. писано, напротивъ, безъ предисловія, дѣленія на главы[1]) не имѣетъ, разсказъ въ немъ ведется кратко и сжато съ опущеніемъ многихъ подробностей, имѣющихся въ житіи изд. Ш.[2]). Наиболѣе любопытнымъ при сравненіи текста обоихъ житій является то наблюденіе, что общая послѣдовательность событій, а равно и тонъ повѣствованія о нихъ совершенно одинаковы въ томъ и другомъ житіи, несмотря на только что указанное различіе. Въ большинствѣ случаевъ повѣствованіе въ томъ и другомъ житіи ведется однимъ даже языкомъ и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ—въ житіи Н. короче, въ житіи Ш. пространнѣе. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ одного и другого житія.

Жит. Н. стр. 61.

Нѣкогда же случися преподобному болѣти дній четыредесять, и въ той болѣзни явися ему ангелъ Господень во одежди бѣлѣ и ставъ одесную его глаголя: азъ есмь храняй тя, посланъ есмь отъ Бога пояти душу твою отъ тебе, препо-

Жит. Ш. стр. 30—31.

Нѣкогда же случися преподобному въ болѣзнь люту впасти и на многи дни не могій ни пищи вкусити, ни сна причаститися, ниже на одрѣ двинутися можаше, но нѣкими боящимися Бога обращаемъ бываше и носимъ нужды ради тѣлесныя. И тако ему пребывающу *продолжися болѣзнь на 40 дній* и вящше по пророку глаголющему: многи скорби праведнымъ, и отъ

---

[1]) Это выраженіе нужно понимать нѣсколько относительно. Подобіе дѣленія на главы имѣется въ житіи Н.: на поляхъ этого житія славянскими буквами обозначено содержаніе различныхъ отдѣловъ житія (всего 74). Но эти обозначенія, можно думать, самаго поздняго происхожденія; вѣроятно, они принадлежали владѣльцу списка и сдѣланы для удобства чтенія уже послѣ переписки житія въ виду того, что почти весь текстъ житія написанъ сплошнымъ письмомъ безъ красныхъ строкъ. Въ пользу поздняго происхожденія этихъ обозначеній говоритъ и то, что содержащіяся въ нихъ числа всегда переводятся съ славянскихъ числовыхъ знаковъ на арабскіе и большею частію не вѣрно—знакъ, что славянскій языкъ былъ мало извѣстенъ ихъ автору.

[2]) Такъ, житіе Н. совершенно не упоминаетъ о слѣдующихъ лицахъ—Серапіонѣ, Зевендукѣ, Амбалѣ, Бебякѣ, Сухоятинѣ, Іоаннѣ, Третьякѣ и др., о которыхъ въ житіи Ш. упомянуто на стр. 31^{1}, 39^{2}, 41_{2}, 44^{1}, 45^{9-10}, и не разсказываетъ ничего или очень кратко въ двухъ словахъ о событіяхъ, которыя въ житіи изд. Ш. занимаютъ цѣлыя главы, какъ напр.,—главы 6, 7, 9, 12, 13, 14, 22, 23, 24 и др.

добному же мнѣвшу яко крилату идущу во слѣдъ ангела и бысть ему свыше гласъ, яко громъ страшенъ, глаголющъ: ускорилъ еси взяти душу его сѣмо, не паки возврати его... и т. д.

всѣхъ ихъ избавитъ я Господы... Во единъ же отъ дней лежащу преподобному, плачущуся и рыдающу... *И въ той болѣзни бывшу преподобному во изступленіи явися ему ангелъ Господень во одежди свѣтлѣ и ста одесную его глаголя: азъ есмь храняй тя, посланъ есмь отъ Бога: повелѣно бо ми душу твою изъяти отъ тебе. Преподобному же мнѣвшу* востати и легку сущу и *яко крилату* и забы болѣзнь свою, яко никогда же болѣвшу, и зряше на одръ свой, идѣже лежа,—той же видяшеся, яко земля; *идяше же во слѣдъ ангела.* И абіе ангелъ Господень возлетѣ на воздухъ; преподобному же мнящу во слѣдъ ангела летящу... *И бысть свыше гласъ великій и страшный ко ангелу глаголющъ: ускорилъ еси взяти его сѣмо, но паки возврати его вспять....*

Въ такомъ родѣ можно прослѣдить за житіями на всемъ протяженіи обоихъ, и мы будемъ видѣть, что въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ самое близкое отношеніе другъ къ другу, въ обоихъ употребляются одни и тѣ же слова и выраженія съ тѣмъ различіемъ, что житіе **Ш.** пространнѣе и многословнѣе.—Такого рода данныя представляются на первый взглядъ достаточно убѣдительными, чтобы признать, что мы имѣемъ дѣло съ весьма обыкновеннымъ случаемъ въ исторіи житій, когда—либо пространная редакція сокращается для удобства употребленія, либо, наоборотъ, распространяется редакція краткая въ видахъ большей обработки житія. Представляется, такимъ образомъ, возможнымъ сдѣлать 2 предположенія: или житіе **Н.** есть сокращеніе житія **Ш.**, или, наоборотъ, житіе **Ш.** есть обработка житія **Н.** Въ первомъ случаѣ прійдется признать древнѣйшей редакцію житія **Ш.**, во второмъ—наоборотъ. Для перваго предположенія имѣются, повидимому, достаточно убѣдительные доводы. Всякій, кто пожелалъ бы прослѣдить построеніе обоихъ житій, будетъ убѣжденъ что житіе **Н.** въ большинствѣ случаевъ находится въ самой тѣсной зависимости отъ *текста* житія **Ш.** Зависимость эта такого рода, что почти съ необходимостью заставляетъ признать позднѣйшее происхожденіе *текста* житія **Н.** Авторъ житія **Н.** сокращалъ текстъ, имѣющійся въ житіи **Ш.**, сокращалъ приблизительно такимъ же образомъ, какъ мы сокращаемъ для пересказа какую-либо достаточно водянистую статью: мы подчеркиваемъ на страницѣ двѣ—три мысли и заносимъ ихъ въ пересказъ, опуская все остальное. Житіе **Н.** въ большинствѣ случаевъ есть именно такой конспективный пересказъ житія **Ш.**, иногда нѣсколько вольный, но все же близко стоящій къ тексту послѣдняго. Тамъ, гдѣ въ житіи **Ш.** приводится подробное описаніе чудесъ, совершенныхъ преподобнымъ (напр., стр. 33—35, 54—58), житіе **Н.** дѣлаетъ только краткую замѣтку, что чудеса были,

иногда съ краткимъ замѣчаніемъ о характерѣ чудесъ (стр. 61_1—62^{1-2}; 65^{12-15}); если въ житіи Ш. приводятся когда-либо произнесенныя преподобнымъ рѣчи, житіе Н. сокращаетъ эти рѣчи до самыхъ общихъ выраженій, говоря, напр., что Трифономъ было предложено „многое ученіе“ (ср., напр., 39—40 стр. изд. Ш. и 62_5 стр. Н.; 66—67 стр. Ш. и 67^6 Н.). Любопытно при этомъ, что автору житія Н не всегда удавалось удачно переложить прямую рѣчь пространнаго житія въ косвенную, такъ что послѣдняя очень явственно сохраняетъ слѣды прямой рѣчи. На стр. 58 онъ пишетъ: «по совершеніи же утрени, изшедшимъ изъ церкви всѣмъ людемъ, оста той Іаковъ единъ удержавъ блаженнаго призвавъ начатъ блажити и молити его со тщаніемъ, возвѣщая ему свое прошеніе, яко да молитъ Господа Бога о здравіи сына его Максима зѣльнѣ боляща еже даровати ему здравіе въ наслѣдіе рода *нашего*»... На стр. 70-й того же житія читаемъ, какъ воевода Овцынъ «начатъ прежде глаголати словесы душеполѣзными о здравіи святыя обители, указуя на преподобнаго, понеже посла къ *Вамъ* Господь Богъ на сіе дѣло свое мужа благоговѣйна, трудолюбива и свята»... Что авторъ пишетъ свое изложеніе, имѣя предъ глазами пространно написанную прямую рѣчь, это въ приведенныхъ двухъ мѣстахъ несомнѣнно. Несомнѣннымъ при сравненіи многихъ другихъ мѣстъ обоихъ житій оказывается то, что разсказъ въ житіи Н. ведется почти на всемъ его протяженіи словами житія Ш., съ самыми легкими и незначительными отступленіями отъ его текста (напр., стр. 65_5—66 жит. Н. и стр. 61—63 изд. Ш.), такъ что представляется съ перваго взгляда вполнѣ возможнымъ, что житіе Ш. безъ большихъ затрудненій помѣстилось бы въ большей своей части между строками житія Н.—Это одинъ рядъ соображеній, говорящій за то, что текстъ житія Н. является позднѣйшимъ въ отношеніи къ тексту житія Ш. и зависимымъ отъ него, какъ его сокращеніе, конспектъ. Повидимому, эти соображенія уполномочиваютъ насъ признать справедливымъ первое изъ высказанныхъ выше предположеній,—что редакція житія Н. является сокращеніемъ редакціи содержащейся въ житіи Ш., т. е. явилась послѣ нея; но это—только повидимому. Болѣе близкое сравненіе открываетъ въ житіи Н. рядъ подробностей, которыя, хотя и не устраняютъ установленной выше общей зависимости текста Н. житія отъ текста житія, Ш. но которыя тѣмъ не менѣе дѣлаютъ сомнительнымъ предположеніе, что житіе Н. стоитъ въ прямой зависимости отъ житія Ш., какъ его сокращеніе... Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя рѣчи и молитвы преподобнаго проводятся въ житіи Н. въ совершенно другой редакціи и другомъ распорядкѣ, чѣмъ въ житіи Ш. Такъ, на стр. 63 житія Н. приведена молитва, которую произноситъ преп. Трифонъ предъ знаменитымъ подвигомъ сожженія идоложертвеннаго древа остяковъ. Въ житіи Ш. этой молитвы нѣтъ. Есть другая, но слѣдуетъ по ходу повѣствованія немного дальше (стр. 42—43 житія Ш.), какъ разъ тамъ, гдѣ по житію Н. не полагается никакой молитвы. Здѣсь оба житія расходятся между собой въ деталяхъ повѣствованія. Общимъ оказывается у обоихъ только самое краткое сообщеніе, что, вооружившись иконой, запасшись топоромъ и оградившись крестнымъ знаменіемъ, преподобный уничтожилъ дерево. Если позволительно дѣлать предположенія для уясненія встрѣчающихся затрудненій, то уже здѣсь мы могли бы сказать, что и тотъ и другой авторъ имѣли одинаково

скудныя свѣдѣнія при описаніи знаменитаго подвига Трифона, но каждый чувствовалъ необходимость болѣе или менѣе торжественно обставить этотъ подвигъ, каждый составилъ молитву, какую, по его мнѣнію, всего приличнѣе было произнести Трифону въ данномъ случаѣ и каждый помѣстилъ ее въ томъ мѣстѣ житія, гдѣ это казалось наиболѣе удобнымъ. Однимъ словомъ, напрашивается такого рода объясненіе, что если авторы обоихъ житій сходны, то не потому, что одинъ пользовался другимъ, а потому, что оба пользовались однимъ и тѣмъ же или сходнымъ *источникомъ*; а если въ чемъ-либо различаются, то только потому, что каждому его источникъ казался недостаточно полнымъ и каждый хотѣлъ его восполнить по своему.—Примѣровъ подобнаго вышеприведенному уклоненія житія Н. отъ порядка повѣствованія въ житіи Ш. много особенно въ первой половинѣ житія Н., изображающей до—Вятскій періодъ жизни преподобнаго. Такъ, цѣлый рядъ мѣстъ житія Н. (стр. 57^{19-21}, $^{23-30}$, $^{32-34}$, $^{37-39}$, $^{41-43}$, 58^{4-8}) совершенно отсутствуетъ въ житіи Ш. Если зачеркнуть всѣ эти мѣста въ житіи Н., то останется въ немъ только то, что у Ш. въ нѣсколькихъ строкахъ сказано на стр. 18 (ср. также 55^{18-27} Н., и 14^{10-12} Ш.). Правда, въ сейчасъ указанныхъ мѣстахъ отличіе житія Н. отъ Ш. еще не такъ рѣзко выступаетъ, потому что всѣ эти мѣста носятъ чисто риторическій характеръ и, слѣд., ихъ можно всецѣло отнести на долю увлекшагося автора житія Н.; но во многихъ другихъ случаяхъ это увлеченіе трудно и неудобно допускать. Такъ, на стр. 55, 60, 62, 67 житія Н. встрѣчаемъ цѣлый рядъ сообщеній весьма важныхъ въ отношеніи фактическомъ и др. но отсутствующихъ въ житіи Ш. Таковы поясненія на стр. 55_{12} и 60_{19}, что имя Трофимъ «по Божественному писанію имянуется питатель» и что имя Трифонъ значитъ „пріимый дни благія“; таковы сообщенія на стр. 62^{19}, ^{22}, $^{26-27}$, что преп. Трифонъ прибылъ на р. Мулянку „въ день недѣльный мѣсяца іюля“ (у Ш. стр. 37^{4} упомянутъ только мѣсяцъ іюль), что въ жертвищѣ остяцкомъ было «два дерева велія вѣтви имуща многи, подъ ними же водворися преподобный» (житіе Ш. упоминаетъ только объ одномъ, такъ наз., идоложертвенномъ древѣ (стр. 41, 42), о которомъ и въ житіи Н. упоминается на стр. 63_{19}; при описаніи же мѣста, на которомъ поселился Трифонъ въ жертвищѣ, житіе Ш. (стр. 37) употребляетъ только общее выраженіе—«бяху же ту древеса велики и многовѣтвенны»), что преподобный принесъ съ собою на Мулянку «и мало сѣменъ яже ношаше, коренія насаждати»; таково, наконецъ, извѣстіе на стр 67_{11}, что преп. имѣлъ „подруга своего іеромонаха Онисима“ и др.—Откуда могъ заимствовать всѣ эти свѣдѣнія авторъ житія Н., если его работа состояла только въ сокращеніи той редакціи житія, которая издана Ш.? Мы снова, такимъ образомъ, возвращаемся къ предположенію, что тотъ текстъ, который несомнѣнно былъ сокращаемъ авторомъ житія Н., хотя и имѣлъ много общаго съ житіемъ, которое мы имѣемъ въ изданіи Ш., тѣмъ не менѣе не былъ съ нимъ во всемъ сходенъ, представлялъ собой третью редакцію житія.

Правда, въ данномъ случаѣ не невозможны и другія предположенія. Мы попытаемся ихъ обсудить. *Во первыхъ*, можно предполагать, что авторъ житія Н. сокращалъ ту самую редакцію житія, которая по 5-ти спискамъ издана Ш., но, сокращая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и исправлялъ то, что казалось требующимъ исправленія. Теоретически такое

предположеніе не кажется незаконнымъ, но какъ только вмѣстѣ съ нимъ мы подступаемъ къ обоимъ житіямъ и начинаемъ объяснять ихъ особенности, непригодность предположенія выступаетъ вполнѣ ясно. Предположимъ,—сокращавшій житіе Ш. читалъ по этому житію описаніе знаменитаго подвига преп. Трифона (стр. 41—44) на р. Мулянкѣ. Его прямая задача состояла въ томъ, чтобы кратко, для удобства публичнаго чтенія, передать то, что написано въ пространномъ житіи. Что житіе Н. имѣетъ характеръ краткаго житія, это несомнѣнно (см. выше стр. 39—41). Но въ такомъ случаѣ почему же его краткая и добросовѣстная передача останавливается въ данномъ мѣстѣ для того, чтобы представить въ сущности безразличную послѣдовательность событій въ другомъ порядкѣ (по житію Н., молитва произносится дома, житіе Ш. заставляетъ Трифона возносить молитву приблизительно такого же содержанія, но въ другихъ выраженіяхъ у самаго идоложертвеннаго дерева предъ иконой, которую затѣмъ Трифонъ возлагаетъ на себя, и начинаетъ рубить дерево, стр. 42—43)? Можетъ быть автору житія Н. была извѣстна другая редакція житія? Это весьма вѣроятно и даже несомнѣнно. Но невѣроятно, чтобы онъ пользовался обѣими редакціями вмѣстѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мы вправѣ бы ожидать, что авторъ внесетъ въ свое сокращенное житіе и болѣе важныя поправки, чѣмъ выше приведенныя. Между тѣмъ, мы видимъ, что въ сокращаемомъ житіи (по предположенію, это редакція Ш.) онъ опускаетъ иногда очень важныя историческія подробности наряду съ неважными (стр. 31^{17}, 39^{2}, 40_{2}, 41^{42}, 45^{9-10} и главы 6, 7, 9, 12, 14, 22—24 житія Ш.), а изъ предполагаемаго источника, наоборотъ, вноситъ сплошь и рядомъ или совершенно неважныя поправки (стр. Н. 63—64, отчасти 55, 57—58, въ сравненіи съ 41—44, 14 и 18 Ш). или во всякомъ случаѣ равносильныя тѣмъ опущеніямъ, которыя имъ сдѣланы въ сокращаемомъ житіи (стр. Н. 55_{12} и 60_{19}, 62^{19}, ^{22}, $^{26-27}$, 67_{11}). Не лучше ли вмѣсто этого остаться при ранѣе высказанномъ нами предположеніи, что авторъ житія Н. совсѣмъ не пользовался редакціей житія Ш. (въ такомъ случаѣ для насъ вполнѣ ясны будутъ различія житій Н. и Ш.); но онъ пользовался той редакціей, которая легла въ основу житій, изданныхъ Ш. (при этомъ условіи для насъ понятны будутъ удивительныя сходства обоихъ разбираемыхъ житій). *Во вторыхъ*, отмѣченныя нами сходства и различія житій Ш. и Н. возможно объяснять такъ, что авторъ житія Ш. распространилъ краткое житіе Н., которымъ пользовался въ качествѣ пособія наряду съ другими источниками. Это предположеніе является мало вѣроятнымъ уже потому одному, что ни въ какомъ случаѣ нельзя оставаться вѣрнымъ буквѣ какого-либо памятника, исправляя, дополняя и распространяя его. Очень легко сдѣлать набросокъ, конспектъ уже готовой статьи такъ, чтобы сохранилось и было видно единство слога въ томъ и въ другой, но очень трудно и почти невозможно сдѣлать это, когда по чужому конспективному, хотя бы и очень обширному, наброску пишутъ статью. Житіе Н. на всемъ своемъ протяженіи имѣетъ характеръ конспекта, сдѣланнаго по готовому пространному до него написанному житію. Но относительно житія Ш. трудно сказать, что оно писано по житію Н., какъ по конспекту. Кромѣ вышеприведеннаго общаго соображенія здѣсь выступаютъ тѣ же затрудненія, съ которыми мы встрѣчались при обсужденіи той мысли, что житіе Н. есть сокращеніе

пространной редакціи Ш. Въ самомъ дѣлѣ, если допустимъ, что авторъ житія Ш. писалъ свое произведеніе, положивъ въ основу краткій текстъ житія Н., то почему онъ дѣлаетъ отступленія отъ этого текста въ тѣхъ случаяхъ, когда эти отступленія наименѣе могутъ быть оправданы и понятны. Почему, напр., молитву, изложенную въ Н. житіи (стр. 63[15-22]), онъ опускаетъ, какъ бы считая ее неподходящею, а вмѣсто нея нѣсколько ниже по ходу повѣствованія (стр. 42—43) заноситъ другую? Не гораздо ли удобнѣе предположить, что каждый изъ авторовъ зналъ изъ своихъ источниковъ только самую общую основу событія и каждый описалъ его по своему, т. е. что авторъ житія Ш. не пользовался житіемъ Н. Точно также зачѣмъ, при справедливости разсматриваемаго предположенія, автору житія Ш. опускать сообщеніе житія Н. на стр. 67[11], и вмѣстѣ съ тѣмъ вносить въ свой текстъ множество вполнѣ подобныхъ сообщеній (Ш. стр. 31[17], 39[2], 41[4], 44[1], 45[9-10] и др.)?— Наконецъ, если составитель редакціи житія Ш. пользовался житіемъ Н. какъ краткимъ конспектомъ, то почему бы ему не слѣдовать этому конспекту до конца, т. е. почему бы ему не внести повѣствованіе объ открытіи мощей преп. Трифона въ текстъ житія, какъ это очень удобно сдѣлано въ житіи Н., и не выносить его въ отдѣльное приложеніе? Сколько извѣстно, повѣствованія о посмертныхъ подвигахъ святыхъ, начинавшихся съ чудесъ при гробѣ и открытія мощей, составляли всегда необходимую составную часть самого текста житій и, если оставались внѣ текста, въ приложеніи, то только по случайнымъ обстоятельствамъ. Если авторъ житія Ш. въ житіи Н. имѣлъ предъ глазами опытъ внесенія въ текстъ раньше не стоявшихъ въ немъ повѣствованій, то почему бы ему не послѣдовать столь хорошему примѣру?

Итакъ, въ результатѣ произведеннаго сейчасъ анализа содержанія обоихъ житій единственно возможнымъ предположеніемъ оказывается то, что оба житія писаны независимо другъ отъ друга, но по общему источнику. Авторъ житія Н. сокращалъ какое-то до него написанное и достаточно полное житіе, авторъ житія Ш. исправлялъ и дополнялъ по новымъ даннымъ, имѣвшимся у него подъ руками, то же житіе. Только при такомъ предположеніи вполнѣ ясными и понятными оказываются тѣ особенности въ отношеніяхъ обоихъ житій, которыя выше описаны.

Когда же именно писано житіе Н.? Другими словами, когда появилась та редакція житія Трифонова, позднѣйшій списокъ которой представляетъ собой печатаемое нынѣ житіе? Въ житіи имѣются двѣ даты, которыми можно приблизительно опредѣлить время его появленія. Во 1-хъ, тамъ разсказывается объ открытіи мощей преп. Трифона въ 1690 году; во 2-хъ, когда писано было житіе, на Чусовой стоялъ еще монастырь во имя Успенія Божіей Матери (стр. 65[10-11]), упраздненный, какъ извѣстно, въ 1764 году*). Это значитъ, что житіе появилось послѣ 1690 года, но до упраздненія Успенскаго монастыря на Чусовой въ 1764 году.

Возникаетъ вопросъ, въ какомъ хронологическомъ отношеніи стоитъ житіе Н. къ житію Ш. Г. Шестаковъ, какъ извѣстно, относитъ появленіе имъ изданной редакціи житія къ концу XVII в. Основанія, имъ приведенныя въ подтвержденіе своей мысли,

*) Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей русской церкви стр. 950. Чудецкій. О числѣ монастырей русскихъ, закрытыхъ въ XVIII и XIX вв., стр. 58.

ничего не доказываютъ. Въ качествѣ аргумента, обязывающаго относить житіе къ концу XVII в., П. Д. Шестаковъ указываетъ на то, что авторъ житія долженъ былъ лично знать преп. Трифона (преп. Трифонъ умеръ въ 1613 г.). Это видно, по его мнѣнію, изъ предисловія къ житію: «сія вся собравше, начинаемъ писати, да прочіи иноцы, *иже не суть видѣли святого отца*, да и тіи прочтутъ и поревнуютъ добродѣтели и его житію вѣрующе послѣдуютъ» (стр. 12—13). Намъ кажется, что этого вовсе не видно отсюда. Съ равнымъ правомъ можно дать и такое объясненіе приведенному мѣсту: авторъ, собравъ всѣ возможныя о преп. Трифонѣ свѣдѣнія, сохранившіяся къ его времени отъ очевидцевъ, начинаетъ писать житіе, чтобы и другіе иноки, подобно ему не видѣвшіе святого, прочитали и поучились его добродѣтели. Такое толкованіе даннаго мѣста станетъ вѣроятнымъ, если всмотрѣться въ конструкцію рѣчи. Характеренъ здѣсь союзъ «*и*»: «да *и* тіи прочнутъ». Авторъ-инокъ своимъ выраженіемъ даетъ понять, что и онъ не видѣлъ святого, а, собравъ всѣ возможныя о немъ свѣдѣнія и получивъ назиданіе отъ нихъ, дѣлится ими съ своими собратьями, чтобы и они получили то же назиданіе. Другія выраженія въ предисловіи вполнѣ гармонируютъ съ нашимъ толкованіемъ. Авторъ пишетъ: «*сія вся собравше,* начинаемъ писати»; «начинаемъ повѣствованіе, *взыскующе отнюду же удобно есть*» (стр. 13); «подобаетъ вспомянути отца нашедо Трифона: родъ его, воспитаніе... и вся, яже въ *повѣсти предлагаемѣй* слышимъ» (стр. 12). Однимъ словомъ, въ предисловіи авторъ выступаетъ предъ нами не какъ самостоятельный, оригинальный писатель, передающій собственныя впечатлѣнія отъ общенія со святымъ, а какъ старательный историкъ-собиратель, ревнующій о томъ, чтобы ни одна черта прошедшаго не осталась безъ назидательнаго приложенія къ настоящему.—Правда, проф. В. О. Ключевскій («Житія святыхъ», стр. 343) полагаетъ, что на основаніи выше истолкованнаго мѣста предисловія „ничего нельзя заключить объ отношеніи біографа къ святому, ибо все это мѣсто дословно списано у Епифанія“. Но сила этого соображенія для насъ несовсѣмъ понятна. Если авторъ житія и списывалъ изъ Епифанія, пользуясь готовыми выраженіями, то списывалъ только то, что хорошо выражало его собственную мысль и что не противорѣчило его личнымъ отношеніямъ къ преп. Трифону. Епифаній, какъ извѣстно, былъ очень близокъ къ св. Стефану и въ предисловіи къ его житію достаточно ясно указалъ на свое къ нему отношеніе. «Сія же убо снискахъ и здѣ и ондѣ собравъ, предположихъ, яже о житіи его ова слухомъ услышахъ, ова же отъ ученикъ его увѣдахъ, яже о учительствѣ, о управленіи, *есть же и другое, яко и своима очима видѣхъ, иное же и съ самѣмъ бесѣдовахъ многажды и того навыкъ*»*). Если мы зададимся вопросомъ, почему подчеркнутыхъ словъ Епифаніева предисловія нѣтъ въ предисловіи къ житію преп. Трифона, то самымъ естественнымъ будетъ тотъ отвѣтъ, что авторъ Трифонова житія пользовался только тѣми выраженіями изъ Епифанія, которыя подходили къ нему лично. Это значитъ, что на основаніи вышеприведеннаго цѣликомъ изъ Епифанія списаннаго мѣста изъ предисловія къ житію преп. Трифона мы имѣемъ

*) Повѣсть о Стефанѣ еп. Пермскомъ, Памятники старинной русской литературы вып. IV изд. гр. Кушелева—Безбородко, стр. 119.

право дѣлать заключенія объ отношеніи біографа къ святому. Весьма вѣроятнымъ заключеніемъ, какъ выше указано, будетъ то, что авторъ житія Трифона не зналъ лично преподобнаго. По крайней мѣрѣ, это заключеніе нисколько не невѣроятнѣе, чѣмъ предложенное г. Шестаковымъ. Мало состоятеленъ и другой доводъ Шестакова. Выписывая слова того же предисловія относительно преп. Трифона, „иже *нынѣ ново въ дни наша, въ послѣднія времена и лѣта*, въ земли нашей русстѣй, въ странѣ Вятской просіявша житіемъ добродѣтельнымъ“ (стр. 10—11), Шестаковъ, дѣлая ударепіе на подчеркнутыхъ нами словахъ, спрашиваетъ: „не ясно ли что писалъ современникъ Трифона“? Намъ думается, что внимательному читателю житія это не совсѣмъ ясно, потому что послѣ приведенныхъ словъ въ житіи встрѣчаемъ слѣдующія: «и гробъ его во обителе богоматере предъ нами есть, къ нему же съ вѣрою притекающе, великое утѣшеніе душамъ нашимъ пріемлемъ» (стр. 11). Такъ можно было говорить только по открытіи мощей преп. Трифона и перенесеніи ихъ изъ часовни въ новую каменную церковь, т. е. послѣ 1690 года, ровно чрезъ 77 лѣтъ послѣ смерти преп. Трифона*). Къ этому времени едва-ли могли еще оставаться современники преп. Трифона, который умеръ «въ старости маститѣй», «сляченъ старостію», по выраженію житія.—Остается, такимъ образомъ, недоказаннымъ, что житіе **Ш.** писано современникомъ и очевидцемъ Трифона, и не ясно, на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ отнести это житіе къ концу XVII в.? Между тѣмъ, нѣкоторыя данныя житія **Ш.**, сопоставленныя съ таковыми же въ житіи **Н.**, дѣлаютъ возможными и такія догадки, что житіе **Ш.** появилось значительно позднѣе, чѣмъ въ концѣ XVII в. Въ самомъ дѣлѣ, если признать что оба нами анализированныя житія представляютъ обработку какого-то общаго имъ источника, то, относя житіе **Н.** ко времени между 1690—1764 г.г. или точнѣе: къ первымъ годамъ XVIII ст., такъ какъ содержащаяся въ этомъ житіи приписка о времени открытія мощей преп. Трифона, судя по ея тону, могла появиться только нѣсколько лѣтъ спустя по открытіи мощей, когда авторъ приписки могъ созерцать это событіе какъ-бы окутаннымъ дымкою далекаго прошлаго, окончательную редакцію житій **Ш.** нужно съ значительной вѣроятностью отнести къ болѣе позднему времени, можетъ быть, даже къ половинѣ XVIII столѣтія. *Во 1-хъ*, въ житіи **Н.** какъ будто лучше выдерживается строй старой славянской рѣчи. Житіе **Н.** употребляетъ выраженія «паразкклисіархъ», «остѣнено»

*) Правда, въ житіи **Ш.** есть выраженіе, которое, повидимому, даетъ основанія относить написаніе житія Трифона ко времени до прославленія послѣдняго, (которое обычно относится къ 1684—1690 гг. —времени открытія мощей). Шестаковъ на это мѣсто не указываетъ, но оно бросается въ глаза. «И по завѣщанію его надъ гробомъ память творяху, ходяще съ паннихидою по вся субботы, даже и до днесь». (стр. 116). Если ко времени написанія житія еще служились паннихиды по преп. Трифонѣ, то, значитъ, житіе писано еще до прославленія Трифона, (когда служеніе паннихидъ само собою должно было прекратиться). Но окончательное сужденіе о смыслѣ приведенныхъ словъ можно имѣть только тогда, когда будетъ достаточно уясненъ вопросъ о самомъ прославленіи Трифона. Всѣ данныя—за то, что формально преп. Трифонъ и до настоящаго времени остается не прославленнымъ, хотя и чтится памятью народной, какъ святой, (см. объ этомъ нашу статью «Былъ-ли канонизованъ преп. Трифонъ Вятскій»? Епарх. вѣд. 1904 г. № 22 и др.). При такомъ положеніи дѣла нѣтъ никакого основанія видѣть какое-либо хронологическое указаніе въ вышеприведенномъ замѣчаніи автора житія.

(стр. 60$_{11}$, 62^{16}), тамъ, гдѣ въ житіи Ш. слышится намекъ на болѣе поздній способъ выраженія «пономарство», «окружено» (житіе, изд. Шестакова, стр. 28, 37). Любопытно также сравнить ниже слѣдующія мѣста изъ того и другого житія: а) на стр. 56$_{16}$ Н.: „Блаженный же отрокъ, слышавъ глаголы сія отъ устъ учителя своего, *собравъ съянную ниву во бразду сердцы своего*“... Въ житіи Ш. (стр. 16$^{14-16}$) проще: „блаженный же отрокъ, слышавъ сія отъ учителя, *радостно внятъ, и вся глаголы его на сердцѣ своемъ слагаше*“; б) точно также выраженіе на страницѣ 58$^{20-21}$ житія Н.: «премилостивый же Господь Богъ нашъ, храняй сира и пришельца, избави его *отъ рова толикія бѣды и напасти*», въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ житія Ш. (стр. 19), замѣняется менѣе близкимъ къ славянской рѣчи предложеніемъ: «Господь же Богъ, храняй пришельцы, избави раба своего *отъ толикія бѣды*»; в) на стр. 60^{13} житія Н. іеромонахъ Варлаамъ увѣщеваетъ Трифона: «о чадо, видиши-ли яко нужно есть царствіе небесное и нуждницы восхищаютъ е, ты же юнъ сый» и т. д. Въ житіи Ш. все это евангельское выраженіе, очевидно, не вполнѣ удобопонятное, оказывается переведеннымъ на болѣе простую и современную рѣчь: «о чадо, видиши-ли, яко мѣсто се скорбно есть и подвига требующее на всякое дѣло, ты же юнъ еси» и т. д. (стр. 27). *Во 2-хъ*, въ житіи Ш. мѣста, имѣющія важное хронологическое значеніе, имѣютъ нѣсколько другой оттѣнокъ, чѣмъ тѣ же мѣста въ житіи Н. Если авторъ его находилъ нужнымъ нѣсколько измѣнить форму выраженія, то не желалъ ли онъ этимъ указать на измѣнившіяся къ его времени условія исторической жизни? а) Такъ, на стр. 65$^{10-11}$ авторъ житія Н., разсказывая о поселеніи преподобнаго на Чусовой, говоритъ: «нынѣ же волею Божіею и молитвами преподобнаго отца Трифона устроенъ бысть монастырь на томъ мѣстѣ». Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ житія Ш. эта прямая и ясная по смыслу форма выраженія измѣняется въ запутанную и неудобопонятную. «Послѣди же Божіимъ промысломъ и молитвами преподобнаго на томъ мѣстѣ и монастырь создася, даже и до днесь явѣ есть» (стр. 54). Невольно возникаютъ вопросы—зачѣмъ авторъ выражается такъ отдаленно («послѣди») о томъ, что должно было существовать еще въ его время? Что значитъ это неясное «даже и до днесь явѣ есть»?—То ли явно, по автору, до днесь, что монастырь стоитъ и въ его время, или же, выражаясь языкомъ житія, что «на томъ мѣстѣ монастырь создася»? Другими словами, можетъ быть, во время написанія житія монастырь уже былъ упраздненъ и своей фразой авторъ хотѣлъ исправить устарѣвшее въ смыслѣ хронологіи мѣсто. Вѣдь, когда ему въ другомъ случаѣ пришлось заговорить о томъ же мѣстѣ, на которомъ былъ устроенъ монастырь, онъ выражается такъ: «идѣже нынѣ стоитъ церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы» (стр. 61). Послѣ упраздненія монастыря, дѣйствительно, осталась одна церковь. б) Есть и другое недоумѣнное выраженіе въ житіи Ш. Повѣствуя о второмъ путешествіи преп. Трифона въ Москву, житіе Н. ясно и точно говоритъ: «Милостію Божіею и великаго государя жалованіемъ даны во святую обитель Богоматере селы и деревни, езера и покосы и всякія угодія безданно и утверждены въ вѣчныя роды жалованными грамотами, яже и до нынѣ во святѣй обители суть и до сего дне» (стр. 71^{8}). У автора этихъ словъ никакого сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что вотчины даны монастырю на вѣчное время. У автора житія Ш.: 1) нѣтъ выраженія, что вотчины ут-

верждены за монастыремъ «въ вѣчныя роды»; 2) утверждая, что «цари пожаловали села и деревни съ людьми... пожаловали жалованная грамоты безданно и безоброчно, яже и донынѣ во обители Богоматери и Чудотворца Трифона свидѣтельствуютъ» (стр. 80), онъ выражается очень неясно, такъ что нельзя сказать увѣренно, что именно составляетъ мысль автора — то ли, что монастырь къ его времени еще имѣлъ въ своемъ распоряженіи вотчины, ему пожертвованныя (но въ такомъ случаѣ, почему онъ не употребилъ слова „суть“: вѣдь объ имѣніяхъ въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ говорится, что ихъ показываютъ, напр., при продажѣ), или же то, что вотчинами монастырь уже не владѣлъ, а имѣлъ на рукахъ однѣ грамоты, которыя и „свидѣтельствовалъ“ при случаѣ, какъ единственный остатокъ былого благополучія. в) Наконецъ, въ житіи Н. (стр. 73[17]) читаемъ слѣдующее: „поимъ преподобный Трифонъ ученика своего Досифея, поидоша въ *Пермь Великую и пріидоша во градъ Соли вычегодскія*“... У Ш. (стр. 93) это же мѣсто изложено такъ: поимъ преподобный отецъ Трифонъ съ собою ученика своего инока Досифея, *поидоша въ Поморскую страну... Пріиде Святый во градъ Соль вычегодскій*... По житію Н Сольвычегодскъ прямо называется принадлежащимъ Перми великой. У Ш. выраженіе Пермь великая опускается и взамѣнъ его употребляется болѣе неопредѣленное выраженіе «Поморская страна» — поморье. Напрашивается предположеніе, что во время написанія житія Н. еще можно было называть Сольвычегодскъ городомъ Перми великой, ко времени же составленія редакціи житія Ш. это было уже ошибкой. Хронологическія справки говорятъ слѣдующее: Вологодская губернія, въ которой нынѣ находится Сольвычегодскъ, входила въ составъ Великой Перми до 1658 г.; съ 1658 года Пермь Великая отдѣлена отъ Вологды и присоединена къ Вяткѣ, что продолжалось до 1800 года. Значитъ, оффиціально Сольвычегодскъ не принадлежалъ къ составу Перми Великой уже съ 1658 года. Но старое дѣленіе могло все таки по традиціи сохраняться въ теченіе долгаго времени. Житіе Н., писанное послѣ 1690 года, еще причисляетъ Сольвычегодскъ къ Перми Великой. Это значитъ, что редакція житій Ш., въ которой исправлена эта ошибка, могла появиться только позднѣе.—Если вѣрны сейчасъ приведенныя соображенія, то житіе, Ш. окончательный видъ, въ какомъ напечатано, получило послѣ 1764 г., т. е. послѣ отобранія церковныхъ вотчинъ отъ монастыря. Но это только догадка, имѣющая право на существованіе потому, что нѣтъ вообще данныхъ, точно и несомнѣнно опредѣляющихъ время написанія житія. Поэтому намъ остается принять предположительно время написанія житія Ш., пока не найдутся новыя данныя или подтверждающія, или отвергающія наше предположеніе*).

*) Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить того, что въ главныхъ чертахъ строй житія Ш. сохраняетъ болѣе древній характеръ, чѣмъ строй житія Н. Объ этомъ лучше всего говоритъ сравненіе концовъ того и другого житія. Житіе Ш. оканчивается описаніемъ смерти и погребенія преп. Трифона, какъ будто писавшему его ничего еще не было извѣстно о событіяхъ открытія мощей. Описаніе самыхъ событій помѣщено въ приложеніи. Житіе Н., наоборотъ, вноситъ повѣствованіе объ открытіи мощей въ текстъ. Повидимому, это даетъ право предполагать, что редакція житія Ш. болѣе ранняго происхожденія. Въ принципѣ противъ этого нельзя имѣть ничего и можно признать, что редакція житія, Ш. въ главныхъ чертахъ была уже готова и до открытія мощей.

Анализъ содержанія двухъ, имѣющихся у насъ подъ руками житій привелъ къ необходимости признать для обоихъ житій почти на всемъ ихъ протяженіи нѣкоторый *общій письменный первоисточникъ*, т. е. третье житіе, сокращенное авторомъ житія Н. и исправленное и дополненное авторомъ той редакціи житія, которая издана по нѣсколькимъ спискамъ П. Д. Шестаковымъ. Возникаетъ вопросъ,—когда написано это предполагаемое житіе и есть ли возможность что-либо сказать объ этомъ? Намъ кажется, что для опредѣленія времени написанія этого предполагаемаго житія съ большимъ удобствомъ можетъ быть употреблена наиболѣе поздняя дата, сохранившаяся въ обѣихъ редакціяхъ житія. Это 1663 годъ—годъ смерти Досифея, ученика Трифона (Н. стр. 74э, Ш. стр. 108). Можно сказать поэтому, что первая редакція житія Трифона, отъ которой получили начало двѣ другія редакціи—Н. и Ш., появилась не раньше 1663 года. Можемъ ли мы и насколько судить о составѣ этой предполагаемой редакціи? Намъ кажется, что если внимательный анализъ содержанія житій Н. и Ш. приводитъ къ необходимому признанію общаго для обоихъ источника, или, что то же, третьей редакціи житія, то уже въ этомъ анализѣ должны заключаться данныя для рѣшенія вопроса о составѣ этой третьей редакціи. Въ самомъ дѣлѣ, то, что является общимъ для обоихъ житій—Н. и Ш., должно быть нами признано несомнѣнной принадлежностью первоначальной редакціи житія, причемъ въ сужденіи о томъ, какой видъ имѣло то, или другое мѣсто первоначальнаго житія, мы въ иныхъ случаяхъ больше вѣроятности должны придавать житію Ш.: въ немъ, нужно полагать, удержался подлинный и, значитъ, точный текстъ первоначальнаго житія, хотя и со многими дополненіями, тогда какъ житіе Н. во многихъ случаяхъ можетъ представлять собой неточную передачу первоначальнаго текста. Какъ на примѣръ такой неточной передачи мы можемъ указать на два мѣста въ житіи. *Во-первыхъ*, на стр. 30—31 житія Ш. читаемъ: «И абіе ангелъ Господень возлетѣ на воздухъ; преподобному же мнящу *въ слѣдъ ангела летящу*, и зря преподобный: *и не видѣ ни неба, ни земли*, но точію свѣтъ неизреченный». Курсивомъ напечатанныя слова составляютъ несомнѣнную принадлежность первоначальнаго житія, какъ это увидимъ ниже (стр. 52), однако-же житіе Н., заботившееся только о краткой передачѣ мысли, не сохранило въ точности этихъ словъ.

Но нѣтъ доказательствъ того, что во всемъ своемъ составѣ она принадлежитъ времени до открытія мощей. Имѣющееся въ житіи сообщеніе о совершеніи панихидъ ничего не говоритъ за это; противъ этого, повидимому, говорятъ тѣ данныя, которыя мы только что привели. Въ концѣ концовъ болѣе древній планъ житія можетъ говорить или за то, что авторъ при написаніи своего произведенія послѣ открытія мощей не желалъ почему-нибудь измѣнить планъ первоисточника, или за то, что послѣ открытія мощей дѣятельность автора по отношенію къ житію была не чисто авторская, творческая, а только редакторская, т. е. онъ, переписывая старое и полное житіе, пожелалъ исправить тѣ неточности хронологическія и неясности грамматическія, которыя для его времени казались уже неумѣстными въ житіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ придется признать, что редакція житія Ш. въ общихъ чертахъ была готова до 1684 года, т. е. до открытія мощей. Но точно также, вчитываясь въ повѣствованіе объ открытіи мощей Трифона, помѣщенное въ житіи Н., ничто не воспрепятствуетъ признать, что это повѣствованіе объ открытіи мощей появилось въ качествѣ прибавки къ уже готовой до 1684 г. редакціи краткаго житія... Вообще, здѣсь область догадокъ, въ которую за отсутствіемъ точныхъ данныхъ лучше не пускаться, придерживаясь пока того, что возможно установить съ извѣстной долей фактической вѣроятности.

Въ немъ на стр. 61 читаемъ только слѣдующее выраженіе: „преподобному же мнѣвшу, яко крилату идущу *въ смѣдъ ангела*“. О томъ, что онъ не видѣлъ ни неба, ни земли, ничего не сказано, безъ ущерба повѣствованію. *Во вторыхъ*, на стр. 64 житіе **Н.** сообщаетъ: „въ тоже время Божіимъ попущеніемъ грѣхъ нашихъ ради, *бысть нашествіе* Черемисское на Пермь Великую“. Эта краткая и точная форма выраженія не стоитъ въ полномъ согласіи съ растянутымъ, но столь же точнымъ періодомъ житія **Ш.**, гдѣ говорится: „Въ то же время Божіимъ попущеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, *слышано бысть*, яко черемиса войскомъ идутъ въ Пермь Великую и по рѣкѣ Камѣ грабятъ суда и торговыхъ всякихъ чиновъ людей убиваютъ и на остяковъ воевати готовятся“ (стр. 46). Въ первомъ случаѣ нашествіе Черемисское передается, какъ фактъ, и событія послѣдующія представляются, какъ результатъ факта, во второмъ,—это только слухъ и событія вызываются слухомъ. Разница не особенно большая, но замѣтная. Въ зависимости отъ того, какъ понимать нашествіе черемисъ на остяковъ: какъ слухъ или какъ фактъ, можно сдѣлать самые противоположные выводы[1]). Сопоставленіе показаній того и другого житія съ другими данными говоритъ за то, что въ житіи **Ш.** именно въ силу того, что оно не сокращаетъ текста предполагаемаго первоначальнаго житія, болѣе точности, чѣмъ въ житіи **Н.**—Итакъ, то, что является общимъ въ обоихъ, нами разсматриваемыхъ житіяхъ, мы должны считать несомнѣнно принадлежностью первоначальнаго житія, памятуя при этомъ, что житіе **Н.** не всегда сохраняло точный смыслъ этого первоначальнаго житія именно вслѣдствіе своего стремленія къ краткости.

Что касается до тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ только житіе **Ш.**, но которыхъ нѣтъ въ житіи **Н.**,—то нѣкоторыя изъ нихъ можно считать заимствованными изъ предполагаемаго первоначальнаго житія. Таковы, напр., главы житія **Ш.** 6—„чудо о бѣснующейся дѣвицѣ“ (дѣвица исцѣлена окропленіемъ святой воды) и 7—«чудо о болѣвшемъ дѣтищѣ и исцѣлевшемъ молитвъ ради преподобнаго» (исцѣленіе совершено водой, освященной по молитвѣ Трифона), которымъ въ житіи **Н.** соотвѣтствуютъ только слѣдующія слова: „прихождаху къ нему жители мѣста онаго, приносяще болящія и бѣснуемыя дѣти и сродники своя. Онъ же *молитвами своими и окропленіемъ* священныя воды, Божіею помощію исцѣляше приходящія въ домъ Господень» (стр. 61—62). Таковы же главы 12, 13 и 14 житія **Ш.**, содержаніе которыхъ кратко указано въ житіи **Н.**, которое сообщаетъ что преп. «именемъ Божіимъ *бѣсы* прогна отъ человѣковъ, *слѣпыя* просвѣти и *нѣмыя*, яко вѣщати сотвори» (стр. 65). Но относительно, напр., главъ 22-й, 23 и 24-й житія **Ш.** нельзя сказать утвердительно, что имъ соотвѣтствовало въ предполагаемомъ первоначальномъ житіи, потому что и житіе **Н.** не упоминаетъ ничего о содержаніи этихъ главъ. Точно также тѣ особенности, которыми отличаются 31^{17}, 39^{2}, 41^{4}, 44^{1}, $45^{9\text{-}10}$, 47^{2} и др. страницы житія **Ш.** отъ соотвѣтствующихъ мѣстъ житія **Н.**, вѣроятно, не имѣли мѣста въ житіи первоначальномъ: въ противномъ случаѣ непонятнымъ осталось бы, почему авторъ житія **Н.** опускаетъ эти несомнѣнно историческія подробности. Въ объясненіе этихъ особенностей житія **Ш.** нужно предположить, что авторъ его пользовался при

[1]) См. объ этомъ нашу статью «къ вопросу о миссіонерской дѣят. преп. Трифона въ Пермскомъ краѣ».—Перм. епарх. вѣд. № 18, стр. 223—224.

составленіи его не только предполагаемымъ первоначальнымъ житіемъ, но и другими письменными и устными источниками, содержаніе которыхъ до его времени оставалось еще не включеннымъ въ цѣльное житіе.—Что касается, наконецъ, до особенностей житія **Н.**, отличающихъ его отъ житія **Ш.**, то и эти особенности нужно признать не существовавшими въ житіи первоначальномъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, по всей вѣроятности, представляютъ риторическія вставки самого автора въ показавшійся ему неполнымъ текстъ первоначальнаго житія (напр. стр. 55^{18-27}, 57^{19-21}, $^{23-30}$, $^{32-34}$, $^{37-39}$, $^{41-43}$, 58^{4-3} и др. житія **Н.**); другія заимствованы и внесены въ текстъ житія изъ устнаго о святомъ преданія, доступнаго автору (напр., стр. 62^{19}, ^{22}, $^{26-27}$, 67^{11} и др житія **Н.**).

Всѣ эти предположительныя разсужденія о составѣ предполагаемой первичной редакціи житія Трифона кажутся намъ важными и необходимыми потому, что иногда только при ихъ помощи возможно установить цѣнность и значимость того или другого мѣста житія для историческаго пользованія. Возникаетъ, предположимъ, вопросъ о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ Трифонъ произвелъ свой знаменитый подвигъ уничтоженія идоложертвеннаго древа, или: въ чемъ выразилась его просвѣтительная дѣятельность во время пребыванія на р. Мулянкѣ. Изслѣдователь, имѣющій подъ руками только одно житіе **Ш.** или одно **Н.**, впадаетъ въ естественный и понятный соблазнъ использовать данныя того или другого изъ имѣющихся у него житій съ возможною полнотою и обстоятельностью, онъ пытается анализировать мельчайшіе оттѣнки въ тѣхъ рѣчахъ и мысляхъ, которыя произноситъ и думаетъ, по житію, Трифонъ, чтобы на основаніи такого тщательнаго анализа дать свое заключеніе о возникшемъ вопросѣ. Но какой смыслъ будетъ имѣть этотъ тщательный въ цѣляхъ историческаго пользованія анализъ, если въ другомъ житіи то же событіе имѣетъ другой распорядокъ и другую обстановку? Почему вѣрить одному и оставлять другое? Что касается до предложенныхъ нами вопросовъ, то каждое изъ имѣющихся у насъ житій даетъ на нихъ разные въ деталяхъ отвѣты. (Рѣчи и молитва Трифона въ томъ и другомъ житіи не одинаковы, характеры событій носятъ различные оттѣнки). Вотъ тутъ то и выступаетъ необходимость сравнительнаго изученія обоихъ житій для опредѣленія того, что есть въ нихъ наиболѣе общаго. Общее содержаніе обоихъ житій имѣетъ право быть признаннымъ болѣе древнимъ, первоначальнымъ и, слѣдовательно, болѣе достовѣрнымъ. То же, о чемъ оба житія повѣствуютъ каждое по своему, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть отнесено на счетъ творческаго воображенія ихъ авторовъ. Такимъ образомъ, очень часто можетъ оказаться, что на тотъ или другой вопросъ о Трифонѣ, подробно освѣщенный и въ томъ и въ другомъ житіи, мы должны будемъ дать только самый общій отвѣтъ, лишенный тѣхъ подробностей, которыми изобилуютъ житія.

Наша попытка освѣтить исторію житія Трифона и опредѣлить въ ней мѣсто ниже печатаемой редакціи была бы неполна, если бы мы не упомянули о самой *первой записи*, вѣроятно, послужившей матеріаломъ для житія. Первая редакція полнаго житія относится, можетъ быть, къ 1663 г., но первая запись о нѣкоторыхъ событіяхъ жизни Трифона появилась гораздо раньше и принадлежитъ самому преп. Трифону. Это видно изъ того, что при обзорѣ кельи архим. Трифона, сдѣланномъ во время

дозора Успенскаго монастыря Ѳедоромъ Рязанцевымъ, въ этой кельѣ между прочими книгами преподобнаго Трифона было найдено его житіе. «Да въ тѣхъ же тетратехъ, пишетъ Рязанцевъ: житье архимарита Трифона отъ роженье... его, и какъ онъ леталъ со ангиломъ, не видялъ ни неба ни неба земли»*)... То, что Рязанцевъ называетъ «житьемъ» Трифона, очевидно, представляло собой краткую запись самого Трифона о нѣсколькихъ наиболѣе важныхъ случаяхъ его жизни, запись, подобную которой мы нерѣдко можемъ наблюдать и въ настоящее время, взявъ въ руки какой-либо старинный молитвенникъ, или требникъ старичка-священника. Мы найдемъ тамъ годы рожденія, крещенія и брака его и его супруги, годы рожденія и крещенія дѣтей, годы болѣзней въ семьѣ, описаніе замѣчательныхъ случаевъ семейной жизни и т. п. То же, вѣроятно, представляло собой и «житье» Трифона. На основаніи свидѣтельства Рязанцева о немъ можно сказать только слѣдующее: 1) оно не представляло собой какого-либо нарочитаго труда преподобнаго, его автобіографіи въ собственномъ смыслѣ, а носило случайный характеръ отрывочныхъ записокъ для памяти въ родѣ только что упомянутыхъ записей на книгахъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что «житье» Трифона не составляло какой-либо особой тетради или книги въ ряду его книгъ: оно находилось въ приложеніи къ сборнику каноновъ. «Книга въ тетратехъ, описываетъ Рязанцевъ послѣднюю, 14-ю по счету книгу преп. Трифона: въ полдесть въ красной кожѣ Канунъ Исусу Преслаткому, да Канунъ акаѳисту с ыкосы, да Канунъ Благовѣщенью с ыкосы да Николѣ чюдотворцу, да въ тѣхъ же тетратехъ житье архимарита Трифона» и т. д. 2) главное мѣсто въ этомъ житіи занимало описаніе чуда съ преподобнымъ, „какъ онъ со ангиломъ леталъ“.. У г. Шестакова описаніе этого чуда помѣщено въ 5-й главѣ и тамъ полностью находятся слова, приведенныя въ книгѣ Рязанцева о томъ, что преподобный леталъ съ ангеломъ, не видѣлъ ни неба ни земли (стр. 31),—ясный знакъ, что эти слова, а, можетъ быть, даже и все описаніе чуда заимствованы буквально изъ „житья“, составленнаго самимъ пр. Трифономъ. Въ послѣдующей обработкѣ прибавились, вѣроятно, только нѣкоторыя частности. Правда, въ житіи Н. нѣтъ словъ о томъ, что преп. Трифонъ не видѣлъ ни неба, ни земли. Но этотъ пропускъ вполнѣ объясняется характеромъ самого житія, стремившагося къ точной и краткой передачѣ событій.—Что еще находилось въ „житьи“ Трифона, трудно сказать. Если и находились какія-либо отдѣльныя замѣчанія о другихъ случаяхъ его жизни, то замѣчанія, по всей вѣроятности, отрывочныя, немногочисленныя и краткія, такъ что повѣствованіе о явленіи ангела преподобному выдѣлялось своими размѣрами и обстоятельностью изъ всего житія, и о немъ упомянулъ Рязанцевъ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дойти къ намъ въ своей послѣдней и окончательной редакціи, житіе преп. Трифона прошло нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней развитія, при чемъ на каждой изъ нихъ оно, несомнѣнно, дополнялось и развивалось, какъ со стороны фактической, матеріальной, такъ и со стороны формальной. На основаніи предшествующихъ соображеній мы можемъ пока отмѣтить четыре такихъ ступени или четыре момента въ обработкѣ и составленіи житія. *Первая*

*) Вятскій Успенскій монастырь при преп. Трифонѣ А. С. В-ина «Дозорная книга Хлыновскаго Успенскаго монастыря, городового приказчика Ѳеодора Рязанцева 7109 (1601) году», стр. 16—17.

попытка составленія житія, попытка въ несобственномъ смыслѣ, принадлежитъ самому преподобному Трифону, который въ отрывочномъ видѣ записалъ нѣсколько наиболѣе важныхъ событій собственной жизни; въ этомъ житіи не было еще ни цѣльности, ни стройности, ничего, что напоминало бы нарочитое литературное произведеніе. *Вторую* попытку, попытку составленія цѣльнаго житія или біографіи преподобнаго, нужно отнести ко времени около 1663 года. Вѣроятно, это было время, когда среди почитателей преп. Трифона особенно живо пробудилась память о преподобномъ по случаю пятидесятилѣтія со времени его смерти. Можно думать, что именно желаніе почтить память преподобнаго заставило въ этомъ году устроить въ Успенскомъ монастырѣ придѣлъ въ честь великомученика Трифона (ангела преп. Трифона), а по другой версіи въ честь самого Трифона[1]). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно было желаніе имѣть житіе преп. Трифона, которое бы для всѣхъ служило источникомъ назиданія въ виду несомнѣннаго возрастанія благоговѣйнаго почтенія къ святому мужу. Въ этомъ первомъ житіи, житіи въ собственномъ смыслѣ, собрано было по возможности все, что можно было знать о преподобномъ Трифонѣ, какъ изъ его собственныхъ записей, такъ и изъ другихъ источниковъ, изъ живыхъ преданій, вещественныхъ памятниковъ и т. д. Все было объединено въ связномъ и цѣльномъ разсказѣ и очень можетъ быть, что уже здѣсь Трифонъ впервые выступаетъ въ томъ особомъ освѣщеніи, которое, составляя необходимую принадлежность всякого житія, въ тоже время обладаетъ способностью затушевывать всѣ живыя черты описываемой личности, подводя ее подъ общій идеалъ, надѣляя чертами, свойственными цѣлому классу. Мы не имѣемъ подъ руками этого житія, мы только предполагаемъ его существованіе на томъ основаніи, что обѣ имѣющіяся у насъ редакціи житія, изъ коихъ ранняя относится ко времени послѣ 1690 года, предполагаютъ для себя одну общую основу, каковой несомнѣнно, не могло быть «житье», принадлежавшее самому преп. Трифону по своей краткости и отрывочности. *Третья* попытка обработки житія состояла въ его сокращеніи для удобства употребленія (напр., при публичномъ чтеніи во время богослуженія). Эту попытку представляетъ собой житіе **Н.**, появившееся въ окончательномъ своемъ видѣ послѣ 1690 года. Ближайшимъ поводомъ къ его появленію послужило, можно думать, открытіе мощей преп. Трифона и слѣдовавшее затѣмъ возрастаніе благоговѣйнаго почтенія къ нему. Появленіе краткаго житія на ряду съ пространнымъ почти всегда можно разсматривать какъ признакъ наростающей популярности того или другого святого. Наконецъ, редакція **Ш.** представляетъ собой разновидности *послѣдней* обработки житія. Въ этой обработкѣ житіе получило всѣ качества, необходимыя для того, чтобы удовлетворять идеальному житію. Относить время появленія этого житія въ его окончательномъ видѣ нужно, какъ кажется, ко второй половинѣ XVIII ст. Что служило причиной его появленія—неизвѣстно. Но можно полагать, что желаніе прославить угодника Божія, напомнить объ его дѣяніяхъ и славѣ и привлечь къ его ракѣ поклонниковъ не стоитъ внѣ связи съ обѣднѣніемъ монастыря, у котораго въ 1764 году окончательно отняты были его вотчины.

[1]) См. объ этомъ 1) Никитниковъ—Іерархія Вятской епархіи 1863 года, стран. 103—105. 2) Столѣтіе Вятской губерніи, т. I—стр. 206, а также нашу статью «Былъ-ли канонизованъ преп. Трифонъ Вятскій»? Перм. епрх. вѣд. 1904 г. № 29 и далѣе.

Говоря о первой, второй, третьей и четвертой попыткахъ написанія житія мы вовсе не имѣемъ конечно въ виду исчерпать всю исторію послѣдняго. Мы говоримъ только о тѣхъ попыткахъ, которыя мы имѣемъ право предполагать на основаніи сравненія двухъ житій. За всѣмъ тѣмъ несомнѣнно, что подлинная исторія житія гораздо сложнѣе и многообразнѣе, чѣмъ это мы имѣемъ возможность знать въ настоящее время. Въ частности это нужно сказать относительно третьей и четвертой попытокъ. Если житіе Н. мы называемъ третьей, а житіе Ш. четвертой попыткой, то это значитъ только то, что мы говоримъ о третьей и четвертой *намъ* извѣстныхъ попыткахъ. На самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что житіе Н. до своего появленія въ настоящемъ составѣ послѣ 1690 года существовано и до этого времени, лишенное только повѣствованія о событіи указаннаго года—открытіи мощей Трифона и, можетъ быть, еще нѣкоторыхъ частностей. Точно также очень можетъ быть, что и житіе Ш., которое мы въ его настоящемъ составѣ считаемъ нужнымъ отнести ко времени послѣ 1764 года, существовало въ главныхъ своихъ чертахъ гораздо раньше, чѣмъ въ половинѣ XVIII в., можетъ быть уже во второй половинѣ XVII вѣка, за исключеніемъ только тѣхъ особенностей рѣчи и выраженія, которыя въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили. Все это возможно, но все это только предположенія, въ которыхъ мы не можемъ опереться на твердую почву фактическихъ данныхъ.—При болѣе обширномъ количествѣ обнародованныхъ памятниковъ возможна будетъ и болѣе полная внѣшняя исторія житія пр. Трифона.

Установить эту внѣшнюю исторію важно потому, что параллельно ей идетъ другая, внутренняя исторія. Прошедши послѣдовательно всѣ ступени своего развитія, житіе превратилось изъ скромныхъ записей сознающаго свои немощи и благоговѣющаго предъ силой божественной благодати инока въ риторически-напыщенное и многословное произведеніе, въ которомъ и самый образъ преподобнаго долженъ былъ получить соотвѣтственно другое, до извѣстной степени далекое отъ дѣйствительности, освѣщеніе. Имѣть возможность отмѣтить съ полною достовѣрностью ступени внѣшняго и внутренняго развитія житія—это значитъ дать его полную историко-критическую оцѣнку, сдѣлать годнымъ для научно историческаго употребленія. Приведенныя выше соображенія и выводы явились, какъ уже говорено, въ результатѣ сравненія двухъ только житій и, конечно, не обладаютъ ни достаточной полнотой, ни надлежащей и безспорной доказательностью. Именно поэтому намъ хотѣлось бы не столько настаивать на сдѣланныхъ выводахъ, сколько подчеркнуть тѣ данныя, которыя легли въ основу ихъ. Выводы могутъ оказаться ошибочными, но съ данными нужно считаться и для нихъ нужно найти объясненіе.

Житіе печатается безъ всякихъ перемѣнъ, съ сохраненіемъ знаковъ препинанія и орѳографіи подлиннаго списка. Для удобства возможнаго пользованія житіемъ въ примѣчаніяхъ къ нему (стр. 76—80) отмѣчены: 1) тѣ мѣста, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ житіи Ш. 2) тѣ пропуски, которые замѣчаются въ настоящемъ житіи противъ текста и смысла житія Ш. 3) тѣ особенности выраженія какъ въ томъ, такъ и въ другомъ житіи, которыя при общности смысла даютъ какой-либо новый оттѣнокъ мысли и 4) главы по житію Ш.

В. Я. Струминскій.

Житіе и жительство и отчасти чудеса Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Трифона просіявшаго въ постныхъ подвизѣхъ во странахъ Вятскихъ во обители Успенія Пресвятыя Богородицы во Градѣ Хлыновѣ благослови отче почести[1]).

Сей[2]) Преподобный и Богоносный отецъ нашъ Трифонъ, родися отъ родителей благочестивыхъ, отца нарицаемаго Димитрія, матере же Пелагіи, сіе же благословенное супружество, жительство же свое имѣяху, въ сѣвернѣй странѣ, нарицаемѣй Мезени. Художествомъ же бяху земледѣльцы, живяста же оба по закону Божію, во всякомъ добронравіи, и всякими добродѣтелми украшени, и ко Святымъ Божіимъ Церквамъ часто прихождаху, и отъ трудовъ и потовъ своихъ потребная нищимъ и неимущимъ подаваху, и всякими благодѣяніи выну исполнени, якоже Господеви годѣ жизнь свою провождаху, по реченному: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, такоже и сему дѣтищу соблаговоли Господь Богъ нашъ, произыти отъ корене ихъ, святолѣпна и Боголюбезна суща, подобаше бо явити и похвалити добродѣтели родителей его, отъ сего познано будетъ, яко вѣтвь доброродна и святолѣпна произыде отъ сѣмене свята; родиста же прежде и иныя дѣти, ихже Святымъ крещеніемъ просвѣтиста, и благонравію научиста, и осихъ о Господѣ радовахуся, послѣди же всѣхъ родися сей доброплодный грознъ Богомъ дарованный отрокъ, и просія яко заря утренняя, возвѣщающая восхода солнечнаго, и свѣтлости дѣлъ дневныхъ, еже есть путь спасенія, и нарочитаго благородія, и по семъ сподобляютъ его Божественнаго крещенія бани пакибытія, на омытіе грѣха первороднаго, и нарицаютъ во Святѣмъ крещеніи имя его Трофимъ, еже по Божественному писанію имянуется питатель, по реченному: псалмопѣвцемъ и Пророкомъ Давидомъ, хотящему напитати словомъ Божіимъ души наша, и напоити водою живою сердца наша, алчущихъ и жаждущихъ правды[3]). Растяше же сей Богомудрый отрокъ въ цѣломудріи и чистотѣ, и благодать Божія бѣ на немъ, и пребываше въ послушаніи, повинуяся родителемъ своимъ, деснаго пути касаяся еже есть воздержанія поучаяся, пощеніемъ тѣло свое изнуряя, душетлѣнныхъ же и любосластныхъ плотолюбныхъ врашенъ удаляя себе, но точію сухояденіемъ изнуряше плоть свою, благими нравы смиреніемъ и кротостію украшашеся, ко всѣмъ благоувѣтливъ тихостію познавашеся, смиренною мудростію издѣтска ходя присно по заповѣдемъ Божіимъ

и не по мнозѣ времени возраста его, отецъ его Димитрій преставися, въ вѣчную жизнь, блаженный же и Богомудрый отрокъ, по смерти отца своего, поживе въ дому своемъ, съ матерію и съ братіею своею, во всякомъ цѣломудріи, чистотѣ и воздержаніи, послушаніи и повиновеніи: егда же приспѣвшу времени возраста его помышляху сочетати его законному браку, дабы возмогли удержати его въ домѣ во отечествіи своемъ понеже живяста во всякомъ изобиліи доволнѣ, и сего ради понуждаху блаженнаго отрока законному браку, ему же о семъ ни мало внимающу, и отрицающуся, и хотяху искусити его сокровеннымъ умышленіемъ, но не возмогоша яко твердаго столпа поколебати цѣломудрія его,[4]) удивишася таковому крѣпкому его воздержанію, и по семъ о сихъ ничтоже смѣяху вѣщати ему, о суетныхъ мира сего, видяху бо его удаляющася отъ привременныхъ, и пребывающа въ велицѣмъ воздержаніи, и чистотѣ душевнѣй и тѣлеснѣй зряще, ко Святѣй Божіи Церкви его частое хожденіе и моленіе къ Богу, съ теплымъ умиленіемъ и слезами, во всякихъ духовныхъ добродѣтелехъ цвѣтуща, и отъ мирскаго пристрастія, яко отъ змія удаляющася, во единъ же отъ дней Блаженный отрокъ стояще во святѣй Божіи Церкви, по отпущеніи утренняго пѣнія, слыша въ притворѣ Церковнѣмъ, Священника поучающа народы, отъ Божественнаго Писанія глаголюща сице: аще кто измлада сохранитъ чистоту душевную и тѣлесную, и воспріиметъ на рамо свое благій яремъ Господень сирѣчь безпристрастное, монашеское жительство, и премилостивый Господь Богъ нашъ сопричтетъ таковаго съ преподобными Ангельскими своими силами, Блаженный же отрокъ слышавъ глаголы сія отъ устъ учителя своего, собравъ сѣянную ниву во бразду сердца своего,[5]) помышляя въ разумѣ своемъ тайно глаголаше: подаждь ми Преблагій Господи Боже сохранити чистоту душевную и тѣлесную, и наслѣднику быти оныхъ уготованныхъ благихъ, преблагій яремъ твой пріимшимъ, и понесшимъ тяготу ига монашескаго вся дни живота своего и способи мя воспріяти той Святый Ангельскій пречистый образъ, и покорити духови плотское мудрованіе, и получити обѣщанная блага, яже уготовалъ еси любящимъ тя, и настави мя Господи утаитися матере и братій моихъ, изыти отъ дому и отечества моего, и направи на путь спасенія, нозѣ мои, идѣже Святая да будетъ воля твоя изобрѣсти благопотребное мѣсто ко спасенію душевному, сице молящуся ему на мнозѣ съ теплыми слезами, и по семъ испросивъ у матере своея благословеніе, да идетъ на нѣкое орудіе, и тако блаженный отрокъ, остави домъ и родители своя, и всяко пристрастіе имѣній своихъ, яко паучину ни во что же вмѣни,

точію желая единаго стяжати, безцѣннаго сокровища, яже уготова Богъ любящимъ его и тако изшедшу ему отъ отечества дому своего прохождаше странствуя грады обходя и веси, по пустыняхъ скитаяся томя себе послѣднею нищетою, яко единъ отъ убогихъ, взыская хотя изобрѣсти мѣсто благопотребно, ко спасенію душевному, по семъ дойде блаженный отрокъ града нарицаемаго, Устьюга, и тамо обрѣтаетъ себѣ наставника, ко спасенному пути ведущему въ жизнь вѣчную, церкви Святителя Аѳанасія Іерея имянемъ Іоанна, и бываетъ души его добрый Пастырь, еже есть отецъ духовный руководствуяй душу его ко пристанищу спасенія, завѣщавая сохранити ему всегда чистоту душевную и тѣлесную, и уклонятися отъ всякаго зла и творити благое, блаженный же отрокъ, яко земля плодовита воспріемлетъ во бразды сердца своего[6]) всѣянное слово Божіе, и пріемлетъ наставника и учителя своего благословеніе и прошеніе, и тако отходитъ оттуду, въ нѣкую страну прилѣжащую весей града онаго, на мѣсто нарицаемое шомоксу, бяше бо блаженный отрокъ любляше труждатися своима рукама, нелѣностно пребывати въ послушаніи и кротости, не человѣкомъ токмо работая, но яко самому Богу, внимая пути касатися хотя подражатель быти прежнихъ Святыхъ Отецъ трудолюбныхъ,[7]) видяше же мѣста онаго жители блаженнаго отрока сице во трудѣхъ всегда проходяща нелѣностно, человѣческими умышленіи, соплетаютъ ему навѣтомъ діавольскимъ мрежу душетлѣнную, дабы плотскимъ любострастіемъ поколебати душевный столпъ цѣломудрія, и покорити чистоту души его плоти любосластіемъ, дабы могли удержати увѣщавающе душетлѣнными словесы, непорочную душу его, хотящи вринути въ ровъ миролюбія, приближитися браку, невѣдуще мѣрности начинаемаго плоти воздержанія соблюсти, Богу помогающу всекрасныя души и тѣла его чистоту нескверную,[8]) и еже умыслиша, дѣломъ касаются исполнити, уготовлше ему сѣть душеловительную на обрученіе законнаго брака, тогда блаженный отрокъ яко птица видя себе на таковое дѣло нуждею влекома, и плѣницы уже ногамъ его прикоснутися хотящимъ,[9]) и воспомянувъ къ Богу свое обѣщаніе, наипаче же отъ отца своего духовнаго о цѣломудріи и чистотѣ поученіе и наказаніе, оградивъ себе крестнымъ знаменіемъ, распростеръ яко орелъ крилѣ свои дерзнувъ яко левъ исхити душу свою отъ умышленія сѣти многоплетенныя Богомъ наставляемь[10]) тайно отъиде оттуду и пріиде во страны Перми великія въ предѣлы Строгановыхъ отчины, на орелъ городокъ яко птица на холмъ сѣде, или серна отъ тенета душеловительна или яко рыба мрежи избѣгши, и тамо пребывающу, и странствующему ему, во трудѣхъ, не яко нище-

Ѿшестві прпбнаго изъ дом своего.

прпбный приидѣ в Устюгъ

прихо прпб: Пермь

Орелъ Го-
ро́докъ.

тою болящу но здраво плоти воздержаніе, хранящу,[11]) годищное время, пребывающу у Святыя Божія Церкви яко единому отъ убогихъ во время зимное мразомъ и лѣтнимъ варомъ томящуся Бога ради плоть свою, яко выше плотскаго воздержанія дни своя провождати ему отъ лютости мразовъ рубы, многошвенными необувену скитающуся яко юроду никимже знаему проходящу, и нѣкія ради потребы, желающу пріяти отъ Бога, толико воздержанія,[12]) простоты кротости нравы имущу, и нискимъ вопреки глаголющу никогда же но всегда унылымъ лицемъ и сѣтованнымъ взоромъ, хождаше слезы точа по ланитома своима, птичіе неимѣтельное жительство провождая, томя плоть свою зельнымъ воздержаніемъ день и нощь, скитаяся во странахъ оныхъ яко нищь духомъ, прилучися же тогда шествовати прегордо людемъ Строгановымъ путемъ прилѣжащимъ по горамъ именуемымъ Слудкою, яко же имъ славно проходити, по обычаю своему, и надъ смиренными возноситися, видяху странна пришельца нищетными рубищи одѣяна влекушася зимнимъ воздухомъ слячена,

дїе Стро-
га́новы
ве́ргоша̂
пбна́го съ
ры Слꙋд-
и долꙋ.

похвативше ругающеся ему, вергоша его къ рѣцѣ въ подгоріе, бѣ бо высока гора она зѣло нарицаемая Слудка, еще же и навѣсъ земли отъ нея великъ, къ сему же и снѣга громады велія висяща, и опровержеся навѣсъ оный на блаженнаго, и засыпа его, яко невидиму быти ему на долги часы, премилостивый же Господь Богъ нашъ храняй сира и пришельца избави его отъ рова толикія бѣды и напасти[13]), воставъ же блаженный, моляшеся за творящихъ ему пакости глаголя: Господи непостави имъ грѣха сего, и сія видѣвше спону сотворшіи, сжалившеся въ чувство пріидоша, текше въ подгоріе взяша его, еле жива суща, отъ засыпанія снѣжнаго отрясше, сами же зѣльнѣ отъ мраза изнемогше, просяще отъ него прощенія изведоша, зряще отъ него теплоту пары пущающу, о семъ наипаки дивящеся поставиша его на пути, возвратишася во своя; пришедше же въ домъ Господина своего, повѣдающе свое дерзновеніе, и его блажаще терпѣніе, во вторый же день пришедшу блаженному ко Церкви Божіи ко утрени и прилучися тамо быти во время утренняго пѣнія во Церкви стояти, имянитому человѣку Іакову Строганову, узрѣвъ блаженнаго отрока во Церкви стояща со страхомъ Божіимъ, прилѣжнѣ молящася, по совершеніи же утрени изшедшимъ изъ Церкви всѣмъ людемъ, оста той Іаковъ единъ удержавъ блаженнаго

огановъ
олитъ
б: о ис-
нїи сы-
Своего.

призвавъ начать блажити и молити его со тщаніемъ, возвѣщая ему свое прошеніе, яко да молитъ Господа Бога о здравіи сына его, Максима зельнѣ боляща еже даровати ему здравіе, въ наслѣдіе рода нашего[14]), сіе же слышавъ блаженный начатъ отрицатися, повелѣвая ему просити отъ Бога милости, себе же многогрѣшна

нарицая и недостойна таковаго прошенія[15]), обаче много отъ Іакова умоляемъ рече: человѣче Божій иди въ домъ твой упованіе возлагая на милость Божію[16]), итако отшедше Іакову въ домъ свой, остася единъ блаженный въ Церкви, ставъ предъ образомъ Божіимъ, моленіе и молитвы съ теплыми слезами простре ко Всемогущему Господу Богу, о исцѣленіи болящаго на многъ часъ припадая и колѣна приклоняя, дабы услышалъ Господь Богъ, прилѣжное моленіе его, и подалъ здравіе болящему[17]), и молитвъ ради святаго дарова Господь Богъ сыну его Максиму отъ болѣзни облегченіе и здравіе и по немъ инымъ чадомъ его преподаде плодородіе, понеже прежде бывшіе дѣти его маловременное житіе поживше успоша, отъ сего начаша блаженнаго прославляти, и почитати[18]) Строгановы и сродники ихъ, яко истиннаго Божія угодника, и таковыя славы не восхотѣ блаженный, отходитъ оттуду на Вилядь въ Никольское село и тамо страннымъ образомъ проходитъ путемъ воздержанія, елико живу ему быти отъ безмернаго пощенія, пребывая у Церкви Божіей въ чистотѣ и цѣломудріи, чистыми молитвами и теплыми слезами и воздыханіемъ изнуряя плоть свою, воспоминая во умѣ своемъ память смертную и праведный Судъ Божій, желаніе имѣя пріяти обѣщанная блага, яже уготовалъ Богъ любящимъ Его. Въ томъ же[19]) предиреченномъ селѣ, бѣ нѣкій[20]) человѣкъ имянуемый Максимъ Ѳеодоровъ у него же бяше сынъ двоюлѣту отъ рожденія именемъ Тимофей, Божіими судбами велми изнеможе, яко быти ему при дверехъ смертныхъ[21]) по смотрѣнію же Божію случися пріити блаженному въ домъ Максимовъ, припаде къ ногамъ его мати отрочате, рыданіемъ вопіющи и глаголющи помилуй мя рабе Божій, сотвори молитву къ Богу о дѣтищи нашемъ болящемъ, да улучимъ твоими молитвами и узримъ славу Божію и даруетъ ему Господь здравіе и отъ налѣжащія болѣзни и исцѣленіе,[22]) онъ же рече ей: Уліане уповай на милость Божію возверзи на Господа печаль твою и Той подастъ утѣшеніе души твоей,[23]) нощи же наставши отходитъ блаженный во уготованную ему храмину, предстоя предъ образомъ Божіимъ безъ сна, молитвы возсылая всю нощь за болящаго отрока, да подастъ ему Господь Богъ нашъ здравіе,[24]) и утріе зело рано взимаетъ благовонный фиміамъ, и покадивъ святыя иконы потомъ же и дѣтище пригласивъ[25]) рече[26]) ему: Тимоѳее здравъ буди, въ той часъ дѣтище начавъ веселитися здраво, яко николиже боля, Іуліана прослави Господа Бога мати его сія видѣвши, даровавшаго дѣтищу ихъ здравіе, молитвами блаженнаго сего угодника Божія[27]). По чудеси[28]) же ономъ блаженный отрокъ, не восхотѣ слышати себѣ славы человѣческія, отъиде оттуда и пріиде на рѣку Каму во обитель всемилостиваго

Исцѣлѣ сынъ Стр гонова.

Отходъ прпбна: Никольск село.

Препбн исцѣли тища Т мофеа

Спаса, нарицаему Пыскоръ и тамо начатъ пребывати, внимая и поучая себе ко трудомъ монастырскимъ Манашескаго чина и устава касаяся прежде, даже еще невоспріимъ того, непомнозе же времени пришедъ блаженный молитъ Настоятеля обители тоя Іеромонаха именемъ Варлаама, мужа благочестива суща первоначальника и создателя обители тоея, падъ со слезами на нозѣ его, глаголя: отче святый помилуй мя, посла мя Господь Богъ ко Святыни Твоей въ пречистую обитель сію да пострижеши мя и будеши наставникъ ко спасенію многогрѣшной души моей, той же Іеромонахъ Варлаамъ видѣвъ блаженнаго отрока прилѣжно молящася и припадающа наземли со многими слезами со умиленіемъ на многи дни и часы, проразумѣвъ хотящую Божественую благодать явитися на немъ, начатъ глаголати ему: о чадо, видиши ли, яко нужно есть царствіе небесное, и нудницы восхищаютъ е[29]) ты же юнъ сый не можеши терпѣти и понести скорбныхъ трудовъ монашескихъ на мѣстѣ семъ, сіе же глаголаше искушая его, взирая прозорливыма очима душевную его доброту, яко хощетъ быти сосудъ избранный Святаго Духа, моги руководитель быти многихъ душъ ко спасенію[30]) иречe къ нему Наставникъ: благословенъ Богъ нашъ творецъ всякихъ да сподобитъ тя пріяти Ангельскаго великаго образа, слышавъ сія блаженный отъ Настоятеля падъ поклонися ему, рекъ: Аминь, и тако постризаетъ власы главы своея, вкупѣ же со отъятіемъ власовъ отлагаетъ долу влекущая плотская мудрованія, и наречено бысть имя его Трифонъ еже есть приимый дни благія,[31]) бѣ же отъ рожденія лѣтъ двадесять два, егда пріятъ на рамо свое благій яремь Господень, и начатъ труды къ трудамъ прилагати, томя плоть свою, многимъ воздержаніемъ, раболѣпнымъ покореніемъ и послушаніемъ во дневныхъ трудѣхъ, и въ нощныхъ молитвахъ, постомъ и бдѣніемъ удручая себе, и сия видѣвъ Настоятель и вся братія прославиша Бога.

Посемъ же преподобный по благословенію Наставника избраніемъ братіи, Святѣй Церкви парасклѣнархъ[32]) быти сподобляется, и тамо къ Божественной литургіи просфоры печаше, и свѣщи скаше: и присно со всякимъ благочиніемъ вся церковныя службы совершаше, якоже лѣпо, по сихъ же и во иныя монастырскія службы посылается, впекальницы хлѣбы печаше, и въ поварни, на братію пищу варяше и по всегда нетребуя возила никони, на рамѣ своемъ отъ лѣса дрова ношаше, больнымъ служаше, воду ношаше и питаше, своими руками, и вся тяжчайшая дѣла, и нужныя потребы, братіи въ послушаніи безъ роптанія творяше, яко многимъ видяще сицевое терпѣніе его, дивитися и подражати и ревновати святому житію его не токмо единѣмъ

Прійде Прпв҃: во обитель Пыскорскую.

Прпвный просить ...астоятеля ... постриженіи.

...реподобный пострижеся и нарекоша ...мя Трифонъ.

...ервый ...ъ Прпв҃ ...и тру... ...ы его.

дневнымъ трудомъ его, и обнощнымъ на оводу обнаженнымъ, тайнымъ стояніемъ, въ чащи лѣса отъ уяденія комаровъ и мшицъ, всей плоти его обогренной быти, выну стояти отъ вечера, до утренняго пѣнія, по семъ въ Церкви прежде всея братіи на молитву приходити недвижиму и непоколебиму стояніе ногу своею, до отпущенія служебнаго, никогдаже изходити ему отъ святыя же Церкви послѣжде всѣхъ съ молчаніемъ нискимъ бесѣдующу съ молитвою изходити ему, правила же своего келейнаго никогдаже измени, но присно во устѣхъ его бяше пѣніе и молитва Іисусова, не любяше бо празднословія и праздно хожденія, дѣло же ручное любляше, ядь же его бяше хлѣбъ и вода, и то пооскуду, одраже и постели святый не имяше, точію наземли мало покоя приимаше, таковъ бо бяше уставъ монашескаго житія его, нѣкогдаже случися преподобному болѣти дній четыредесять, и[33]) въ той болѣзни, явися ему Ангелъ Господень водѣжди бѣлѣ, и ставъ одесную его глаголя: азъ есмь храняй тя, посланъ есмь отъ Бога пояти душу твою отъ тебе, преподобному же мнѣвшу яко крилату, идущу вслѣдъ Ангела, ибысть ему свыше гласъ, яко громъ страшенъ глаголющъ: ускорилъ еси взяти душу его сѣмо, но паки возврати его, и съ словомъ паки обрѣтшуся ему въ келіи на одрѣ (смертнѣмъ)[34]) своемъ, сіе же видѣніе видѣ, преподобный отъ шестаго часа лѣтняго дне до вечера, понеже Настоятель и братія бяху на поли, собирающе плоды земныя, и егда ощутившуся преподобному отъ видѣнія, молитвы и моленія начатъ приносити Господу Богу[35]), и Пресвятѣй Богородицѣ, и Святому пророку Іоанну Предтечи, и Святителю Николаю Чудотворцу, съ теплыми слезами, и яко преста мало отъ слезъ своихъ, паки зритъ близъ одра своего человѣка стояща, подобна лицемъ святолѣпна и честными сединами и ризами украшена, якоже пишутъ на иконахъ Святителя Николая Чудотворца, не яко въ сновидѣніи но явѣ, держаща въ руцѣ своей крестъ Господень, и глаголюща преподобному сице: рабе Божій болѣзнуешили, отвѣща ему преподобный, ей Господи мой зѣло болѣзную, рече же ему Святитель востани и ходи, и благослови его, честнымъ крестомъ и приречe: исцѣляетъ тя Господь Богъ мною рабомъ своимъ, и въ той часъ бысть здравъ, и посемъ дерзнувшу преподобному вопросити его, онъ же рече: азъ есмь Николай его же ты призываеши, посланъ отъ Бога исцѣлити тя, и сія рекъ невидимъ бысть, преподобный же по видѣніи ономъ прослави Господа Бога и Его угодника Святителя Николая[36]).

Болѣзни Прпбнаго и явлен Ангела Гдня.

Явися Прпбнол Святы Никола

По видѣніи семъ начатъ преподобный касатися прежднихъ подвиговъ своихъ, и прихождаху къ нему жители мѣста онаго приносяще болящія и бѣснуемыя дѣти и сродники своя онъ же

Исцѣля Прпбни недужи

молитвами своими и окропленіемъ Священныя воды, Божіею помощію исцѣляше приходящія въ домъ Господень[37]) и произыде[38]) слава о немъ велія[39]), онъ же не навидя славы человѣческія, тайно[40]) изыде изъ обители тоя и обрѣте подмонастыремъ набрезѣ камы рѣки, малую ладіицу, сѣде и пловяше камою нанизъ Богу помогающу ему, и отплы отъ Монастыря сто и пятдесятъ поприщь[41]) и ту бысть нѣкая пустыня, бѣже часъ яко третій дне, и водныя струи тихи зѣло, яко стекло, и внезапу бысть ему гласъ глаголющъ свыше: человѣче Божій Трифоне, подобаетъ ти жити здѣ, и сему гласу бывшу три краты, преподобный же яко слыша Божія гласа силу и повѣленное ему водвореніе, духомъ Святымъ и крестнымъ знаменіемъ вооружився, изыде на брегъ, и пойде въ гору яко пять поприщь, и дошедъ идеже текутъ отъ единаго устія двѣ рѣки, именуемыя мулинскія, и раздвоишася каждо ихъ во страну свою, и тамо обрѣте Преподобный въ пустыни чистое поле, остѣнено[42]) лѣсомъ зѣло красно, исполнено цвѣты благовонными, и возлюбіе яко Богомъ показанный ему Эдемъ и вселися тамо Іюлія мѣсяца въ день недѣльный[43]) и сотвори себѣ хижину малу, въ ней же мало покоя отъ труда своего на земли пріемля; бяше же полѣ то жертвище и кладбище на немъ остяцкое, при немъ же стояху тамо два дерева[44]) велія ветви имуща многи подъ ними же водворися преподобный, Бога всесильнаго въ помощь себѣ призывая присно единъ единому Господу Богу бесѣдуя, день и нощь[45]), ядше[46]) бяше преподобнаго трава и губа всякая, питіе же текущая вода, и начатъ землю копати своима рукама, и мало сѣменъ яже ношаше, коренія посаждати,[47]) увѣдѣвше[48]) же о немъ Агаряне, яко вселися преподобный въ жертвище ихъ, пріидоша на преподобнаго съ оружіемъ и дрекольми, собравшеся до седмидесяти остяковъ[49]), и узрѣвше его страшна, зѣло, яко держаща въ деснѣй руцѣ мечь нагъ, въ шуйцѣ же палицу желѣзную, трепѣтомъ одержими едва возмогоша проглаголати: человѣче кто если ты, и како имя твое и чесого дѣла пришелъ еси сѣмо, въ жертвище наше водворився, и что начинаемое дѣланіе твое, скажи намъ, по неже овогда видимъ яко столпъ огненъ, иногда лучи сіяющія, или яко пара дыма благовонна отъ мѣста сего изходящи, преподобный же отвѣщавъ рече имъ, чесого хощете, да скажу вамъ, имя мое нарѣченное отъ Бога моего Трифонъ имянуюся, рабъ Господа нашего Іисуса Христа, слышавше же преподобнаго многое ученіе[51]) о православнѣй Христіанстѣй вѣрѣ ясно и полезно имъ бесѣдующа удивлшеся ужасомъ одержими[51]) со страхомъ отъидоша во свояси, повѣдающе начальнику своему[52]) сія онъ же слышавъ таковая восхотѣ самъ видѣти преподобнаго[53]), во время оно

Приходъ къ Прпбном҃ꙋ кꙋпца и бесѣда его о силѣ Остяцкаго жертвища

пріиде къ преподобному нѣкто купецкой человѣкъ имянемъ Ѳеодоръ[54]) видя преподобнаго зѣлнѣ Бога ради трудящася, бѣ бо человѣкъ той часто путемъ симъ къ нимъ преходя, и купуя себѣ остяцкія купли и вопроси[55]) преподобнаго, что требуеши отче впустѣ мѣстѣ пребывая, онъ же рече къ нему: глаголя, упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое сынъ покровъ мой духъ святый, пища же моя слово Божіе, сія слышавъ Ѳеодоръ яко Богомъ посланъ, вдаде преподобному потребная[56]), и познася съ нимъ, и сказа преподобному—како діаволъ мечты творитъ на семъ мѣстѣ подъ древесы тѣми, кто ихъ остяцкому жертвищу тому[57]) или нѣчто сотворитъ, болѣзни смертоносныя страждутъ и иніи умираютъ[58]), и о семъ слышавъ преподобный, прослезися и воздохнувъ, рече: воля Господня да будетъ, и проводивъ Ѳеодора, начатъ прилѣжно молитвы Богу и моленія приносити съ теплыми слезами, и прорече: Господи Іисусе Хрісте Боже мой, молитвами пречистыя твоея матере, заступницы рода Христіанскаго, пречистыя Богородицы и присно дѣвы Маріи, юже намъ даровалъ еси стѣну необоримую и пристанище спасенія, роду человѣческому, и честнаго пророка и Предтечу Крестителя и пустынника гражданина великаго Іоанна, его же бояхуся имене, звѣріе дивіи и гади ядовитіи, подаждь ми Господи молитвами ихъ наступити на древняго змія и скорпія и на всю силу вражію, и помоляся на многи часы, воздѣвъ преподобный руцѣ свои на небо[59]), и вземлетъ и возлагаетъ святую икону на себѣ, пречестнымъ оградився крестнымъ знаменіемъ, пришедъ ко идоложертвенному древу ихъ, наричему[60]) ель, бѣ бо высота и ширина древа оного, паче иныхъ древесъ[61]), и[62]) извлекъ отъ чреслъ своихъ данную ему Ѳеодоромъ сѣкиру, вооружився яко храбрый воинъ, призывая Божіею помощь, начатъ сѣщи оно, остяцкое капище глаголя: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его и прочая и силою Божіею возмогъ подсѣче оно бѣсовское капище, идоложертвенное древо и висящія яже на немъ златыя и серебренныя и шелковыя ширинки и кожи, и вся бѣсовскія привѣсныя козни съ древомъ огнемъ позже и попали, слышавше же сія остяцкій начальникъ[63]) собра съ собою множество остяковъ, пріидоша яко звѣріе дивіи въ пустыню къ Преподобному, видѣша свое идоложертвенное капище и древо иже на немъ посѣчено и огнемъ пожжено и попалено, начаша дивитися о семъ глаголюще: преподобному тихимъ образомъ кто ти даде власть и силу и мужество, како ты возмоглъ еси сокрушати и искоренити древо сіе, отцы наша и мы по нихъ почитахомъ его яко Бога[64]), преподобный же отвѣщавъ рече имъ:[65]) несть иного Бога на земли и на небеси развѣ Господа Бога Творца небесе и земли въ Него же православніи Христіанѣ и азъ вѣрую въ

Молитв[а] Прпбнаг[о]

Прпбны посѣче и[до]ложертв[ен]ное древ[о] и сни[ло] сожже[въ]

Приходъ Прпбно[мꙋ] Начальн[ика] Остяк[овъ] съ нар[о]домъ ег[о] Бесѣда [пре]подобн[аго]

ъ Ѡстѧ-
ками.

Него и Того силою посѣкохъ и пожгохъ ваше идоложертвенное капище, ничесоже бояся бѣсовскаго шатанія, и вашего звѣрскаго устремленія, о немъ же вы чудитеся, яко нетокмо идоли вамъ ниже себѣ помощи ни откуду имущимъ, древо же еже обоготвористе съ вашими богомерскими потребихъ и до конца сотрохъ и искоренихъ, дабы вамъ и чадомъ вашимъ познати истинную православную Христіанскую вѣру, мерскихъ же и скверныхъ идоложертвенныхъ капищъ крѣпость низложити и проклятію предати и воспріяти вамъ Святое крещеніе во имя Отца и Сына и Святаго Духа единаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, ему же подобаетъ приносити честь и поклоненіе, истинному Творцу и Богу нашему сія иподобная симъ изрѣкъ, поучивъ отпусти преложивъ ярость ихъ волчію на кротость овчую[66]), посемъ же пришедше тіи зловѣрніи остяки насылву въ Городокъ къ приказному[67]) съ жалобою, глаголюще сице: есть Господине въ близости нашихъ остяцкихъ жилищь, между двѣма рѣкама, на пустѣ мѣстѣ идеже прежде отцы наши и мы по нихъ по нашему обычаю на кладбищахъ подъ древесы жертвы приносили нынѣ же вашея Христіанскія вѣры, водворися человѣкъ нѣкій ризы носитъ черныя худыя, той посѣче и пожже наши молебныя древеса, его же видѣхомъ прежде имуща въ деснѣй руцѣ мечь нагъ, а въ шуйцѣ палицу желѣзну, и пріидохомъ изгнати его и невозмогохомъ, понеже проповѣдуетъ намъ Бога иного иповелѣваетъ креститися и вѣровати въ него, мы же не вѣмы что сотворити ему, повелите вонъ изгнати того, видѣвше же сіе Агарянское на преподобнаго возмущеніе отъ злаго діавола, ведуще мужа свята и праведна рекоста имъ идите и ничтоже зла сотворите ему яко той черноризецъ слуга Божій и тако отслаша ихъ бездѣльны въ домы своя заповѣдаху да не отгонятъ его оттуду, да пребываетъ тамо понеже Господь хранитъ душу его[68]) въ тоже время Божіимъ попущеніемъ грѣхъ нашихъ ради, бысть[69]) нашествіе черемисское на Пермь великую, тогда собравъ остяковъ Начальникъ ихъ хотяше ити убити святаго, но Божія сила сохрани его невредима, сіе въ страхъ и трепетъ вложи Богъ въ сердца ихъ, и отъ того времяни пріидоша дѣти ихъ во Святое крещеніе, познавше истинную вѣру христіанскую, прославиша Господа Бога, и угодника его Преподобнаго Отца Трифона[70]). Во время оно[71]) воліею Божіею въ Спасскомъ пыскорскомъ монастырѣ у соляныхъ промысловъ преста росолъ тещи, настоятель же съ братіею едва умолиша преподобнаго, онъ же пришедъ къ нимъ помолися Господу Богу, и паки во скипѣ, лучши прежняго, и паки преподобному пребывающу въ той обители мнози начаша приходити страждущіи различными недуги одержиміи, онъ же молитвами своими

Жалоба
Ѡстѧковъ
і Сылвѣ
Городкѣ
иказномꙋ
а дѣло
реподоб-
наго.

ре намѣ-
ніе Ѡс-
ковъ и
щеніе ѿ
еподоб-
наго.

литвами
еподоб-
о поте-
Солѧ-
росолъ

помощію Божіею всѣмъ съ вѣрою приходящимъ, подаваше здравіе, оскорбившимъ же его, прощеніе[72]), по семъ[73]) наипаки произыде слава о немъ и нетерпя славимъ быти, изыде святый отъ обители тоя и пріиде ко Іакову и Григорію Строгановымъ они же повелѣша ему ити на чусовую, и тамо обрѣте преподобный мѣсто прекрасно на горѣ высоцѣ, и возлюби мѣсто оно, и помоляся Господу Богу, постави себѣ хижину малу, и многи пакости отъ бѣсовъ[74]) ту подъятъ, и прогнавъ ихъ силою Божіею, и по семъ водрузи на мѣстѣ томъ часовню[75]) и украси ю святыми иконами, и начаша людіе приходити къ нему, нынѣ же волею Божіею, и молитвами преподобнаго отца Трифона устроенъ бысть монастырь на томъ мѣстѣ,[76]) и многая чудеса преподобный своими молитвами показа идѣже потрудися ко Господу Богу, именемъ его, бѣсы прогна[77]) отъ человѣковъ слѣпыя просвѣти[78]) и нѣмыя[79]) ясно вѣщати сотвори словомъ Божіимъ, и тако начатъ преподобный на томъ мѣстѣ труды ко трудомъ прилагати[80]), лѣсъ сѣщи, сѣянія ради хлѣбнаго, любляше бо единъ въ пустыни бесѣдовати единому Богу, и отъ труда плоти своея снѣдати, по время же подсѣку тое огнемъ якоже обычай начатъ попаляти, тогда Божіимъ велѣніемъ воста буря вѣтра велика и пожже окрестныя древеса, и ставленныя соленныя дрова многа множество, сіе же бысть ему пакость начало злобнаго врага,[81]) дапоне изгонятъ его оттуду, собравшеся поселяне и зѣльнѣ возъярившеся, метнуша преподобнаго съ горы по острому каменію мнѣвше смерти предати его, но преподобный Божіею благодатію весьма цѣлъ и невредимъ отъ нихъ сохраненъ бысть преславно, они же гнаху его къ рѣцѣ чусовой потопити хотяще, онъ же яко видѣвъ тамо малую ладіицу у брега стоящу сѣдъ вню отплы на онъ полъ ничесоже имый въ рукахъ своихъ, они же шедше скоро возвѣстиша сія Господу своему, онъ же повелѣ его привести къ себѣ гнѣвомъ зѣло окоснѣвъ, сковати желѣзными путы обложити хотя оскорбити его, преподобный же пророчески гласомъ провѣща ему, елико ми творити сія повелѣваеши, такожде непомнозѣ времени и самъ таковая постраждеши, еже и бысть въ четвертый день, присланнымъ царевымъ гнѣвомъ, потомъ же отсла его да не паки поселяне гнѣвомъ одержими умертвятъ его, Преподобный же яко незлобивый Агнецъ влекомый на заколеніе дая гнѣву мѣсто, помоляся Господу Богу и всѣмъ мирное благословеніе и прощеніе подавъ отъиде отъ нихъ въ Вятскія страны: понеже[82]) вложи ему Господь Богъ зѣльное желаніе, достигнути и видѣти вятскую страну и пришедъ преподобный во градъ чердынь во обитель Святаго Іоанна Богослова, ко отцу своему духовному Іеромонаху Варлааму иту собесѣдникъ ему бысть, и пріимъ отъ

на Пыск
рѣ.
Преподоб
ный ꙋ Стр
гановыхъ
водворені
его на Чꙋ
совой.
Преподоб
ный цѣл
ше недꙋ
ныѧ.
Пакост
вражїѧ,
злодѣѧн
вѣлїе Пр
подобно
ѿ люде
Строган
выхъ.
Строган
ожесточ
на Пре
добнаг
Ѿшест
Препод
наго
Вѧтск
страны
и—

Приходъ во градъ Чердынь ко ѡбители Іоанна Бо-ослова въ 1569[115]) г. Кайгородокъ.

него благословіе, пойде въ Вятскія страны, и егда дойде камы рѣки, до кай Городка, и по смотрѣнію Божію обрѣте тамо человѣка родомъ вятчанина жителя града Слободскаго, имянемъ Іоанна,[83]) бесѣдуя съ нимъ, вопрошаше имутъ ли въ той странѣ монастыри, хотящимъ монашескаго пребыванія, онъ же рече ему, яко воистину желаютъ Наставника сему Божію дѣлу, пріимутъ тя съ великою радостію, понеже во странѣ той нѣсть обителей, иди преподобне отче съ миромъ слышавше сія преподобный ревностію Божіею распаляемъ потече яко елень, на источники водныя, съ радостію, и егда достиже верховину вятки рѣки, идеже нынѣ устроенъ монастырь Спасовъ, и святыя мученицы Екатерины, и тамо почи мало труда ради путняго, по семъ сотвори молитву Господу Богу, испивъ вятскія воды, и бысть сладка явися ему яко медъ и благодаривъ Господа Бога, паки путешествуя, и еще не дошедшу ему зритъ въ видѣніи своемъ, мѣсто въ Вятской странѣ зѣло прекрасно и высоко на немъ же яко во едемѣ насаждено полно древесъ по средѣ же ихъ едино превелико древо стояше, на негоже возшедшу преподобному зрѣти едемскія красоты его, и тогда поклонишася окрестъ стоящіи древеса прекрасному и превысокому древу тому, на немъ же стояше святый и возбнувшу преподобному отъ видѣнія его, помышляше святый, что есть видимое одревесѣхъ сихъ и возлагая упованіе свое на волю Божію тщашеся, яко высокопарный орелъ достигнути вятскія страны, и яко же[84]) сконча путь свой.

Видѣніе ѡ Вятстѣй странѣ.

Приходъ Преподобнаго во градъ Слободской 1570[115]) г. Вятской Стольный градъ Хлыновъ 1570[115]) г.

Въ лѣто[85]) з҃пие мѣсяца Іануаріа въ 18-й день, на память великихъ Святителей Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, пришедшу преподобному во градъ Слободской, и тамо мало дній пребывшу, оттолѣ дошедъ и близъ бывъ богоспасаемаго града Хлынова и воззрѣвъ нань прослави Господа Бога и Пресвятую Богородицу, и великако СвятителяНиколая сотворивъ молитву[86]) вниде во градъ яко въ горній Іерусалимъ, возлюби его паче инѣхъ градовъ, первѣе приходитъ въ соборную церковь великаго Чудотворца Николая великорѣцкаго[87]) и потомъ по прочимъ церквамъ молитвы и моленія творяше яко страненъ и пришлецъ, никимъ же вѣдомъ бысть, единъ же отъ клирикъ соборныя Церкви Діаконъ именемъ Максимъ прозваніемъ Мальцовъ, пріятъ его въ домъ свой яко пришельца, прорazумѣвъ быти его яко мужа свята и праведна, служаше ему со тщаніемъ, познавати же мнози начаша его пріемлюще въ домы своя упокоеваху видяще преподобнаго по Бозѣ жительство проходяща, и тако преподобный хождаше по граду и по странамъ его помышляя во умѣ своемъ, прося Божія помощи, да покажетъ ему мѣсто благоугодно, идѣже обитель составити, и пришедъ

Дворенiе Преподобнаго.

близъ града Хлынова во странѣ идѣже стояху двѣ Церкви, ветхія зело малыя, едина во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, вторая во имя великихъ Святителей Аѳанасія и Кирилла, идѣже погребаются граждане, и возлюби мѣсто оно, и пророчески вѣщая приреченіе: сей покой мой, здѣ вселюся, яко изволихъ его, и пришедъ Святый умоляетъ[88]) вятскія страны жителей, градскихъ земскихъ судей, и старостъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, о семъ возлюбленно и Богомъ показанномъ ему мѣстѣ онижъ воздаша о семъ Господу Богу веліе благодареніе, вручаютъ ему по его прошенію мѣсто оно, и по ихъ обѣщанію, повелѣваютъ ему шествовати, къ царствующему Граду Москвѣ, бити челомъ благочестивому великому Государю Царю и великому князю Іоанну Василіевичу всея Россіи Самодержцу и Преосвященному Антонію Митрополиту Московскому и всея Россіи, о созданіи Святыя обители и о Святыхъ Церквахъ сослуженіи, и тако отпущаемъ бываетъ преподобный общимъ совѣтомъ, со освященнымъ чиномъ и со всѣми православными Христіаны, съ радостію. Пришедшу же Преподобному къ царствующему великому граду Москвѣ, Божіимъ промысломъ и великаго Государя жалованіемъ, честнѣ пріятъ бысть и Священства и Строительства сподобляется, и образомъ Пресвятыя Богородицы въ путь благословляется, и граммами къ основаніе тоя Святыя обители, вручается наставникъ быти, и съ миромъ къ Вятскимъ странамъ приходитъ получивъ милость Божію, и великаго Государя жалованіе и, Святительское благословеніе, и граммату показуетъ Священному чину, и всѣмъ православнымъ Христіаномъ; по ихъ прошенію вся исполнишася, и вси воздаша о семъ благодареніе въ Троицѣ славимому Господу Богу, и по сихъ помолився преподобный прося отъ Господа Бога помощи въ начатіе Святыя обители, полагаетъ благій совѣтъ съ Духовнымъ Священнымъ чиномъ и гражданы, да подаютъ ему руку помощи, и не оставятъ дому Святаго, и по молебномъ пѣніи со освященіемъ и кропленіемъ Святыхъ водъ, начинаетъ Преподобный съ подругомъ своимъ Іеромонахомъ Онисимомъ[89]) по малу первѣе кѣлейцы, потомъ ограду и вся по чину Монастырскому управляти служенія якоже лѣпо, и начаша отъ града и отъ странъ, ко Святѣй обители той къ церковному пѣнію, приходити всенародное множество, яко не вмѣщатися людемъ во храмѣхъ Святыхъ, ветхости ради и тѣсноты Церковныя; видѣвъ же Преподобный тѣсноту и ветхость церковную, помышляетъ въ сердцѣ своемъ, како бы устроити ему новую пространную Церковь, и слышано бысть Святому яко въ близости града Слободскаго, нѣкто начатъ обитель устрояти, и Церковь создана пуста стоитъ, понеже той строитель судьбами Божіими преставися,

Пророчество Преподобный со мѣстѣ идеже быти монастырю и проси семъ жителей Хлынова позволенія.

Приходъ Преподобнаго къ Москвѣ, и наставникомъ быти сподобляется.

Обратный приходъ Хлыновъ

Начало созиданія обители

Преподобный посылаетъ во градъ Слободской монахи.

Чудо бывшее въ Слободскомъ егда бывшу Монахомъ для разобранія Церкви.

Церковь же въ запустѣніи уже два лѣта, по совѣту же съ духовнымъ Священнымъ чиномъ и гражданы посылаетъ Преподобный во градъ Слободской, церковнаго ради разбранія и плавленія Вятскою рѣкою учениковъ своихъ Монаховъ Діонисія и Гурія, они же отъ Преподобнаго пріимше благословеніе достигше града Слободскаго, повелѣнная исполняютъ, и егда начаша Церковь разбирати граждане возлезше на верхъ ея, снятія ради древа крестнаго, тогда единъ нѣкто отъ человѣкъ волею Божіею снять древо крестное, послѣди же никто его можаще двигнути, и волею Божіею того дне и часа воста буря вѣтра велія, и яко рукама онаго человѣка восхити отъ верха церковнаго, и постави со крестнымъ древомъ ничимже вредима на землю[90]) и по семъ паки бысть тишина, и разбравше храма того, яко быти по потолокомъ, нощи же наставшей Августа въ 14 день противу праздника Успенія Пресвятыя Богородицы отшедше во градъ старцы и дѣлатели, и яко сумракъ бысть дождь велій всю нощь, утру же бывшу пріидоша иноцы хотяще видѣти церковнаго дѣла наяти паки дѣлатели, оле чудеси преславнаго и ужаса исполненнаго, видѣша Церковь всю до основанія разбрану, силою и промысломъ Божіимъ, и молитвами преподобнаго, и стѣны ея учреждены по странамъ и знаменіямъ, и о семъ прославиша Господа Бога и Пресвятую Богородицу и возложше бревна на возила сплотивше и отпустиша на низъ Вяткою рѣкою, и егда пловяху Монаси они, близь града Хлынова, сташа плоты ихъ не дошедше яко поприще до града, воста буря велія вѣтра и размета плоты ихъ на островъ и пескомъ засыпа, малу же времяни минувшу, молитвами преподобнаго отца Трифона[91]), восташа волны и размы отъ засыпанія песка плоты оныя, понесе впредь яко парусы подъ обитель постави во мгновеніи ока, Преподобный же изшедъ изъ Монастыря прослави Господа Бога и Пресвятую Богородицу. Извезше бревна церковныя положиша на уготованномъ ему мѣстѣ, въ та же времена судьбами Всемогущаго Господа Бога бысть безведріе веліе, отъ праздника Успенія до Рождества Пресвятыя Богородицы Преподобному же молебная пѣнія ко Господу Богу и Пресвятѣй Богородицѣ по вся дни совершающу.

Приплытіе Монасей съ лѣсомъ церковнымъ.

Явленіе Божіей Матери некоему человѣку 1571[115]) году.

Въ лѣто з҂пѳє мѣсяца септемврія во осмый день бысть явленіе человѣку нѣкоему, мужу благочестиву,[92]) зритъ ясно очима своима, Пресвятую и Пресвѣтлую Царицу небесную Пречистую Богородицу со превѣчнымъ младенцомъ Іисусомъ Христомъ съ небесными силами, и со пророкомъ Іоанномъ Предтечею, во обители сѣдящу и глаголющу ему, человѣче возвѣсти[93]), православному народу, чесо ради положивше обѣщаніе во еже устроити обитель мою въ презрѣніе положше, оскорбляютъ пре-

подобнаго, онъ же со слезами припадаетъ моляся Господу Богу проситъ помощи, видите посѣщеніе Божіе убойтеся глада, огня и мора за преслушаніе ваше, тогда приступи къ нему Святый Іоаннъ Предтеча перстомъ показуя идѣже повѣлѣ Царица небесная созидати храмъ свой, да не постигнетъ ихъ гнѣвъ Божій вскорѣ, и поглаголѣхъ сихъ вси невидими быша, и возбнувъ мужъ той начатъ повѣдати видѣніе всѣмъ людемъ подробну[94]) боятися гнѣва и страха Божія, устрояти Монастырь и воздвигнути Церковь во имя Пресвятыя Богородицы, народи же якоже услышавше сія: страхомъ и ужасомъ одержими, вопіяху Господи помилуй, и собравшеся въ Соборную Церковь, призвавше преподобнаго, вкупѣ съ духовнымъ Священнымъ чиномъ вземше чудотворный образъ великаго чудотворца Николая великорецкаго, поидоша ко обители съ молебными пѣснями и на томъ Богомъ показанномъ мѣстѣ, основаніе Церкви во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы устроиша на самый праздникъ честнаго и славнаго рождества ея, и отъ того дне бысть ведро повелѣніемъ Божіимъ и молитвами преподобнаго отца Трифона, и егда совершися Церковь святительскимъ благословеніемъ и освятися, тогда вѣру велію начаша имѣти, и приходити въ домъ Пресвятыя Богородицы мнози сожители, преподобному быша ревнующе доброму пастырю, онъ же яко чадолюбивый отецъ всѣхъ приходящихъ къ нему милуя питаше души ихъ словесы духовными и пищею тѣлесною удовляя, и мнози не токмо вятчане, но и отъ дальнихъ странъ слышаще по Бозѣ житіе его, изволиша пріяти яремъ Господень и тако распространятися начатъ обитель Пресвятыя Богородицы, молитвами Преподобнаго Отца Трифона.

Іоаннъ Предтеча ѹказѹетъ мѣсто, идеже быти Цр҃кви.

Времѧ созданію Первой Цр҃кви

Всемилостивый[96]) же въ Троицѣ славимый Господь Богъ нашъ, восхотѣ паче прославити домъ Пресвятыя матери своея устрои быти послану отъ великаго Государя на Вятку воеводѣ именемъ Василію прозваніемъ Овцыну, мужу зѣло благочестиву и кротку, боящуся Бога, ходящу путемъ заповѣдей Божіихъ, ко Святѣй обители дому, Пресвятыя Богородицы и преподобному Трифону и ко Священному духовному и монашескому чину, и благорачительну и почитательну, и мирскимъ людемъ благоувѣтливу, сирымъ и вдовицамъ и нищимъ питателю, сему случися часто приходити къ Церквамъ Божіимъ, и вообитель преподобнаго, и бесѣдующимъ о пользѣ душевнѣй, зѣло бо любляше преподобнаго яко отца почиташе, онъ же наипаки честь велію и любовъ къ нему имяше, во единъ же отъ дней пришедшу во обитель воеводѣ Василію, и бывшимъ съ преподобнымъ, у церковнаго пѣнія видѣ умноженіе братіи, яко приходящимъ людемъ бываетъ утѣсненіе, рече преподобный къ воеводѣ Господине и брате и чадо мое возлюблен-

Ѿ вѣлицѣ помощи благоразѹмнаго Воеводы Овцына въ Созиданіи Ѿбители.

ное нынѣ отъ Господа Бога ты почтенъ еси, а отъ великаго Государя посланъ еси, воеже управляти люди тебѣ Богомъ врученныя здѣ въ Вятскихъ странахъ, молю благородіе твое[97]) да имаши получити на небесѣхъ вящую мзду, онъ же вопроси преподобнаго, что Отче преподобне прошеніе твое возвѣсти ми, показавъ рукою своею святый храмъ рече къ воеводѣ преподобный, единаго дара прошу у тебе, да подастъ Господь Богъ и Пресвятая Богородица помощь, воеже воздвигнути при твоемъ воеводствѣ матери Божіи новый храмъ на красоту и славу святѣй обители сей, твоему же благородію въ похвалу и вѣчныя роды, сія яко услышавъ воевода рече препопобному да молитъ Господа Бога о немъ, да будетъ по глаголу твоему, честный отче,[98]) и пріимъ отъ него благословеніе иде въ домъ свой въ благознаменитый же и превеликій святый день пасхи, воспомянувъ свое къ преподобному обѣщаніе, повелѣваетъ въ той день учредити въ дому своемъ, духовному Священному чину и мирскимъ людемъ столованіе, призвавъ преподобнаго на вечерю, и угостивъ любовію своею пищами и питіемъ званныя православныя люди, и егда быша вси радостни и весели, рече воевода къ преподобному и всѣмъ людемъ, сей день егоже сотвори Господь возрадуемся и возвеселимся въ онь, и начатъ прежде глаголати словесы душеполѣзными о зданіи святыя обители указуя на преподобнаго, понеже посла къ Вамъ[99]) Господь Богъ, на сіе дѣло свое мужа благоговѣйна трудолюбива и свята, наставника и учителя, управляти могуща, вся яже по чину монастырску, токмо еще видѣхъ очима моима, церковныя красоты и благолѣпія и пространства лишеніе преподобный же вставъ приложи къ тому прошеніе,[100]) къ воеводѣ и ко всѣмъ присутствующимъ людемъ и съ моленіемъ глаголя: се нынѣ время благопріятно нынѣ день спасенія, во еже преподати коемуждо въ строеніе церковное, и повелѣ воевода скорописцамъ написати книги и вписати подающихъ кождо по своему обѣщанію, въ началѣ самъ написуетъ свой прикладъ, потомъ же и прочіи, вси людіе вписашася, и тако въ сію во святую недѣлю по вся дни всѣхъ призывая съ любовію угощаше и подобная симъ исполняше, и егда приспѣ собранія время, тогда Божіимъ промысломъ и Пресвятыя Богородицы предстательствомъ и молитвами преподобнаго отца Трифона и обѣщаніемъ воеводы Василія мірскимъ подаяніемъ собрано бысть шесть сотъ [спомина-Руб.[101]) и вящи: и вси прославиша Бога, тогда воспомяну пре-

Усердіе воеводы Овцына.

Препо- подобный видѣніе оно еже видѣ во своемъ путешествіи, показнаго о заніи древеса поклонишася единому велію древу, на немъ же еди быв- стояше преподобный, мнимъ бо быти красному дереву велію, ємъ ви- воеводѣ василію совѣщающу съ преподобнымъ о церковномъ и

монастырскомъ зданіи, прочія же древеса поклонишася къ нему яко Богомъ украшену и царскимъ повелѣніемъ къ нимъ послану: и тако собраннымъ тѣмъ имѣніемъ начатъ преподобный съ воеводою дѣлу касатися, посемъ преподобный отпущенъ бываетъ къ царствующему граду москвѣ, бити челомъ великому царю и великому князю Ѳеодору Іоанновичю всея россіи Самодержцу о милостыни, и святѣйшаго Іову Патріарху Московскому и всея Россіи, о основаніи новыя великія Церкви, и милостію Божіею и великаго Государя жалованіемъ даны во святую обитель Богоматере, святыя иконы и книги ризы сосуды церковныя, кандила, села и деревни, езера и покосы и всякія угодія безданно, и утверждены въ вѣчныя роды жалованными грамотами, яже идо нынѣ во святѣй обители суть идо сего дне, святѣйшій же Іовъ Патріархъ освятивъ рукоположи преподобнаго Архимандритомъ и благословенную грамоту и священныя антиминсы на основаніе и освященіе новыя Церкви и вонныя вятскія грады и вѣси ввѣри ему и святыми иконами и всяки церковными потребами, отъ Царскихъ и Патріаршескихъ сокровищъ дарствуютъ ему на путь дванадесять подводъ до вятки и отпущенъ бываетъ съ москвы съ великою честію на вятку, слышавъ же воевода василій и всенародное множество пришествіе преподобнаго къ вятскимъ странамъ изыдоша внѣ града на срѣтеніе его съ радостію, пріемлюще святыя иконы цѣлующе, и отъ преподобнаго благословеніе пріимше духовный Священный чинъ изъ обители же монаси и христоименитыхъ людей множество, проводиша въ домъ Пресвятыя Богородицы честно и помощію Божіею бысть церковное основаніе и дѣло вскорѣ, повремени же и освященіе совершися, при томъ же воеводѣ василій и много ему помогающу и устрояющу святую Церковь, и главу ея желѣзомъ украсившу и вотчинами одарившу въ роды родовъ, во святѣй обители память себѣ и многимъ сотворшу. Егда же[102]) шествующу Преподобному не единою но и многажды, въ преименитый Царствующій градъ Москву, тогда видяху Государское жалованье и святѣйшаго Патріарха веліе благословеніе и дары дающихъ ему и съ честію срѣтающихъ пріемлющихъ Царскаго сигклита боляры и прочіи боголюбивіи людіе, во единъ же отъ дній возва преподобнаго въ домъ свой боляринъ князь Іоаннъ Михайловичъ воротынской, молитву сотворити имъ неплоднымъ сущимъ, преподобный же святымъ духомъ пророчески провѣща имъ зачати и родити сына князя именемъ Алексія, еже избысться прорицаніе сіе его, и по прошенію болярина того пожаловалъ великій Государь во святую обитель свое дворцовое село полянки, и многу милостыню посылаше при животѣ своемъ, и по смерти своей повелѣлъ снабдѣти сыну своему кня-

дѣніи Древѣсъ.

Второе пу тешествіе Преподобнаго къ Москвѣ.

Преподоб ный рукс полагаетс Ѿ Іонь Патріарх во Архи мандрит Приход Преподо наго в Хлынов и встре Ему о всѣхъ л дей.

Преподо ный П въ Мос и у кня Іоанна ротынск пророче Препод наго из тіе Ѻна

зію Алексію еже и бысть, нѣкогда же путнимъ шествіемъ бывшу преподобному во градѣ Казанѣ собесѣдникъ бываетъ преосвященному Ермогену Митрополиту, прорече быти ему, въ превеликомъ царствующемъ градѣ Москвѣ Святѣйшимъ Патріархомъ, еже и бысть, пророчеству преподобнаго Трифона, и тако пребывающу преподобному во Святѣй обители въ постѣ и молитвахъ въ трудѣхъ съ братіею своею, поучающу и утверждающу ученики своея, чистотѣ и цѣломудрію и воздержанію, самому же нестяжаніе имущу и тяжкія вериги на плоти своей тайно носящу, и тако дни своея проходящу, ненавидя[103]) же добро діаволъ, злый убійца душъ человѣческихъ, рода христіанскаго, позавидѣ не могій терпѣти, трудомъ и потомъ, и постомъ и воздержаніемъ, ходяща и учаща Преподобнаго, чистотѣ и цѣломудрію, воздвиже отъ ученикъ его, злыя человѣки, да изгонятъ изъ обители Преподобнаго, восхотѣша бо ходити широкимъ и пространнымъ путемъ, забывше свое монашеское обѣщаніе, начаша просити сластолюбныхъ брашенъ и питія невоздержанна, изходяще изъ обители на торжища, и въ мирскія домы, съ ними ядуще и упивающеся, безъ воздержанія безвременно, паче же наказанія и поученія наставника своего Преподобнаго отца никакоже внимающе самовластіемъ живуще, яко скоти безъ воздержанія и вмѣсто преподобнаго отца Архимандрита Трифона, выбираютъ тайно и совокупившеся лжесоставно посылаютъ ученика его старца Іону Мамина, съ челобитными заручными, къ москвѣ бити челомъ во Архимандриты понеже въ та времена преподобному отшедшу[104]) въ сѣверныя страны собранія ради, преподобный же отецъ Трифонъ егда прійде въ обитель видя братскую ненависть и ученика своего злокозньство, поучая[105]) утверждая ихъ яко чадолюбивый отецъ, возбраня отъ безмернаго объяденія и злаго пьянства, той же Іона Маминъ не терпя обличенія и поученія святаго, повелѣваше досаждати и укоряти порѣвати и въ темницу садити, преподобнаго слугамъ, потомъ же всеконечнѣ изъ обители Богоматере съ поруганіемъ и біеніемъ, вонъ изгнаша его, преподобный же пребываше бездоменъ не имѣя гдѣ главу подклонити, рече, блажени изгнани правды ради яко тѣхъ есть царство небесное и прирече егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій, и паки глаголетъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите душа ваша, и давъ гнѣву мѣсто отходитъ[106]) во градъ Слободской, народи же града того пріимше преподобнаго яко Ангела Божія съ великою радостію, прославиша Господа Бога и возлюбиша его, яко отца и честь велію воздаша ему, преподобный же къ нимъ благій совѣтъ о созданіи обители совѣщаваетъ, они же со всежеланіемъ прошеніе его исполняюще мѣсто подъ Монастырь от-

Пророчество Преподобнаго Ермогена въ Казани.

Изгнаніе преподобнаго изъ обителей его.

Приходъ преподобнаго по изгнаніи во Слободской.

водятъ ему, и во всемъ спомогати обѣщаваются со тщаніемъ, преподобный же начатъ труды ко трудамъ прилагати, по малу малу кѣліи ограду почину Монастырскому устрояше, потомъ же и Церковь воздвизаетъ во имя Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и другую церковь на Святыхъ вратѣхъ во имя Собора Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ созда и всякимъ благолѣпіемъ и освященіемъ украси и мнози поревновавше трудолюбному и душеспасительному подвигу и воздержанію его начаша приходити во Святую обитель его, пріемлюще Святый монашескій образъ сожительствующе во всемъ терпѣніемъ и послушаніемъ и кротостію спомогающе труды постническими и поты чистотою и цѣломудріемъ украшени поученіемъ преподобнаго внимающе и тако волею Божіею и молитвами проподобнаго Трифона распространися и благоукрасися обитель сія.

Построен въ Слобо скомъ Обител

По созданіи же Святыя обители тоя, поимъ преподобный отецъ Трифонъ ученика своего Досифея, поидоша въ Пермь великую[107]) собранія ради Монастырскаго строенія, и пріидоша во градъ Соли вычегоцкія, и сташа на подворіи Коряжемскаго Никольскаго Монастыря имуще съ собою Святыя иконы, образъ всемилостиваго Спаса, и Пресвятыя Богородицы, и чудотворца Николая, Святыя воды и просфоры, и вземъ Святый и животворящій крестъ и священныя воды со ученикомъ своимъ Досифеемъ иде въ домъ Никиты Строганова, да благословитъ его и егда внидоша въ домъ его, и видѣвъ Никита возъярився поношая глаголя на Преподобнаго глаголы хульныя, не восхотѣ благословенія и удалися преподобный отъ него, иде къ братіямъ его и сродникомъ, они же яко видѣвше Преподобнаго зѣло возрадовашася съ любовію пріяша его въ домы своя, и на пути многая дарованія воздаша преподобному, во утрій же день посла Святый ученика своего Досифея ко утрени въ соборную Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и повелѣлъ сказати благословеніе Никитѣ Строганову и братіямъ его и сродникомъ, самъ же ста на мѣстѣ единъ единому Богу моляся, и пришедшу старцу по обычныхъ поклонѣхъ узрѣ въ церкви стоящихъ Никиту съ братіею, поклонися имъ и сказавъ отъ преподобнаго благословеніе, начатъ просити потребныхъ обители, Никита же поимъ старца отлучися братій своихъ держа по руцѣ старца рече ему со умиленіемъ, ты ли еси ученикъ Преподобнаго отца Трифона, яко видѣхъ тя съ нимъ вчерашняго дне, онъ же рече азъ есмъ, у воздохнувъ прослезися глаголя, согрѣшихъ, Преподобному досадихъ оскорбихъ раба Божія, навѣтомъ вражіимъ, и того ради много пострадахъ въ сію нощь его ради безъ сна пребыхъ стоня

Походъ Преподо наго в Пермь д собранія Обител въ Слоб скомъ во визаем Преподо ный во І дѣ Соли чегодски у Ники Строган въ дом огорчени

раская Никі Строга ва.

и трясыйся, молютися старче умоли отца Преподобнаго пріити молитву сотворити въ дому моемъ, и подати прощеніе моимъ согрѣшеніямъ, сказавъ же Никита вину свою старцу, о ней же возъярився, яко прежде немногихъ лѣтъ билъ челомъ великому Государю и Святѣйшему Патріарху объ немъ Преподобномъ отцѣ, и даша его во обитель Введенія Пресвятыя Богородицы и поживъ мало время отпросися помолитися въ Соловецкую Лавру, и давъ ему люди и судно и припасы, онъ же съ пути люди отпустивъ начатъ странствовати до нынѣ, ты же отче Досиѳее шедъ умоли преподобнаго дабы благословилъ и посѣтилъ домъ мой днешняго дне, и пришедъ старецъ вся сія возвѣсти Преподобному, и прошеніе его исполнити умоли и пойдоша купно ко Святѣй Литургіи, и по совершеніи пѣнія начатъ Никита молити Преподобнаго внити и благословити домъ его и пришедше и молитву и благословеніе и прощеніе подавъ Никитѣ и всѣмъ сущимъ въ дому его, угостивъ Преподобнаго даже милостыню довольну на созданіе обители, святыя иконы, книги, ризы, соли и вся елико треба на препитаніе братіи одаривъ съ великою честію отпусти ихъ во свояси; и шествующу преподобному со ученикомъ своимъ Досиѳеомъ въ Усольскомъ и Устюжскомъ уѣздехъ и въ Коряжемскомъ Никольскомъ Монастырѣ бывшимъ со Святыми иконами всенощныя молитвы и моленія совершаше съ теплыми слезами, ко Господу Богу и Пресвятѣй Богородицѣ и великому Чудотворцу Николаю, и многая чудеса молитвами преподобнаго отца совершахуся съ вѣрою приходящимъ, и приносящимъ подаяніе на строеніе обители его и братіи на пропитаніе[108]), егда[109]) достигшу Преподобному Вятскія страны, пришедшимъ въ градъ Слободской во обитель Святаго Богоявленія срѣтоша его иноцы и граждане яко приснаго отца своего, съ великою радостію, благословеніе пріимшимъ и собраннаго подаянія Святыхъ иконъ и книгъ и ризъ соли и всякихъ потребныхъ во обитель привезша, прославиша Господа Бога и угодника его преподобнаго отца Трифона и по семъ пророческимъ гласомъ Преподобный ученику своему Досиѳею, глаголаше: поучая не исходити ему отъ обители тоя до кончины своея, еже и бысть столѣтенъ и вящи преставися въ лѣто з҃род[100]) Бывшу[111]) же Преподобному отцу нашему Трифону, въ старости маститѣ, по обѣщанію своему въ Соловецкой Лаврѣ помолитися, видѣша настоятель и братія, зѣло древна и старостію слячена преподобнаго пріимше благословеніе отъ него провождающе рекоша ему: рабе Божій гдѣ хощеши пріяти[112]) онъ же рече имъ: помолитеся отцы святіи Богу, да сподобитъ мя достигнути Вятскихъ странъ почити въ дому Пресвятыя Богородицы, во градѣ Хлыновѣ и путешествующу ему отъ морскія пучины двиною

Преподобный у Стронова въ дому.

Звраще-ніе Преподобнаго во градъ Слободской.

и прочими рѣками, до вятки рѣки вверхъ и дошедшу[113]) града Орлова, слушавъ святую литургію достиже веси Николая Чудотворца подрельскаго во своемъ карбацѣ, и ту въ болезнь тѣлесную впаде, и привезоша его подъ градъ Хлыновъ мѣсяца Іюліа въ 15 день, посла же преподобный въ домъ Успенія Пресвятыя Богородицы ко Архимандриту Іонѣ Мамину ученику своему, моля пріяти его къ нимъ во святую обитель свою, онъ же возроптавъ никакоже пріяти восхотѣ его, онъ же видѣ вѣльми себѣ изнемогоша посла въ домъ соборнаго діакона Максима Мальцова, дабы онъ пріялъ его: въ домъ свой онъ же пріятъ его радуяся славя Бога и пребысть преподобный въ дому его Іюліа отъ 15 до сентября 23-го числа, проувѣдѣвъ свое преставленіе призва отца своего Духовнаго Іеромонаха Варлаама, съ нимъ посылаетъ Соборнаго протопопа за братіею въ Монастырь ко Архимандриту за братіею, молитъ пріяти его къ нимъ, онъ же едва преклонися къ моленію ихъ пріятъ его въ домъ Богоматере съ честью, испросивъ благословеніе и прощеніе себѣ и братіи, видя же преподобный яко приспѣ конецъ житія его и причастися пречистыхъ таинъ животворящаго тѣла и крове Христа Бога нашего, посемъ призва ученика своего Архимандрита Іону и братію, поучивъ, благословивъ простивъ съ миромъ успе вѣчнымъ упокоеніемъ. Въ лѣто 7121-е мѣсяца Октовріа въ 8 день, и почестнѣмъ его преставленіи пришедшимъ Архимандриту за братіею и отъ града священному Собору и прочимъ гражданомъ всякаго чина и возраста видяще лице его и руцѣ благообразно крестообразно согбены, келіа же его исполнена благоуханія, изнесше мощи его, въ великую Церковь пѣвше надгробная, положиша во храмъ Пресвятыя Богородицы, и потомъ[114]) волею Божіею егда начаша ко основанію каменныя церкви рвы копати обрѣтоша гробъ и мощи его подъ землею и принесше до освященія храма поставища въ часовнѣ, и егда Божіимъ промысломъ каменная Церковь совершися и освятися, внесше во храмъ Архіерейскима дланма раку преподобнаго положиша у севѣрныхъ вратъ яже и донынѣ видима и покланяема всѣми и подаетъ Господь Богъ молитвами преподобнаго съ вѣрою просящимъ душевное спасеніе, и здравіе тѣлесное, его же молитвами Боже помилуй и спаси насъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Преподо
ный въ
дѣ въ І
лезнь тел
нꙋю.

Пріиде
градъ Х
новъ и
пріѧша
во Обит

Паки л
пріѧти
во Обит

Предста
ніе пр
добнаго
Трифо
рождес
Христ
въ 16
Ѡбрет
мощей
подоб
ѿца на
Триф

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ житіи **Ш.** заголовокъ читается нѣсколько иначе: «мѣсяца октобрія въ 8-й день житіе и подвиги и отъ части чюдеса преп. отца нашего Трифона архимандрита, Вятскаго чудотворца, начальника обители Успенія Пресвятыя Богородицы, яже есть близъ града Хлынова; Благослови отче»! (стр. 10). Выраженія «близъ града Хлынова» и «во градѣ Хлыновѣ», несмотря на ихъ различіе, не должны, какъ кажется, представлять какихъ либо затрудненій въ ихъ пониманіи и примиреніи, такъ какъ относительно обители Успенія одинаково употреблялись оба выраженія. Преподобный Трифонъ въ своемъ прошеніи къ Вятчанамъ пишетъ: «мѣсто же, идѣже быти монастырю, Богъ благоволи *близъ града Хлынова* за рѣкою, глаголемою Засорою (житіе **Ш.** стр 67); а въ грамотѣ царя Ивана Васильевича отъ 1580 г. будущему Успенскому монастырю земли отводятся *«въ Хлыновѣ подъ городомъ»*; точно также по писцовымъ книгамъ Афанасія Толочанова (1629 г.) монастырь Успенія находится *«въ Хлыновѣ за посадомъ»* (цит. по кн. «Столѣтіе Вятской губ.». Т. I, стр. 116, 112).

2) Житіе, изданное Шестаковымъ, имѣетъ предисловіе, выдѣленное въ особую 1-ю главу (стр. 10—13), такъ что начальныя строки житія **Н.** соотвѣтствуютъ уже началу 2-й главы въ житіи, изд. Шестаковымъ (стр. 13—22).

3) **Н.** (стр. 55[18-27]). Этому многовитійственному разсужденію въ житіи **Ш.** соотвѣтствуютъ три небольшихъ строки (14[10-12]), въ которыхъ только и сказано, что преподобнаго назвали въ крещеніи Трофимомъ.

4) Въ этомъ мѣстѣ житія, изд. Шестаковымъ (стр. 15), находится разсказъ о томъ, какимъ образомъ родные испытали цѣломудріе преподобнаго. По окончаніи разсказа разсужденія житія **Ш.** ведутся тѣми же словами, что и въ настоящемъ житіи: «удивившася таковому» и т. д.

5) «Собравъ сѣянную ниву въ бразду сердца своего»...—выраженіе съ очень запутанной старинной конструкціей. Житіе **Ш.** замѣняетъ это выраженіе болѣе простымъ и современнымъ: «блаженный же отрокъ, слышавъ сія отъ учителя, *радостно внятъ и вся глаголы его на сердцю своемъ слагаше* и глаголаше себѣ»... (стр. 16).

6) «Воспріемлетъ во бразды сердца своего»...—Этого выраженія нѣтъ въ житіи **Ш.**

7) 8) 9) 10) 11) 12) Житіе **Н.** (стр. 57[19-21, 23-30, 32-34, 37-39, 41-43, 584-8]). Всѣ эти мѣста житія **Н.** представляютъ собой риторическія вставки въ краткій въ данномъ случаѣ текстъ житія **Ш.** Если ихъ выбросить, то въ житіи **Н.** останется только то, что сказано въ житіи **Ш.** (стр. 18[1-15]) и притомъ, почти тѣми же словами.

13) Житіе, **Ш.** (стр. 19), употребляетъ болѣе простое и близкое къ современной рѣчи выраженіе: «избави раба своего отъ толикія бѣды».

14) Болѣе чѣмъ ясно, что въ этомъ выраженіи мы имѣемъ не совсѣмъ удачно произведенное переложеніе готовой прямой рѣчи самого Строгонова въ косвенную, очевидно, сдѣланное въ цѣляхъ краткости выраженія. Рѣчь эта находится въ пространномъ житіи **Ш.** (стр. 20).

15) На стр. 20—21 изд. **Ш.** приведена полностью рѣчь Трифона къ Строганову съ такимъ именно содержаніемъ.

16) Въ изд. **Ш.** нѣтъ этой подробности. Тамъ просто сказано, что «Іаковъ отъиде въ домъ свой радуяся» (стр. 21).

17) Молитва Трифона полностью имѣется въ изд. **Ш.** (стр. 21—22.)

18) У **Ш.**, (стр. 22) сказано: «познанъ бысть Строганову и сродн. его».

19) Отсюда у **Ш.** идетъ 3-я глава житія подъ заглавіемъ: «Чудо о исцѣлѣвшемъ дѣтищѣ молитвами святаго» (стр. 22—26).

20) У **Ш.**—«владычень приказный» (стр. 22).

21) У **Ш.** (стр. 23), послѣ этого слова имѣется пространная риторическая вставка, уясняющая ту мысль, что «Богъ восхотѣ раба своего прославити дѣтищемъ симъ».

22) У Ш. эта просьба приведена въ пересказѣ двумя словами: «дабы молитву сотворилъ о дѣтищи ея» (стр. 23).

23) У Ш. отвѣтъ Трифона не ограничивается этими словами: онъ втрое больше и значительно витіеватѣе (стр. 23).

24) У Ш. полностью приведена длинная молитва Трифона (стр. 23—24).

25) Пригласивъ (?)... У Ш. этого слова нѣтъ и выходитъ какъ будто сообразнѣе съ дѣйствительностью, что преподобный покадилъ фиміамомъ дѣтище.

26) По житію Ш. Трифонъ ничего не говоритъ въ этомъ случаѣ.

27) У Ш. этимъ немногимъ словамъ соотвѣтствуетъ пространный діалогъ между Трифономъ и Іуліаніей, послѣ котораго слѣдуетъ очень витіеватое размышленіе о стремленіи преподобнаго къ монашеству (стр. 23—26).

28) Отсюда у Ш. идетъ 4-я глава «о постриженіи святаго во иноческій образъ» (стр. 26—30).

29) а) Слѣдовало написать «нуждно», «нужднцы»; б) любопытно, что въ пространномъ житіи все это выраженіе евангельское, очевидно, не вполнѣ удобопонятное переведено на болѣе простую и современную рѣчь: «о чадо, видиши-ли, яко мѣсто се скорбно есть и подвига требующее на всяко дѣло». Далѣе слѣдуютъ тѣ же слова, что и въ житіи Н.: «ты же юнъ еси»... и т. д.

30) У Ш. въ этомъ мѣстѣ вставлена довольно пространная рѣчь Трифона (стр. 27).

31) Въ житіи Ш. не объясняется значеніе имени Трифонъ, равно какъ и мірского имени препод. Трофимъ (ср. Н. стр. 552-7).

32) Слѣдовало: параэкклисіархъ. Рука, исправлявшая грамматич. текстъ житія, въ данномъ случаѣ ограничилась, какъ кажется, только тѣмъ, что надъ і поставила своими чернилами двѣ громадныя точки. У Ш. вмѣсто этого слова «пономарство» (стр. 28).

33) Отсюда у Ш. идетъ 5-я глава «о видѣніи ангела Божія» (стр. 30—32).

34) Скобки принадлежатъ, вѣроятно, архимандриту Никодиму, поправлявшему грамматич. текстъ печатаемаго подлинника.

35) У Ш. есть подробности о томъ, что препод. прислуживалъ братъ Серапіонъ.

36) Изъ всѣхъ, находящихся въ житіи повѣствованій о чудесахъ, это повѣствованіе должно быть признано самымъ достовѣрнымъ, какъ отмѣченное въ записяхъ самого Трифона (См. предисловіе стр. 51—52).

37) Въ послѣднихъ 2—3-хъ строкахъ кратко передано содержаніе 1½ главы изъ житія, изд. Ш., а именно: 6-й—«чудо о бѣснующейся дѣвицѣ» (дѣвица исцѣлена святой водой) (стр. 33—34) и половины 7-й главы—«чудо о болѣвшемъ дѣтищѣ и исцѣлевшемъ молитвъ ради преподобнаго» (исцѣленіе совершено чрезъ окропленіе воды, освященной по молитвѣ Трифона).

38) Это мѣсто соотвѣтствуетъ приблизительно половинѣ седьмой главы житія Ш. (стр. 35).

39) Житіе Ш. сообщаетъ въ данномъ мѣстѣ, что преподобный бѣжалъ не только отъ славы, но и отъ оскорбленій (стр. 35). Впослѣдствіи житіе Ш. еще разъ возвращается къ этому обстоятельству и подробнѣе объясняетъ, какія и отъ кого оскорбленія терпѣлъ преподобный (стр. 48 и 51).

40) «Тайно». Въ житіи Ш. нѣтъ этой подробности.

41) Житіе Ш. вставляетъ здѣсь: «и достиже рѣки, яже глаголется Мулы нижнія» (стр. 36).

42) У Ш. (стр. 37) «окружено лѣсомъ»—болѣе современное.

43) «Въ день недѣльный»... Житіе Ш. не говоритъ объ этомъ ничего.

44) У Ш.—неопредѣленнѣе: «Бяху же ту древеса велики и многовѣтвенны» (стр. 37).

45) Житіе Ш. въ описаніи подвиговъ преподобнаго значительно пространнѣе и витіеватѣе.

46) Слѣдуетъ: «ядь же».

47) «И мало сѣменъ, яже нощаше, коренія посаждати»... Житіе Ш. ничего не упоминаетъ объ этой любопытной подробности.

48) Отсюда начинается 8-я глава житія Ш.—«о приходѣ остяковъ къ преподобному» (38—47). Предыдущая глава закончена отсутствующимъ въ житіи Н. прошеніемъ преподобнаго къ Богу о томъ, чтобы разумѣть ему языкъ писаній.

49) У Ш. (стр. 39) сохранилось имя начальнаго человѣка этихъ 70 остяковъ—Зевендукъ.

50) а) Въ житіи Ш. подробно излагается это «многое ученіе» Трифона (стр. 39—40); б) у Ш. почему то сами остяки находятъ нужнымъ освѣдомляться у Трифона: «кто есть Богъ твой и како ты рабъ его?» (стр. 39).

51) Житіе Ш. (стр. 40 - 41) сообщаетъ, наоборотъ, что остяки «въ сладость послушаша и радостни быша о ученіи его».

52) Въ житіи Ш.—«князю своему Амбалу» (стр. 41)

53) Житіе Ш. говоритъ здѣсь о томъ, какимъ религіознымъ значеніемъ пользовалось у остяковъ и вогуловъ мѣсто поселенія Трифона и какой ужасъ наводило на всѣхъ идоложертвенное древо остяковъ, находившееся въ этомъ мѣстѣ (стр. 41).

54) «По прозванію Сухотинъ», жит. Ш. (стр. 41).

55) Нижеслѣдующихъ четырехъ строкъ въ житіи Ш. нѣтъ. Любопытно здѣсь самое послѣднее выраженіе: «сія слышавъ Ѳеодоръ яко Богомъ посланъ». По смыслу дальнѣйшей рѣчи оно можетъ указывать на то, что препод. Трифонъ понималъ свое пребываніе на Муллянкѣ, какъ Божественное посланничество съ миссіонерскими цѣлями.

56) У Ш. (стр. 42): «сѣкиру италіанскаго желѣза, якоже ей посѣкати наше русское желѣзо».

57) Очевидно, пропускъ: «посмѣется»... (Ср. житіе Ш. стр. 41).

58) У Ш. передается подробно случай съ русскими людьми, плывшими изъ Великой Перми мимо этого мѣста.

59) Въ житіи Ш. этой молитвы нѣтъ. Есть другая, но слѣдуетъ немного дальше, какъ разъ тамъ, гдѣ по настоящему житію не полагается никакой молитвы.

60) Слѣдуетъ: «нарицаемому».

61) У Ш: «толстота бо бяше его кругомъ полтретьи сажени, а вѣтвіе его въ длину по четыре сажени и вящше» (стр. 42).

62) По житію Ш. преподобный Трифонъ возноситъ молитву (стр. 42—43) у самого древа предъ иконой, затѣмъ возлагаетъ икону на себя и начинаетъ рубить дерево.

63) У Ш.: «Амбалъ, князь остяцкій» (стр. 44).

64) У Ш. эта рѣчь простирается значительно дальше (стр. 44).

65) По житію Ш. отвѣтъ Трифона остякамъ ограничивается приблизительно нижеслѣдующими тремя строками, остальныя 10 составляютъ особенность житія Н.

66) По Ш. остяки воскликнули въ концѣ бесѣды Трифона: «великъ Богъ христіанскій» (стр. 44).

67) «Именемъ Іоанну» Ш. (стр. 44).

68) Въ житіи Ш. (стр. 45) конецъ этого событія представляется нѣсколько въ другомъ видѣ: не Іоаннъ запрещаетъ остякамъ дѣлать зло препод. Трифону, а другой прикащикъ Строгоновыхъ Третьякъ, изъ Орла, который зналъ, можетъ быть, лично преподобнаго, а, можетъ быть, только слыхалъ объ отношеніи къ нему Строгонова. Можно думать, впрочемъ, что житіе Н. нарочно, для краткости опускаетъ подробности о Третьякѣ; можно думать на томъ основаніи, что запрещеніе остякамъ представляется исходящимъ отъ нѣсколькихъ лицъ (рекоста имъ, отслаша ихъ и т. д.), между тѣмъ какъ вначалѣ они обращаются, повидимому, къ одному лицу (есть, Господине...).

69) У Ш. говорится нѣсколько иначе: «слышано бысть, яко черемиса войскомъ идутъ въ Пермь»... (стр. 46).

70) Житіе **Ш.** обстоятельнѣе и точнѣе повѣствуетъ объ обращеніи остяковъ и вогуловъ съ указаніемъ собственныхъ именъ и дѣйствій Трифона (стр. 46—47).

71) Отсюда идетъ у **Ш.** 9-я глава—«чудо о соляномъ росолѣ» (стр. 47—51). Въ житіи **Н.** опущено имѣющееся у **Ш** (стр. 48—49) пространное описаніе сцены упрашиванія Трифона. Въ житіи **Н.** сказано только: «едва умолиша».

72) Разсказъ объ этомъ прощеніи составляетъ у **Ш.** 10-ю главу—«чудо о исцѣленіи дьяка Василія» (стр. 51).

73) Это мѣсто соотвѣтствуетъ 2-й половинѣ 11-й главы въ житіи **Ш.**—«чудо о проглаголаніи нѣмаго» (стр. 52—54). Описаніе чуда составляетъ первую половину этой главы.

74) По житію **Ш.** (стр. 53), «на горѣ той живяше демонъ лютъ зѣло и ходя по той горѣ и кричаше нелѣпымъ гласомъ»... Преподобный Трифонъ изгналъ его неоднократнымъ кропленіемъ святой воды.

75) Въ житіи **Ш.** (стр. 54) дано описаніе часовни и ея украшеній.

76) Житіе **Ш.** въ этомъ случаѣ выражается такъ: *послѣди же* на томъ мѣстѣ и монастырь создася, *даже и до днесь явѣ есть* (стр. 54).

77) 12-я и 13-я главы житія **Ш.** содержатъ повѣствованія о двухъ случаяхъ изгнанія бѣсовъ—«чудо о женѣ, бѣснымъ недугомъ одержимой» (стр. 54—55) и «чудо о человѣцѣ имущемъ духа нечиста» (стр. 55—56).

78) 1-я половина 14-й главы житія **Ш.** содержитъ въ себѣ «чудо о слѣпцѣ, исцѣлевшемъ молитвами преподобнаго» (стр. 56—61).

79) Объ исцѣленіи нѣмого ничего не говорится въ данномъ мѣстѣ житія **Ш.**, говорилось раньше, въ началѣ главы 11-й (стр. 52).

80) Это мѣсто соотвѣтствуетъ второй половинѣ 14-й главы въ пространномъ житіи (стр. 58).

81) «Пакость начало злобнаго врага».. Можно это старинное выраженіе считать особенностію житія **Н.** Подобныхъ выраженій избѣгаетъ житіе **Ш.**

82) Отсюда слѣдуетъ 15-я глава пространнаго житія «отселѣ помысли преподобный на Вятскую землю идти» (стр. 61—64). Начиная съ этой главы, житіе **Н.** представляетъ собой совершенно легкій пересказъ текста житія **Ш.** Не смотря на это, единство текста обоихъ житій вполнѣ ясно при ихъ сравненіи.

83) У **Ш.**—«прозваніемъ Витязева» (стр 63).

84) Вѣрнѣе—«тако». (Ср. **Ш.** стр. 64 15)

85) Начало 16-й главы въ житіи **Ш.** «приходъ преподобнаго о нашего Трифона на Вятку» (стр. 64—75).

86) Въ текстѣ житія **Ш.** (стр. 65) приведена молитва.

87) Въ житіи **Ш.** яснѣе: «Николая Мурликійскаго, идеже стояше чудотворный образъ, называемый великорѣцкій» (стр. 65).

88) Въ житіи **Ш.** (стр. 66—67) полностію приведено прошеніе преподобнаго.

89) Житіе **Ш.** ничего не упоминаетъ объ этомъ другѣ Трифона.

90) Повѣствованіе объ этомъ чудѣ нѣсколько иначе предложено въ текстѣ **Ш.** житія (стр. 71).

91) Въ текстѣ житія **Ш.** (стр. 71)—«молящимся же имъ».

92) У **Ш.**—«именемъ Никитѣ, прозваніемъ Кучкову» (стр. 72).

93) По житію **Ш.** Богоматерь сама говоритъ къ народу (стр. 72).

94) Конецъ видѣнія («да не постигнетъ ихъ гнѣвъ Божій»...) передается тѣми же словами, что и въ житіи **Ш.** (стр. 73). Ясно, что авторъ житія **Н.** только вольно передавалъ содержаніе текста.

95) Въ житіи **Ш.** эта подробность не приводится.

96) Отсюда у **Ш.** идетъ 17-я глава—«о благоразумномъ воеводѣ Василіѣ Овцынѣ» (стр. 75—82).

97) Въ житіи Ш. — «твою благочестивую душу»... (стр. 76).

98) Обращеніе въ косвенной рѣчи указываетъ на то, что эта рѣчь явилась въ результатѣ не вполнѣ удачнаго сокращенія прямой.

99) «Къ вамъ»... Въ косвенной рѣчи, какъ здѣсь, такое выраженіе можетъ быть употреблено только по недосмотру при сокращеніи прямой рѣчи. Въ изданномъ Ш. житіи такая рѣчь имѣется на стр. 78.

100) О прошеніи преподобнаго житіе Ш. не говоритъ ничего.

101) Въ спискѣ это слово приписано сверху строчки тою же рукой, которая надписывала, что житіе преподносится въ даръ, т. е., вѣроятно, рукой архимандрита Никодима.

102) Отсюда въ житіи Ш. начинается 18-я глава - «чудо преподобнаго отца Трифона, како пророчествова о рожденіи князя Алексія Воротынскаго» (стр. 82—86). Эта глава особенно кратко передана въ житіи Н.

103) Отсюда идетъ въ житіи Ш. 19-я глава—«о изгнаніи изъ монастыря преподобнаго отца священноархимандрита Трифона» (стр. 86—88).

104) Объ этомъ отшествіи не упоминаетъ житіе Ш.

105) Начиная отсюда, содержаніе нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ строкъ развивается въ житіи Ш. въ цѣлую 20-ю главу—«о Іонѣ Маминѣ» (стр. 88—92).

106) Отсюда начинается 21-я глава въ житіи Ш.—«о приходѣ Трифона во градъ Слободской» (стр. 92—100).

107) У Ш. (стр. 93)—«въ поморскую страну».

108) Въ житіи Ш. слѣдуютъ далѣе повѣствованія, заключенныя въ трехъ главахъ: 22-й—«о видѣніи Никольскаго Коряжемскаго пономаря инока Діонисія, сирѣчь: како видѣ преподобнаго въ нощи молящася» (стр. 100—103); 23-й—«чудо о нѣкоемъ злообразномъ человѣцѣ» (стр. 103—105); 24-й—«ино чудо о нѣкоей злообразной женѣ, подобно тому-же (стр. 105—106). Всѣхъ этихъ повѣствованій нѣтъ въ житіи Н.

109) Отсюда начинается 25-я глава по житію Ш. — «о приходѣ преподобнаго отца Трифона въ Слободской монастырь» (стр. 106—108).

110) 7174-й годъ. Здѣсь, очевидно, ошибка переписчика, замѣнившаго по недосмотру славянскую цифру А другой—Д. Такимъ образомъ, вмѣсто 7171-й годъ получился 7174-й, т. е. по нашему счисленію вмѣсто 1663-го 1666-й. У Ш. сказано, что Досифей умеръ чрезъ 50 лѣтъ по смерти Трифона, т. е. въ 1663 году (стр. 108).

111) Нижеслѣдующія строки представляютъ собой очень краткій пересказъ 26-й главы житія Ш.—«о хожденіи преподобнаго отца Трифона въ Соловецкій монастырь» (стр. 108—110).

112) Подразумѣвается—«кончину».

113) Отсюда идетъ 27-я глава житія Ш.—«о приходѣ преподобнаго отца Трифона къ Вяткѣ и о принятіи его въ Успенскій монастырь и о преставленіи его отъ привременнаго сего житія въ вѣчную нестарѣющуюся жизнь» (стр. 110—116).

114) Нижеслѣдующихъ строкъ нѣтъ въ текстѣ житія Ш., ихъ содержаніе гораздо подробнѣе передано въ приложеніяхъ къ нему.

115) Переводъ славянскихъ цыфръ на арабскія сдѣланъ невѣрно. Слѣдуетъ: не 1569 г., а 1579, не 1570, а 1580, не 1571, а 1581.

В. Я. Струминскій.

КНИГОУКАЗАНІЯ.

Нѣсколько словъ о значеніи «Пермской Старины» А. А. Дмитріева.

Предлагаемая замѣтка не имѣетъ цѣлью дать полную характеристику не только всей научно-литературной дѣятельности А. А. Дмитріева, но и главнаго его труда «Пермской Старины». Авторъ намѣренъ только отмѣтить здѣсь связь научной дѣятельности Дмитріева съ условіями нашей общественной жизни въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и вкратцѣ указать на научные результаты главнаго сочиненія покойнаго изслѣдователя исторіи Пермскаго края.

Уже давно сдѣлалось общепризнанной истиной утвержденіе, что понять настоящее нельзя безъ пониманія прошлаго, и что чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ большихъ результатовъ достигаетъ изученіе ея историческихъ судебъ. Само собой разумѣется, что дѣло не въ собираніи только отдѣльныхъ фактовъ, не въ повѣствовательной исторіи, а въ исторіи научной. Въ разработкѣ этой послѣдней можно, вообще говоря, различать четыре главныхъ ступени: первая—собираніе источниковъ, историческаго матеріала; вторая—критическая повѣрка ихъ достовѣрности, то что нѣмцы называютъ Quellenkunde; третья—монографическое изученіе отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ; наконецъ, четвертая—цѣльное общее построеніе всей науки, формулировка общихъ законовъ историческаго развитія. Съ перваго взгляда понятна взаимная связь и зависимость всѣхъ четырехъ сторонъ научной работы: современный изслѣдователь не можетъ ступить шагу впередъ, не собравъ достаточно-солиднаго матеріала, не провѣривъ его критически и не обработавъ монографически. Правда, не всѣ возвышаются до цѣльныхъ построеній, до широкихъ обобщеній, но на то есть уже свои спеціальныя и довольно притомъ разнообразныя причины. Несомнѣнно однако-же, что и широкія обобщенія и цѣльныя построенія немыслимы безъ прочнаго фундамента критически-провѣренныхъ историческихъ матеріаловъ и предварительной монографической обработки послѣднихъ. Безъ наличности этихъ условій общія построенія оказываются сплошь и рядомъ висящими въ воздухѣ, фантастическими, несостоятельными, т. е. ненаучными.

Такими они и были долгое время и на европейскомъ западѣ, и еще дольше у насъ въ Россіи. Средневѣковое общество не

представляло собою связнаго цѣлаго ни въ хозяйственномъ, ни въ соціальномъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ, ни, наконецъ, въ отношеніи духовной культуры: раздѣленіе труда и обмѣнъ были слабо развиты; рѣзкія, нестираемыя сословныя перегородки дѣлили общество на группы, почти ничего общаго между собой не имѣвшія; управленіе понималось не столько въ смыслѣ осуществленія интересовъ общаго блага, сколько въ смыслѣ доходной статьи для тѣхъ, кому вручалась государственная власть; некультурная масса жила инстинктами и минутными впечатлѣніями, будучи лишена всякихъ умственныхъ интересовъ, а сколько нибудь мыслящее меньшинство, подавляемое общей грубостью, разрозненностью и инертностью, искало утѣшенія только въ религіи и въ отвлеченныхъ, лишенныхъ связи съ практическими запросами и житейской дѣйствительностью, схоластическихъ умствованіяхъ. Въ результатѣ получался всюду одинаковый эффектъ: отсутствіе научной исторіи и пренебреженіе къ наиболѣе цѣннымъ матеріаламъ для нея, причемъ и менѣе цѣнные матеріалы принимались безъ всякой критики.

XVI вѣкъ былъ эпохой весьма существенныхъ перемѣнъ на западѣ Европы: въ это время и особенно въ послѣдующія столѣтія пышнымъ цвѣтомъ распустилось денежное хозяйство, съ раздѣленіемъ труда, съ міровымъ обмѣномъ, съ усовершенствованной техникой, съ преобладаніемъ обрабатывающей промышленности, рушились сословныя перегородки, пали привиллегіи, государство организовалось правильнѣе и усвоило себѣ, по крайней мѣрѣ теоретически, идеалъ осуществленія общаго блага, наконецъ наука перестала быть служанкой теологіи и выработала себѣ свои особые пріемы и задачи. Новые общественные запросы поставили на очередь и разработку исторической науки,— притомъ такую, которая въ одинаковой степени касалась-бы и источниковъ, и монографической работы, и даже высшихъ обобщеній.

Но эти послѣднія, этотъ вѣнецъ зданія, были немыслимы безъ труда цѣлой арміи скромныхъ работниковъ, которые въ глуши провинціи находили-бы время среди своихъ служебныхъ, хозяйственныхъ или общественныхъ занятій для исторической работы. Такіе работники и стали появляться на западѣ Европы особенно въ XVII и XVIII вѣкахъ, а въ наше время считаются сотнями, если не тысячами.

Россія по своимъ общественнымъ условіямъ стала приближаться къ тому, что было достигнуто западной Европой въ XVI вѣкѣ, лишь два столѣтія спустя,—въ XVIII в. Тогда же появились и первые серьезные изслѣдователи мѣстной старины,

яркимъ представителемъ которыхъ былъ уроженецъ и житель города Архангельска Василій Крестининъ. Пермскій край вступилъ на дорогу, проторенную Крестининымъ, позднѣе, когда стало чуяться паденіе устоевъ крѣпостного общества. Извѣстный управляющій Строгановыхъ Ѳ. А. Волеговъ вполнѣ достоинъ занять мѣсто рядомъ съ Крестининымъ. Характерно, что Крестининъ и Волеговъ, будучи собирателями матеріаловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывались и отъ критики источниковъ и даже отъ ихъ монографической разработки; усердіе коллекціонера они соединили съ проницательностью критика и способностью къ научнымъ построеніямъ. Эти прекрасныя традиціи были восприняты и развиты тогда, когда послѣ освобожденія крестьянъ наступила весна нашей общественности. Въ разработкѣ исторіи Пермскаго края въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣютъ Н. К. Чупинъ, Д. Д. Смышляевъ и, наконецъ, А. А. Дмитріевъ.

Прежде всего Дмитріевъ былъ трудолюбивымъ собирателемъ, хранителемъ и издателемъ цѣнныхъ матеріаловъ. Всякому, кто зналъ его лично и имѣлъ удовольствіе съ нимъ бесѣдовать на эту тему, извѣстно, что опубликованное имъ въ «Пермской Старинѣ» и другихъ его трудахъ представляло собою только часть того, что онъ тщательно и любовно собиралъ и хранилъ. Но и то, что имъ издано,—въ высокой степени цѣнно. Нѣтъ нужды перечислять все, имъ въ этомъ отношеніи сдѣланное; достаточно назвать писцовыя книги XVI и XVII вѣковъ, напечатанныя въ «Пермской Старинѣ», чтобы понять, что ни одинъ изслѣдователь исторіи Россіи особенно въ наше время, когда такъ обострился интересъ къ исторіи хозяйства, не минуетъ труда Дмитріева. Не меньшее значеніе имѣетъ также и опубликованіе Дмитріевымъ тѣхъ свѣдѣній, которые собраны въ трудахъ Волегова: это въ полномъ смыслѣ слова драгоцѣнный историческій матеріалъ.

Но Дмитріевъ занимался также и исторической критикой, стремился оцѣнить источники съ точки зрѣнія степени ихъ достовѣрности. Такъ, большую цѣнность имѣетъ его критическое изслѣдованіе житія св. Трифона. Превосходенъ его анализъ дошедшихъ до насъ писцовыхъ книгъ Яхонтова. Важны также, напр., его соображенія объ относительной цѣнности и достовѣрности различныхъ сибирскихъ лѣтописей (Строгановской, Есиповской и др.)—соображенія, вызвавшія полемику между Дмитріевымъ и однимъ критикомъ его «Пермской Старины». Обѣ стороны внесли своей полемикой много свѣта въ этотъ вопросъ. и хотя Дмитріевъ во многомъ не соглашался со своимъ оппонентомъ, но весьма характерно для него и дѣлаетъ ему большую честь то обстоятельство, что онъ не ограничивался голымъ отри-

цаніемъ, а призналъ за нѣкоторыми частными замѣчаніями оппонента важное значеніе.

Наконецъ, Дмитріевъ много вниманія удѣлялъ чисто-изслѣдовательской, монографической обработкѣ историческаго матеріала. Конечно, онъ не написалъ цѣльной исторіи Пермскаго края. Но въ правѣ-ли мы ставить ему это въ вину? Отвѣтъ, конечно, надо дать отрицательный: вѣдь если бы онъ задался цѣлью исполнить трудъ такого рода, то не могъ бы собрать и опубликовать многое цѣнное и не далъ бы образцовъ критической оцѣнки лѣтописей, житій святыхъ, писцовыхъ книгъ и т. д. И тѣмъ менѣе можно обвинять Дмитріева въ томъ, что онъ не предпринялъ цѣльной, законченной, во всѣхъ частяхъ отдѣланной работы, что и такъ онъ представилъ образцы монографическаго изслѣдованія отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ. Особенную цѣнность въ этомъ отношеніи имѣютъ его очерки колонизаціи Пермскаго края, важные и по пріемамъ и результатамъ обработки, и потому, что касаются темы, имѣющей первостепенное значеніе вообще въ областной исторіи.

Ошибки, пробѣлы, недостатки, обмолвки всегда и для всѣхъ неизбѣжны. Были они, конечно, и у Дмитріева. Но не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а Дмитріевъ дѣлалъ и сдѣлалъ очень много. Замѣтимъ въ заключеніе, что, сохраняя, критикуя и обрабатывая матеріалы по исторіи Россіи, Дмитріевъ самой своею личностью и дѣятельностью доставилъ цѣнный матеріалъ для пониманія смысла той культурной работы, которая стала совершаться послѣ 60-хъ годовъ XIX в. въ нашей провинціи: онъ былъ типическимъ провинціальнымъ ученымъ, олицетворяя собою по преимуществу хорошія черты этого типа,— беззавѣтную и безкорыстную преданность дѣлу, даже нѣжную любовь къ нему, желѣзное трудолюбіе и колоссальныя знанія мѣстной старины*).

Н. А. Рожковъ.

«Новости богословской литературы».

(Систематическій указатель книгъ и журнальныхъ статей по наукамъ: богословскимъ, философскимъ, юридическимъ, историческимъ, по литературѣ и филологіи. Библіографическій журналъ, издаваемый библіотекаремъ Московской духовной академіи К. М. Поповымъ. Подписная цѣна за годъ съ пересылкой и доставкой 2 рубля. Годъ 1-й (1904). Вып. 1—2. Сергіевъ Посадъ, Московской губ. I—XXVI+1—176+1—XVII стр.).

Какъ видно уже изъ поясненія къ заголовку, журналъ вовсе не представляетъ собой изданія узко и спеціально богословскаго Правда, онъ разсчитанъ прежде всего на удовлетвореніе потреб-

*) Доложено въ засѣданіи Перм. Уч. Архивн. К-сіи 3 августа 1904 года.

ностей богослова, но кругъ богословскихъ интересовъ настолько здѣсь широкъ, что «Новости богословской литературы», предназначенныя къ тому, чтобы удовлетворять потребностямъ богослова, могутъ быть интересными и полезными для тѣхъ, кто непричастенъ богословію, какъ спеціальной наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 20 отдѣловъ, по которымъ даются въ журналѣ справки, только 9 посвящено спеціально богословскимъ вопросамъ. Остальные отдѣлы распредѣлены такъ:

10. *Церковное право и право вообще:* Новыя постановленія и распоряженія по вѣдомству православнаго исповѣданія.—Изданія каноническихъ правилъ и сборники церковныхъ законовъ.—Изслѣдованія по церковному праву.—Законы свѣтскіе.—Изслѣдованія по праву и исторіи права вообще.—Соціологія и политическая экономія, крестьянскій и рабочій вопросы.

11. *Философія.*

12. *Психологія.*

13. *Педагогика. Состояніе школьнаго дѣла:* Педагогическая психологія; общіе вопросы воспитанія и обученія.—Сочиненія педагоговъ, философскія проблемы воспитанія и обученія, исторія учебныхъ заведеній.—Біографіи и некрологи современныхъ педагогическихъ дѣятелей.—Методика.—Хроника: воспитаніе и школы у иностранцевъ.—Хроника: правительственныя распоряженія по школьному дѣлу, свѣтскія и духовныя; правила и программы разныхъ учебныхъ заведеній.—Хроника: свѣтскія учебныя заведенія высшія и среднія, общеобразовательныя и профессіональныя.—Хроника: народныя школы свѣтскаго вѣдомства.—Хроника: народныя библіотеки и народныя чтенія.—Общіе вопросы духовно-учебнаго образованія.—Хроника: духовно-учебныя заведенія вообще, академіи, семинаріи, духовныя училища и женскія епархіальныя училища.—Хроника: постановленія съѣздовъ духовенства по духовно-учебнымъ заведеніямъ, общества и попечительства вспомоществованія учащимся, оффиціальные отчеты по учебно-воспитательной части и по содержанію духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.—Общіе вопросы церковно-приходской школы.—Хроника: свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ.

14. *Литература иностранная и русская; филологія и библіографія:* Сочиненія классическихъ авторовъ.—Сочиненія иностранныхъ писателей.—Исторія иностранной литературы.—Сочиненія русскихъ писателей.—Исторія русской литературы.—Филологія и палеографія иностранная и славяно-русская.—Общая библіографія.—Библіографія текущей литературы; общіе журнальные и книжные обзоры.

15. *Библейская исторія Ветхаго и Новаго Завѣта съ библейской археологіей. Исторія евреевъ.*

16. *Церковная исторія съ церковной археологіей:* Изслѣдованія по общей церковной исторіи.—Агіографія и агіологія общая и русская.—Церковная археологія и церковное искусство.—Хроника церковной жизни на востокѣ и на западѣ.

17. *Всеобщая исторія:* Матеріалы и изслѣдованія по всеобщей исторіи.—География, описаніе отдѣльныхъ странъ и путешествія, изслѣдованія по этнографіи и этнологіи.—Японія, Китай и Корея.—Хроника иностранной жизни.

18. *Исторія русской церкви:* Матеріалы и изслѣдованія по исторіи русской церкви.—Археологія и русское церковное искусство.—Монастыри.—Историко-статистическія свѣдѣнія о приходахъ и церквахъ.—Біографіи и некрологи церковныхъ дѣятелей.—Хроника и исторія русской православной миссіи.—Хроника русской церковной жизни: братства, общества, попечительства, свѣчные заводы, кассы, съѣзды духовенства, церковь и война, религіозно-нравственныя чтенія.

19. *Исторія Россіи:* Философія русской исторіи.—Матеріалы и изслѣдованія по исторіи Россіи до XIX в.—XIX вѣкъ.—Русская археологія.—География, историко-статистическое описаніе отдѣльныхъ городовъ, путешествія и этнографія.—Генеалогія, біографіи и некрологи русскихъ дѣятелей.—Русская историческая библіографія.—Война Россіи съ Японіей. Театръ и искусство.—Хроника текущей жизни.

20. *Справочныя книги:* Энциклопедія и справочные словари.—Календари.—Географич. карты.—Путеводители.—Памятныя и справочныя книжки и адресъ-календари.—Библіотековѣдѣніе и книжная торговля.

Таково содержаніе.

Что касается до задачъ журнала, то, по мысли издателя, «онъ долженъ быть *полнымъ систематическимъ* указателемъ текущей *русской книжной и журнальной* литературы по всѣмъ входящимъ въ его программу научнымъ дисциплинамъ: богословскимъ, философскимъ, юридическимъ, литературно-филологическимъ и историческимъ». Если не ошибаемся, это первый опытъ подобнаго изданія на Руси. До сихъ поръ существовали у насъ систематическіе указатели текущей книжной литературы, изрѣдка и случайно появлялись указатели къ тому или другому журналу за цѣлый періодъ его существованія, но не было *систематическаго указателя для текущей книжной и журнальной литературы.* Распространяться о пользѣ такого изданія едва-ли даже не из-

лишне. Каждому, кто когда-нибудь принимался за изученіе какого-либо вопроса, хорошо извѣстно, въ какомъ положеніи находится начинающій авторъ, принужденный самостоятельно просматривать массу журналовъ, повременныхъ изданій и въ то же время опредѣлять научную цѣнность той или иной статьи или книги. Въ своемъ изданіи редакторъ «Новостей богословской литературы» и предлагаетъ опытъ такой подготовительной работы для научныхъ занятій. Этотъ опытъ долженъ: во 1-хъ, служить пособіемъ для тѣхъ, кто желаетъ узнать, что новаго явилось въ русской литературѣ по интересующему его отдѣлу, прямо давая ему въ руки готовый матеріалъ и освобождая его отъ излишнихъ поисковъ, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ возможность узнать, гдѣ напечатаны отзывы о той или другой книгѣ или статьѣ, для опредѣленія ея значенія; во 2-хъ, освобождать отъ излишней и напрасной потери времени тѣхъ, кто, слѣдя за книжной и журнальной литературой, почувствуетъ нужду въ освѣженіи памяти, которая, какъ бы ни была богата отъ природы и какъ бы ни изощрялась, способна часто измѣнять. «Сухи и мертвы библіографическія изданія, прекрасно заканчиваетъ свое предисловіе редакторъ, но въ то же время способны давать жизнь, наводя пользующихся на такія работы, которыя иначе для нихъ остались бы неизвѣствыми, сохраняя отъ забвенія и смерти многое, что способно будить мысль и дать жизнь новымъ научнымъ работамъ и изслѣдованіямъ. И какъ обидно за напрасно потерянныя для науки книги и статьи, которыя не вошли въ научный оборотъ лишь потому, что объявленія о книгахъ не дошли по своему назначенію, а статьи явились въ мало доступныхъ и мало извѣстныхъ изданіяхъ. Какъ плодотворно было бы научное движеніе, если бы общество не чуждалось сухости и мертвенности библіографическихъ указателей».—Въ этихъ словахъ достаточно ясно, кажется намъ, выражена не требующая особенныхъ доказательствъ мысль о необходимости и пользѣ библіографическихъ указателей, подобныхъ настоящему. Можно однако-же сомнѣваться въ справедливости утвержденія, будто общество чуждается библіографическихъ указателей. Намъ думается, что всякій, интересующійся движеніемъ литературы по тому или другому вопросу, съ сердечной благодарностью къ издателю прочтетъ извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ его въ высшей степени благовременнаго и цѣннаго изданія. Для всякой библіотеки, для всякаго слѣдящаго за литературой лица, для большинства ученыхъ обществъ и учрежденій, особенно историческихъ—«Новости богословской литературы» должны составить необходимое справочное изданіе. Если говорятъ, что время—деньги, то о «Новостяхъ» можно бы

сказать съ полнымъ правомъ, что они даютъ въ руки изслѣдователю капиталъ и притомъ только за 2 рубля.

Лежащая предъ нами книжка первыхъ двухъ выпусковъ (1—2) журнала издана настолько изящно и удобно для пользованія, съ такой любовью къ дѣлу и къ читателю, что, можемъ смѣло сказать, дѣло изданія поставлено на твердую ногу и со стороны издателя сдѣлано все отъ него зависящее. До чего, напр., удачно сдѣлана группировка матеріала, это можно видѣть уже изъ того, что, не смотря на 20 главныхъ отдѣловъ журнала и въ нихъ 90 частныхъ рубрикъ, не смотря на 216 періодическихъ изданій, изъ которыхъ взятъ матеріалъ, въ 5 минутъ всякій смѣло можетъ ориентироваться въ журналѣ. Любопытно, между прочимъ, что въ числѣ 216 изданій, статьи которыхъ составили матеріалъ для «Новостей», отсутствуютъ изданія «Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій», за исключеніемъ Пермской. Нельзя не признать, что это обстоятельство, съ одной стороны, вредитъ полнотѣ библіографическихъ указаній, а съ другой, невыгодно и для самихъ Коммиссій. Мы склонны объяснять это тѣмъ обстоятельствомъ, что характеръ и задачи «Новостей богословской литературы» не вполнѣ были ясны изъ заголовка и не можемъ не высказать пожеланія, чтобы Архивныя Коммиссіи пошли на встрѣчу устраненія этой невыгоды.

Въ заключеніе настоящей замѣтки позволимъ себѣ высказать два предположенія, осуществленіе которыхъ, быть можетъ, не было бы безполезнымъ для «Новостей богословской литературы». 1) Журналъ предполагается выпускать 6 разъ въ годъ. Не было-ли бы болѣе удобнымъ выпускать его всего 2 раза въ годъ, по полугодіямъ? Удобства 6-кратнаго выхода журнала понятны всякому желательно поскорѣе ознакомиться съ новостями. Но предположимъ, что лѣтъ чрезъ 10 кто нибудь захочетъ просмотрѣть по «Новостямъ» всю литературу, относящуюся къ извѣстному сроку, за 10 лѣтъ: ему прійдется перевернуть и перелистать 60 книжекъ. 2) Не былъ-ли бы полезенъ при каждой книжкѣ алфавитъ авторовъ, отмѣченныхъ въ ней? Иногда является желаніе узнать, что за такое-то время написано такимъ-то лицомъ? При алфавитѣ удовлетвореніе этого желанія было бы очень легкимъ.—Впрочемъ, совѣты диктовать легко *).

В. Я. Струминскій.

*) Доложено въ засѣданіи Перм. Уч. Архивн. К-сіи 25 октября 1904 г.

По поводу Семинарскаго пѣсенника.

Пѣсня—невольное изліяніе души подъ напоромъ чувствъ исторгающихся у человѣка наружу, чтобы душѣ его снова прійти въ состояніе спокойнаго равновѣсія. Это то же, что горькія слезы угнетенной души, ее облегчающія, то же, что радостные веселые прыжки и пляски приведеннаго чѣмъ-либо въ восторгъ, одинаково необходимые ему, чтобы освободиться отъ избытка своихъ внутреннихъ душевныхъ движеній и прійти опять въ состояніе нормальнаго равновѣсія.

Пѣвецъ-оригиналъ, первый пѣвецъ, невольно изливаетъ въ пѣснѣ свои чувства,—свою ли наболѣвшую душу, какъ бываетъ чаще, свои ли необыкновенные восторги, которые хоть изрѣдка и немногихъ, но все же посѣщаютъ; ему дѣла нѣтъ, слушаетъ его кто или нѣтъ.

Случись, что въ числѣ невольныхъ или случайныхъ слушателей пѣвца-оригинала найдется человѣкъ, которому чувства изливаемыя въ пѣснѣ поющаго до того знакомы по собственному опыту, что пѣсня поющаго ему кажется наилучшимъ выраженіемъ настроенія его собственнаго сердца,—онъ тотчасъ же постарается запомнить про себя голосъ и слова этой пѣсни, чтобы воспользоваться ими при случаѣ, а если не полагается на память, то и записать для себя на память.

Такъ возникаютъ «сборники пѣсенъ» или *«пѣсенники»*, которыхъ бываетъ особенно много въ средѣ учащагося юношества, живущаго по преимуществу чувствованіями и мечтами.

Пѣсня перваго пѣвца, переходя изъ устъ въ уста, необходимо терпитъ много мелкихъ измѣненій, сообразно оттѣнкамъ характера и чувства каждаго пѣвца; мѣняются, однако же, лишь разныя слова и обороты рѣчи, да развѣ музыкальное оборудованіе пѣсни. Въ устахъ пѣвца способнаго къ художественному творчеству она получаетъ и художественную обработку; въ этой послѣдней обработкѣ, соотвѣтствующей вполнѣ и духу времени, и настроенію среды, она находитъ себѣ широкое распространеніе. Попавшая же въ руки мастера, лично не переживавшаго тѣ чувства, которыя составляютъ ея содержаніе, въ его передѣлкѣ она становится неузнаваемой: всякая фальшь, всякая поддѣлка чувства видна съ перваго же взгляда, и не можетъ не претить; потому и пѣсня въ непригодномъ ей костюмѣ никѣмъ не принимается и быстро со сцены исчезаетъ. Значитъ и въ этомъ случаѣ, въ случаѣ удачныхъ или неудачныхъ художественныхъ ея обработокъ, правдивость пѣсни застрахована.

Есть только одинъ родъ пѣснопѣній, гдѣ невозможно поручиться за то, чтобы чувства въ ней выражаемыя были дѣйствительнымъ достояніемъ всѣхъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ихъ слышимъ: это массовыя пѣснопѣнія, преднамѣренно составленныя въ разсчетѣ воодушевить массы именно тѣми чувствами, какія составителямъ этихъ пѣснопѣній желательно вызвать въ этихъ массахъ. Но этого рода пѣснопѣнія никто и не зоветъ пѣснями, а для нихъ существуютъ особыя спеціальныя названія. Мы ихъ здѣсь вовсе въ виду и не имѣемъ.

Для насъ *) важно собственно то, что пѣсня бываетъ правдива и искренна,—а какъ такая, она есть вѣрное отраженіе самой жизни человѣка. Тотъ или другой характеръ пѣсни въ той или другой средѣ, въ ту или другую эпоху, наглядно показываетъ, каково людямъ этой среды живется, чего имъ недостаетъ, о чемъ тоскуетъ у нихъ сердце, куда устремляются ихъ мечты и желанія. Наукѣ тутъ богатѣйшій матеріалъ для разработки, и она обязана разработать этотъ матеріалъ. Скажемъ

*) Доложено въ засѣданіи Перм. Губ. Учен. Арх. К-сіи 25 октября 1904 г.

больше. Еще не такъ давно пѣсня составляла излюбленный предметъ занятій одной только отрасли науки,—словесной. Но теперь уже всякому понятно, что полезнѣе было бы изучать пѣсню не только съ точки зрѣнія условій эстетическаго творчества, а и какъ богатый историческій матеріалъ, разработка котораго можетъ послужить для цѣлей культурной исторіи.

Мы дѣлаемъ всѣ эти оговорки, желая представить вниманію читателей на страницахъ изданія посвященнаго разработкѣ мѣстной старины нѣсколько курьезныхъ старыхъ семинарскихъ пѣсенъ,—въ виду того, что въ широкой читающей публикѣ самое слово «курьезный» почему то стало синонимомъ только забавнаго и смѣшного. Наша цѣль совсѣмъ другая, чѣмъ позабавить кого-либо старинкой. Тому, кто берется разсматривать старину; но при этомъ забываетъ, что для правильнаго пониманія и оцѣнки ея фактовъ необходимо напередъ самому отрѣшиться отъ современнаго взгляда на вещи и стать на точку зрѣнія того стараго времени, которому принадлежитъ это старое,—тому дѣйствительно многое изъ стараго времени покажется смѣшнымъ и пожалуй глупымъ; онъ можетъ удивляться, какъ люди задумывались тогда попусту надъ пустяками всякому извѣстными, чудили, жили какъ-то очень ужъ глуповато, даже говорили рѣчью какой-то очень ужъ топорной работы. Но стоитъ только стать на точку зрѣнія современную изучаемымъ фактамъ, и ничего не покажется въ нихъ неестественнаго, уродливаго, смѣшного, а иное, что другимъ могло бы казаться смѣшнымъ, можетъ показаться даже и очень почтеннымъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣется «собраніе пѣсенъ», или пѣсенникъ, составленный двумя братьями учениками пермской духовной семинаріи сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Кромѣ произведеній извѣстныхъ поэтовъ, въ пѣсенникѣ подписанныхъ ихъ именами, тутъ много пѣсенъ ничьими именами не подписанныхъ. Хотя составленіе этого пѣсенника и относится къ этимъ именно годамъ, когда его составители учились въ старшихъ классахъ семинаріи, въ пѣсенникѣ много пѣсенъ и старыхъ, гораздо болѣе ранняго времени, вращавшихся въ средѣ семинаристовъ, и конечно въ эту пору все еще не вышедшихъ у нихъ изъ обращенія,—иначе ихъ и не занесли бы въ пѣсенникъ. У семинариста той поры чрезмѣрно заваленнаго домашней обязательной письменной работой (помимо срочныхъ сочиненій и разныхъ упражненій задаваемыхъ на домъ онъ обязательно долженъ былъ ежедневно къ каждому классу по каждому предмету преподаванія списывать въ свои тетради для себя урокъ, заданный къ слѣдующему дню съ записокъ самого преподавателя, чтобы по своей тетрадкѣ приготовить свои уроки для отвѣта на другой день въ классѣ своему учителю), времени было слишкомъ мало, чтобы тратить его на списыванье въ пѣсенникъ свой и такихъ пѣсенъ, которыя уже въ ихъ средѣ оставлены. Попавшія въ пѣсенникъ и старыя пѣсни все же значитъ были еще въ большомъ ходу, не смотря на устарѣлые мѣстами обороты рѣчи и старинныя словечки. Да надобно сказать и то, что въ ихъ средѣ уже вышедшія изъ общаго употребленія слова не очень-то рѣжутъ слухъ, а даже замѣтно пользуются нѣкоторымъ предпочтеніемъ, какъ болѣе или менѣе приближающіяся къ тому наполовину церковно-славянскому языку, на которомъ у насъ пишутся проповѣди и ведутся разсужденія о предметахъ церковно-религіозной жизни,—къ чему и имѣетъ своей задачей подготовлять своихъ питомцевъ семинарія духовная. Потому то, по характеру языка пѣсенъ этого пѣсенника трудно было бы опредѣлить, когда такая пѣсня зародилась и сложилась, если она мѣстное произведеніе этой же среды, привычной къ одновременному употребленію языка двухъ сопредѣльныхъ эпохъ, и современнаго языка, и языка предыдущихъ поколѣній. Все же, если старая пѣсня пѣлась, значитъ и она совпадала съ настроеніями души пѣвцовъ того болѣе поздняго времени, и, слѣдовательно, можетъ служить документомъ и за этотъ позднѣйшій періодъ времени, пѣвцы котораго продолжали признавать ее выраженіемъ настроенія собственной души.

Конечно, выдающееся мѣсто въ пѣсенникѣ молодого человѣка должна занимать пѣсня о милой. Вотъ эта скромная пѣсенка влюбленнаго семинариста (въ пѣсенникѣ подписано: Неизвѣстный).

Непостижимой силой
Я приверженъ къ милой!
Господи помилуй
Ее и меня!

***

Сердце нѣжностью горитъ,
Душа къ небу говоритъ:
Господи помилуй
Ее и меня!

***

Кроткій, нѣжный ея взглядъ
Лучше всякихъ мнѣ наградъ!
Господи помилуй
Ее и меня!

***

Все блаженство мое въ ней
Я счастливѣе царей!
Господи помилуй
Ее и меня!

***

Нѣтъ желанія другова,
Будь она всегда здорова!
Господи помилуй
Ее и меня!

Тотъ глубоко ошибся бы, кто подумалъ бы, что это вовсе и не пѣсня, а вѣроятно поддѣлка подъ пѣсню какого нибудь насмѣшника надъ бѣднымъ семинаристомъ. Смѣяться надъ семинаристомъ тогда свѣтская молодежь дѣйствительно любила. Первоначальное воспитаніе въ селахъ среди простого люда дѣлало семинаристовъ неловкими и неуклюжими и надѣляло привычками къ грубой деревенской рѣчи, шестилѣтняя духовноучилищная бурса пріучала ихъ къ неряшеству относительно костюма, да наконецъ и самая семинарія наряжала ихъ обязательно въ старомодные длиннополые сюртуки, какіе бывали вѣроятно въ модѣ еще тогда, когда сами ихъ владыки были еще семинаристами, — все это дѣлало ихъ мишенью насмѣшекъ городской молодежи, среди которой особенно ярыми пересмѣшниками бывали гимназисты. Но до такого высмѣиванія тайниковъ души воина враждебнаго лагеря дѣло конечно не доходило, да и сомнительно, чтобы въ лагерѣ враждующихъ нашелся кто способный смастерить такую вещь, когда тамъ уровень литературнаго образованія стоялъ тогда не очень-то высоко и, напр., гимназисты-щеголи, рисуясь передъ своими барышнями умѣньемъ отлично говорить, позволяли себѣ такія восторженныя фразы, какъ «природа... сопряженная съ прекраснымъ чистымъ воздухомъ!...». Между тѣмъ за одну только болѣе корректную орфографію, семинаристовъ охотнѣе принимали въ писцы на службу, чѣмъ гимназистовъ. Только маленькими баталіями гдѣ-либо въ городскомъ укромномъ захолустьѣ*), такъ называемымъ, «намятіемъ боковъ» другъ другу,

*) Надо полагать уже послѣдняя такая была осенью 1852 г., невдалекѣ отъ семинаріи, въ пересохшемъ руч. рѣчки Медвѣдки, пересѣкавшемъ Монастырскую улицу между мѣстомъ нынѣшняго пивоваренаго завода Чердынцева, а съ другой стороны мѣстомъ, такъ называемаго, «загоновъ» еще не былъ тогда высоренъ и былъ достаточно глубокъ, чтобъ скрыть бойцовъ отъ наблюдателей непрошеныхъ.

обыкновенно и кончались всякія недоразумѣнія между враждующими, при чемъ кулакъ чисто деревенскаго воспитанія обыкновенно уносилъ побѣдные трофеи съ поля битвы*). Чтобы означенную пѣсенку въ насмѣшку могъ сочинить свой же братъ семинаристъ, немыслимо. Не расположенныхъ къ духовному званію, въ семинаріи всегда было довольно, а между ними и шутниковъ и остроумныхъ находилось не мало; но такъ подтрунивать никто бы не рѣшился; такого насмѣшника товарищи заѣли бы совсѣмъ. И изъ домовъ родительскихъ и изъ своихъ духовныхъ училищъ ученики выносили глубокое уваженіе къ своему званію и даже ко всякой вообще мелочи связанной съ областью церковно-религіозной жизни, такъ что слова «Господи помилуй», такъ часто слышимыя въ церкви въ примѣненіи къ словамъ какой-либо любовной пѣсни—ради даже простой шутки сочли бы просто оскорбленіемъ святыни. Во всякомъ случаѣ, эта пѣсня при такомъ происхожденіи ея не удостоилась бы чести быть семинаристами записанной въ ихъ пѣсенникъ. Нѣтъ, это пѣсня настоящая, неподдѣльная, восторженная, исходящая изъ устъ юноши, отчетливо и ясно сознающаго, что его любовь къ возлюбленной, вопреки взгляду его монашествующаго начальства, во всемъ видящаго лишь грѣховное и грязное,—есть его неизбѣжное и въ то же время настолько невинное и чистое занятіе, что успѣшный исходъ его онъ съ чистымъ сердцемъ молитвенно ставитъ подъ высокое покровительство Отца небеснаго. При такомъ высокомъ настроеніи чувства въ отношеніи къ возлюбленной въ средѣ семинаристовъ былыхъ временъ не мудрено, если въ средѣ этой встрѣчаемъ такихъ молодыхъ людей, которыхъ малѣйшее разочарованіе въ высокихъ достоинствахъ своей возлюбленной ведетъ уже къ принятію монашества, какъ это случилось съ Яковомъ Максимовичемъ Коровинымъ, сдѣлавшимся потомъ весьма виднымъ іерархомъ (преосв. Иннокентій волынскій,—Труды Перм. Учен. Архивн. К—сіи—т. VI, стр. 42, 43).

Выписываемъ изъ пѣсенника еще двѣ пѣсни—совсѣмъ другого рода,—пѣсни вакхическаго характера

Прочь утѣхи пышна міра!
Прочь богатство, знатный санъ!
И шинель моя—порфира,
Когда я бываю пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Пусть въ звѣздахъ сидятъ въ сенатѣ
И съ проэктовъ сводятъ планъ!
Я въ китайчатомъ халатѣ
Сидя дома буду пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Пусть придворный суетится,
Онъ—души своей тиранъ!
Мнѣ душа моя годится,—
Для того я часто пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Пусть сѣдые іерархи
Поучаютъ христіанъ!
Что желать мнѣ въ патріархи?
Я безъ черной рясы пьянъ!
пьянъ... пьянъ...

*) Трофеями бывали форменныя пуговицы отъ мундирчиковъ этой «красной говядины», какъ дразнили гимназистовъ по цвѣту околыша ихъ фуражекъ и воротниковъ мундира; пуговицы непріятели старались обрывать въ виду того, что начальствомъ гимназическимъ тогда строго взыскивалось за недостатокъ военной выправки и какую-нибудь незастегнутую пуговицу мундирчика.

Пусть герои ищутъ славы,
Сами охаютъ отъ ранъ!
Я не лью ручьи кровавы,
Хоть не прапорщикъ, да пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Я природой не прельщаюсь,
И въ наукахъ «Митрофанъ»,
Отъ премудрыхъ—удаляюсь,
И бываю только пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Пусть географы трудятся,
Въ свѣтѣ ищутъ новыхъ странъ...
Я имъ буду лишь смѣяться,
И напьюсь какъ-можно пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Размышляйте астрономы,
Гдѣ Юпитеръ, гдѣ Уранъ,
Сочиняйте бредней томы...
Между тѣмъ я буду пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Пусть піиты пишутъ оды,—
Всякій мнитъ быть Оссіанъ...
Что за жалкіе народы!
Я за нихъ напьюся пьянъ!
пьянъ... пьянъ...

Пусть сидятъ въ аптекахъ воры
И фальшивый вѣсятъ гранъ...
О судьи!... о прокуроры!...
Я напьюсь скорѣе пьянъ...
пьянъ... пьянъ...

Мореходцы! что напрасно
Измѣрять вамъ океанъ!
Я и дома повсечасно,
Какъ и вы, бываю пьянъ!
пьянъ... пьянъ...

Что намъ злато, честь и слава,
Сладкій чувствія обманъ?...
Все—ребячья лишь забава!
То ли дѣло какъ я пьянъ!
пьянъ... пьянъ...

Жили люди въ славѣ, силѣ:
Жанъ-Жакъ Руссо, Чингизъ-Ханъ...
Гдѣ-жъ они теперь?... въ могилѣ!
Такъ напьюся съ горя пьянъ!...
пьянъ... пьянъ...

Что за жизнь на свѣтѣ наша!
Горесть... скука... лесть... обманъ!
Мнѣ блаженство—шушъ и чаша!
И чтобъ каждый день былъ пьянъ!
пьянъ... пьянъ...

Полно бредить!... дай прославлю
Я любезныхъ россіанъ,
Дай стаканчикъ свой добавлю,
И пойду спать сильно пьянъ!...
пьянъ.. пьянъ!..

Не знаю, чье это произведеніе, когда и какими путями прокралось оно въ ту замкнутую среду духовнаго учащагося юношества, которое еще со времени открытія здѣсь семинаріи, со стороны воспитателей заботливо обставлено было однимъ латинскимъ звучнымъ «гимномъ о суетѣ міра»*), какъ руководящимъ взглядомъ на вещи,—взглядомъ аскетическимъ, который они кажется считали болѣе всего желательнымъ привить къ своимъ питомцамъ, подготовляемымъ къ пастырскому служенію. По языку—стихотвореніе это очевидно старое; однако же въ сборникахъ стихотвореній**), какіе заводили про себя семинаристы болѣе стараго времени, чѣмъ сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія, оно мнѣ не попадалось. По существу оно—чья-то сатира на огульное пьянство соотечественниковъ довольно образованныхъ и съ достаточными средствами, чтобы приносить пользу отечеству, которые тѣмъ не менѣе уклоняются отъ всякаго серьезнаго дѣла общественнаго, и которые беззастѣнчиво указываютъ, что ихъ высшее благо у нихъ всегда при себѣ—вино... Понятно, авторъ тутъ имѣлъ въ виду такіе общественные слои, о какихъ здѣшніе семинаристы не могли имѣть вовсе и понятія. А между тѣмъ это стихотвореніе попало имъ въ руки, очевидно, безъ всякихъ разъясненій настоящей его сути Они поняли его въ прямомъ смыслѣ, совсѣмъ не обративъ вниманія на то, что самъ же авторъ разсужденія этого пьянаго человѣка называетъ бреднями. Имъ показалось, будто авторъ проводитъ тутъ свой собственный новый взглядъ на мірскія блага, за коими гоняться не стоитъ, а лучше искать самозабвенія хотя бы въ винѣ. Взглядъ этотъ пришелся имъ по вкусу гораздо болѣе, чѣмъ тотъ старинный гимнъ, который когда то имъ навязывали, и это стихотвореніе у нихъ превратилось даже въ пѣсню. Пѣсня эта привилась легко, такъ какъ почва для нея была подготовлена. Даже еще въ духовныя училища, а не въ самую семинарію дѣти большинства духовенства тогда поступали изъ родительскихъ домовъ уже достаточно ознакомленными съ деревенскими увеселительными средствами—виномъ и пивомъ. Старый латинскій гимнъ долженъ былъ уступить мѣсто новой веселой пѣснѣ; впрочемъ онъ кажется сошелъ со сцены уже раньше, съ 1840 года, когда отмѣнено преподаваніе въ семинаріи уроковъ на латинскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились разговоры между учениками въ классѣ только на латинскомъ языкѣ. Старый гимнъ чуткой молодежи долженъ былъ казаться одними словами, которымъ ихъ приглашаютъ слѣдовать старшіе, сами открыто протягивающіе вопреки тѣмъ словамъ руки ко всякому подвертывающему земному благу; а разладъ между словомъ и дѣломъ никому не можетъ быть болѣе противенъ, какъ молодежи и довѣрчивой юности. Въ новой пѣснѣ ихъ съ перваго же раза привлекало то пренебрежительно насмѣшливое отношеніе пѣвца къ идоламъ общественнаго быта, передъ которыми преклонялось старшое поколѣніе. Молодые люди спятъ и видятъ, какъ бы поскорѣе стать вполнѣ взрослыми,

*) О немъ я уже имѣлъ случай говорить; этотъ Hymnus de vanitate mundi мною помѣщенъ въ вып. IV Труд. П. Уч. Арх. Ком., стр. 67.

**) Это совсѣмъ другое, чѣмъ пѣсенники, которыхъ на виду обыкновенно не держали.

и низверженіе какихъ бы то ни было авторитетовъ и кумировъ имъ всегда приходится по сердцу. А это они и увидѣли въ своей новой пѣснѣ. Почувствовать себя независимымъ отъ всякихъ условій общественной жизни хоть на часикъ-другой и погрузиться подъ вліяніемъ винныхъ паровъ въ самозабвеніе казалось имъ состояніемъ завиднымъ и заманчивымъ.

А вотъ другая той-же категоріи пѣсня:

Здравствуй тотъ, кто пьетъ!
Пусть онъ весело живетъ,
На погибель тому,
Кто завидуетъ кому!
Vivat, vivat, играемъ
Здравія ему желаемъ!
Живъ, живъ Курилка,
Живъ, живъ, а не умеръ!
У нашего Курилка
Ножки тоненьки
Душа коротенька.

Кто неправдою живетъ,
Разорвемъ тому животъ!
(припѣвъ).

Кто не любитъ насъ,
Тому выколемъ глазъ!
(припѣвъ).

То пьяное время нашей семинаріи, когда послѣднія двѣ пѣсни были въ ней въ большомъ ходу, вызвало на семинарію грозную ревизію въ 1850 году и ея послѣдствіемъ были: переводъ епархіальнаго владыки Аркадія на другую епархію, смѣщеніе всего семинарскаго начальства, едвали не половины ея учителей, а для нѣкоторыхъ выпущенныхъ изъ семинаріи студентами воспитанниковъ и лишеніе этой степени. Самое зданіе даже нашли нужнымъ капитально ремонтировать, чтобы, такъ сказать, окончательно выкурить изъ нея пьяный духъ.

М. И. Капустинъ.

Февраль 1904 г.

Не очень еще отдаленное прошлое.

(Изъ воспоминаній*) пожилого человѣка).

В. А. былъ у насъ очень ретивый педагогъ. На его урокѣ едва ли былъ хоть одинъ ученикъ (это въ среднемъ учебномъ заведеніи!), который ежеминутно съ трепетомъ не ожидалъ бы заушенія отъ руки профессора (такъ громко величали себя тогда иные учителя) физики и математики,—особенно при сдачѣ заданнаго урока за неисправность, а то и такъ, ни съ того ни съ сего, за какую нибудь померещившуюся профессору улыбку на лицѣ отвѣчающаго урокъ, за непонравившуюся ему прическу ученика, за выпускъ воротничка поверхъ галстуха и т. п. Ждешь, бывало, какъ благополучія, чтобы профессоръ покаралъ тебя какъ нибудь иначе, только бы незаѣзжалъ въ физіономію (онъ былъ большой мастеръ издѣваться надъ беззащитными), и радъ

*) Доложено въ засѣданіи Перм. Уч. Архивн. К—сіи 14 декабря 1904 года.

если придется тебѣ стоять на колѣнахъ у классной доски, думаешь тѣмъ и отдѣлаюсь; такъ нѣтъ-же, заставитъ тебя въ такомъ положеніи слѣдить за работой на доскѣ другого ученика и учиться (какое ужъ тутъ вниманіе!), прикажетъ встать и снова рѣшать на доскѣ задачу; снова собьешся, и ужъ непремѣнно тебѣ пощечину влѣпитъ! Пожаловаться не смѣли, боялись, что совсѣмъ изуродуетъ тебя за это. Начальникъ его зналъ о томъ, но самъ ничего ему не смѣлъ сдѣлать, и замолчалъ, когда тотъ сталъ ему доказывать, что безъ этого обойтись онъ не можетъ, иначе оставитъ тутъ службу, чтобы не отвѣчать за безуспѣшность учениковъ; былъ у него какой то братецъ на службѣ въ томъ мѣстѣ, откуда могло получать нахлобучки и само начальство, видите. Сослуживцы этого драчуна профессора, казалось, однажды кое что сдѣлали къ облегченію участи воспитанниковъ. Въ компаніи съ ними, подгулявши, онъ и съ ними позволялъ себѣ драться и буйствовать. Разъ въ такой компаніи, гдѣ участвовалъ и врачъ этого заведенія, подгуляли крѣпко; буянъ всѣхъ ихъ вывелъ изъ терпѣнія—они связали его и выкинули въ сѣни квартиры въ жестокую стужу, и вѣроятно скоро о немъ не вспомнили; онъ тамъ обморозилъ себѣ руки; развязавши его, посовѣтовали ему пальцы обмокнуть въ кипятокъ, что онъ и сдѣлалъ; но докторъ тутъ заявилъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого глупаго отваживанія съ правой рукой будетъ антоновъ огонь, и необходимо поспѣшить съ ампутаціей пальцевъ. Оставили ему на правой рукѣ лишь большой да указательный, чтобы могъ онъ писать, а остальные обрѣзали. Думаете ли, что сталъ онъ потомъ добрѣе? Ни мало, напротивъ какъ будто еще злѣе и по прежнему продолжалъ свое дѣло; удары безпалой руки, какъ говорили, чувствовались даже больнѣе.

Трудно повѣрить? Но это совершенная правда, и въ живыхъ еще довольно людей, которые въ ней усумниться не могутъ. Самъ этотъ профессоръ давно уже покоенъ, но память по себѣ оставилъ на долго. Было это у насъ здѣсь, въ Перми, въ 40—50 годахъ минувшаго столѣтія; покойный оставался на одной и той же службѣ очень долго.

М. И. Капустинъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СПОСОБОВЪ РАЗБОРКИ АРХИВОВЪ.

Въ той тѣснотѣ помѣщеній, которая наблюдается почти у всѣхъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, вопросъ о техникѣ разбора и сортировки архивныхъ матеріаловъ имѣетъ едва ли не первостепенную важность. Хорошо тому, кто располагаетъ отдѣльною комнатою съ нѣсколькими спеціально оборудованными столами, коммодами и шкапами, заниматься сортировкою архивныхъ связокъ,—одну за другою можетъ онъ разобрать и разсмотрѣть въ хронологическомъ и предметномъ порядкѣ, сдѣлать на приспособленныхъ клѣткахъ, ящикахъ или полкахъ соотвѣтствующія надписи, а впослѣдствіи добавлять къ оборудованнымъ группамъ новые документы, увеличивать число группъ и т. д. Но, къ величайшему сожалѣнію, помимо полной необезпеченности и неустойчивости своего бюджета наши архивныя коммиссіи страдаютъ также и отсутствіемъ приспособленныхъ помѣщеній для своихъ занятій, а иногда и вообще лишены какихъ-либо спеціально въ ихъ распоряженіи состоящихъ отдѣльныхъ, т. е. не проходныхъ и запираемыхъ, комнатъ. Въ подобныхъ условіяхъ заниматься разборкою архивныхъ матеріаловъ очень тяжело и мѣшкотно,— почти столько же времени уходитъ сперва на раскладываніе и затѣмъ на убираніе въ сундуки или шкапы, сколько на самое разсмотрѣніе дѣлъ и документовъ, если ихъ нельзя при перерывѣ занятій оставить тутъ же на столахъ до слѣдующаго дня или до возобновленія занятій. Нужно приспособиться и изловчиться, чтобы не опустились руки и чтобы дѣло подвигалось впередъ.

Въ этомъ отношеніи имѣетъ свою цѣну и методъ архивныхъ занятій предложенный членомъ Костромской Ученой Архивной Коммиссіи протоіереемъ І. Я. Сырцовымъ въ засѣданіи ея 21 февраля 1903 года. «Въ виду скорой доставки въ Архивную Коммиссію остальной массы старыхъ дѣлъ и документовъ, открытыхъ въ посадѣ Большія Соли и составлявшихъ раньше особый архивъ бывшихъ Большесольскихъ посадской избы и ратуши, я считаю нелишнимъ, говоритъ онъ, высказать нѣсколько своихъ соображеній относительно дальнѣйшаго описанія этихъ документовъ, начатаго уже Коммиссіею....*) ...Въ этомъ дѣлѣ Ар-

*) Многоточіе означаетъ дѣлаемый мною пропускъ мѣстъ въ проектѣ о. Сырцова.

хивной Коммиссіи, по моему мнѣнію, нужно прежде всего выработать планъ дѣйствій, какового пока еще почти не существуетъ»....

Вотъ планъ, выработанный и предложенный вниманію архивовѣдовъ І. Я. Сырцовымъ.

«1. Описаніемъ Большесольскаго, какъ и другихъ архивовъ, если таковые достанутся Коммиссіи, завѣдуетъ одинъ изъ членовъ Коммиссіи, по назначенію г. предсѣдателя или по выбору самой Коммиссіи и утвержденію предсѣдателя. Самъ завѣдующій можетъ и не заниматься прочитываніемъ и описаніемъ документовъ. Но онъ, а никто другой распредѣляетъ трудъ между выбранными имъ самимъ помощниками; онъ наблюдаетъ за работами, руководитъ ими, провѣряетъ описанія съ подлинными документами; онъ представляетъ сдѣланныя описанія Коммиссіи; онъ предлагаетъ Коммиссіи о вознагражденіи труженниковъ.—2. Завѣдующій описаніемъ архивовъ выбираетъ способныхъ тружениковъ, по своему усмотрѣнію, изъ учителей и учительницъ, чиновниковъ, воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній и другихъ лицъ, умѣющихъ читать старыя рукописи; самъ договаривается съ ними о вознагражденіи; самъ даетъ имъ за понесенные труды небольшія заработанныя суммы, докладывая о крупныхъ уплатахъ обязательно Коммиссіи.—3. На мелочные расходы завѣдующій получаетъ отъ 25 до 50 руб. авансомъ, въ израсходованіи которыхъ даетъ своевременный отчетъ, безъ котораго не можетъ быть выдаваемъ новый авансъ.—4. Прежде, чѣмъ приступать къ описанію документовъ, нужно всю массу дѣлъ и документовъ разобрать и разложить группами по столѣтіямъ, по десятилѣтіямъ и по годамъ.... (Мнѣ всегда возражали, что для такой сортировки требуется большое помѣщеніе, какового въ виду у Коммиссіи не имѣется. Но я думаю, что для этого будетъ достаточно одной комнаты съ однимъ и много съ двумя окнами и простымъ столомъ. Убѣдиться въ этомъ можно, обративъ серіезное вниманіе на мой способъ разсортировки дѣлъ, который я и предлагаю здѣсь въ особомъ параграфѣ).—5. Самымъ удобнымъ способомъ разсортировки дѣлъ по столѣтіямъ, десяткамъ и годамъ мнѣ представляется въ такомъ видѣ: *а)* По распоряженію завѣдующаго описаніемъ приносится изъ общаго хранилища груда дѣлъ, взятая хотя бы и на удачу, и кладется на большой столъ. Приглашенныя къ разбору лица, на этотъ разъ даже неученыя, а просто только достаточно грамотныя, начинаютъ сортировать документы прежде всего по столѣтіямъ: каждый беретъ любой документъ, смотритъ годъ, обыкновенно въ началѣ или въ концѣ документа, и кладетъ его въ группу документовъ, напр., XV, XVI и др. столѣтій. (Такихъ группъ будетъ не больше пяти-

шести, слѣдовательно онѣ вполнѣ могутъ помѣститься на одномъ небольшомъ столѣ). Когда будетъ разобрана первая груда, приносится другая и разбирается точно также. Когда же составится большая масса документовъ одного столѣтія, они связываются въ особую вязку, продолженіе столѣтія будетъ входить въ другую такую же вязку. (Разобранные и связанные по столѣтіямъ дѣла и документы могутъ быть, на время, вынесены изъ разборной комнаты, если она нужна будетъ вечеромъ для другой какой цѣли). ...*б)* Когда будутъ документы всего архива разобраны по столѣтіямъ, тогда можно приступить такимъ же способомъ къ разбору ихъ по десятилѣтіямъ. Приносится, положимъ, нѣсколько связокъ самаго ранняго столѣтія, напр. XV; разбираются они и раскладываются на 10 группъ, по десятилѣтіямъ: десятилѣтіе 1-е XV в., десятилѣтіе 2-е и т. д. Такъ можно скоро и при помощи простыхъ грамотныхъ людей разобрать всѣ столѣтія. *в)* Можно извѣстное столѣтіе вслѣдъ затѣмъ разобрать и по годамъ, не дожидаясь разсортированія по десяткамъ прочихъ столѣтій. Стоитъ только каждую изъ десяти группъ раздѣлить на десять новыхъ группъ, по годамъ, и разложить въ порядкѣ годовъ. (Слишкомъ однородные документы, напр., росписки въ принятіи опредѣленныхъ на продолжительное время пошлинъ, можно при разборѣ дѣлъ по десятилѣтіямъ и по годамъ выдѣлять въ особую группу для того, чтобы ихъ помѣстить въ описи особымъ отдѣломъ, подъ однимъ нумеромъ, подрядъ за все столѣтіе, въ видахъ сокращенія печатныхъ листовъ).—**6**. Когда уже будетъ разобранъ вышеизложеннымъ способомъ весь архивъ и разставленъ по полкамъ по столѣтіямъ, десяткамъ и годамъ, тогда, а никакъ не раньше, можно будетъ приступить и къ описанію его. (Позволяю себѣ сказать, что сортировка по столѣтіямъ, десятилѣтіямъ и годамъ не должна надолго затянуться и помѣшать дѣлу описанія: она можетъ быть въ лѣтнее время, при помощи семинаристовъ и другихъ воспитанниковъ, за небольшую плату совершена въ нѣсколько недѣль).—**7**. Описаніе должно быть начато, само собою разумѣется, съ разобранныхъ документовъ самаго ранняго столѣтія. Это столѣтіе, по мѣрѣ описанія, можно будетъ и издавать особыми выпусками, по образцу изд. 1902 г., затѣмъ постепенно будутъ описываться и издаваться и слѣдующія столѣтія.—**8**. Самое тщательное и подробное описаніе слѣдуетъ примѣнять только къ документамъ, выдающимся чѣмъ либо и относящимся ко времени до 1613 года.... Всѣ неважные, позднѣйшаго времени, напр. второй половины XVIII и первой XIX ст., изъ экономіи, описывать кратко, указывая только на время, на содержаніе, на количество суммъ въ денежныхъ документахъ, на

нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, но никакъ не на переписчиковъ и другихъ неважныхъ лицъ».

Проектъ о. Сырцова, какъ и всѣ вообще компромиссы, не разрѣшаетъ вопроса, но отчасти смягчаетъ остроту, испытываемую при недостаткѣ помѣщенія. Однако и въ этомъ проектѣ находится ссылка на полки, шкапы и т. д., иногда же и этихъ помѣщеній подъ рукой нѣтъ. Какіе суррогаты ни придумывать, все же во всей своей силѣ встаетъ вопросъ о приспособленныхъ спеціально для «Историческихъ Архивовъ» зданіяхъ съ благоустроенными рабочими комнатами.

Но кромѣ того методъ о. Сырцова и не безопасенъ. Онъ особенно соблазнителенъ, когда приходится принять сразу значительную груду архивнаго матеріала, передаваемаго безъ описей и подбора. Нужно поскорѣе разобраться, чтобы записать въ книгу, учесть, и—даваемая хронологическимъ способомъ сортировки возможность привлечь къ работѣ даже вовсе неподготовленныхъ сотрудниковъ очень заманчива. Однако весьма часто архивная масса имѣетъ нѣкоторый внутренній порядокъ; можетъ быть, разорваны корешки тетрадей, истлѣли перегибы листовъ, послѣдніе распались на части, но все это лежало рядомъ и, если при перевозкѣ не перемѣшано, то при методѣ хронологической разборки отдѣльныхъ бумагъ во всей силѣ встаетъ рискъ разъединить въ различныя группы нѣсколько документовъ, которые относятся къ разнымъ годамъ и десятилѣтіямъ, но касаются одного и того-же предмета, дополняютъ одного другой. Опасеніе нарушить цѣлость и внутреннюю связь матеріаловъ здѣсь велико и естественно потому, что архивная груда разбирается (и по духу этого метода должна разбираться) случайными сотрудниками лишь по хронологическимъ датамъ безъ попутнаго ознакомленія съ содержаніемъ каждаго листа или клочка.

Такимъ образомъ рѣшаться примѣнить этотъ методъ архивной разборки нужно крайне осмотрительно; годится онъ далеко не часто и допустимъ только съ соблюденіемъ большой осторожности и, по моему мнѣнію, только въ личномъ присутствіи архивовѣда, могущаго сейчасъ-же на мѣстѣ разрѣшать малѣйшія недоразумѣнія.

В. С. Малченко.

Бѣглый обзоръ заводскихъ архивовъ гр. Стенбокъ-Ферморъ.

Главноуполномоченнымъ графа Стенбокъ-Фермора нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ было поручено обозрѣніе заводовъ Верхъ-Исетскаго округа въ хозяйственно-счетномъ отношеніи. Попутно съ этимъ дѣломъ, интересуясь заводскими архивами, я осмотрѣлъ нѣкоторые изъ нихъ и нашелъ слѣдующее:

Въ *Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ* архивъ помѣщается въ зданіи конторы, занимаетъ особую комнату, находится подъ присмотромъ конторщика, дѣла расположены по полкамъ, имѣется имъ опись и они до нѣкоторой степени даже разсортированы. Вообще здѣсь видѣнъ порядокъ и забота о сохраненіи дѣлъ въ цѣлости. Что же касается содержанія и значенія хранящихся документовъ, то такихъ, которыя представляли бы историческій интересъ кромѣ упоминаемыхъ ниже, я не нашелъ.

Верхъ-Нейвинскій заводъ по его возникновеніи принадлежалъ Невьянскому округу гг. Яковлевыхъ и въ административномъ отношеніи являлся подчиненнымъ главной конторѣ Невьянскихъ заводовъ, а поэтому всѣ дѣла первостепенной важности концетрировались именно тамъ, какъ въ центрѣ управленія. Впрочемъ и они потеряны, для потомства сдѣлавшись жертвой пожара, кажется въ 1891 году.

Изъ Верхъ-Нейвинскаго архива я извлекъ два дѣла, относящіяся ко второй половины XVIII столѣтія.

1) Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената отъ 30 октября, 1769 года, относительно обложенія рублевой податью ткатскихъ станковъ.

2) Ордеръ изъ главной Невьянской конторы, отъ 22 февраля 1772 г., о посылкѣ съ наставленіевъ и указовъ копіевъ о предосторожности отъ прилипчивой болѣзни (чумы).

Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ находится:

а) Ордеръ главной Невьянской конторы отъ 21 января 1772 года.

б) Указъ (въ копіи) Императрицы Екатерины II отъ сентября 1771 года.

в) То же—сентября 1771 года.

г) Наставленіе о предосторожностяхъ, которыя принимать должно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находится моровая язва, для уменьшенія бѣдствій могущихъ причиниться отъ оной.

д) Въ С.-Петербургѣ публикація главной полиціи.

е) Наставленіе какимъ образомъ предохранять себя отъ прилипчивыхъ болѣзней.

ж) Указъ (копія) Императрицы Екатерины II отъ ноября 1771 года.

з) То же—отъ 14 октября 1771 года.

и) Объявленіе отъ учрежденной, для предохраненія и врачеванія отъ моровой заразительной язвы, коммиссіи.

Документы эти прилагаются при семъ на благоусмотрѣніе Коммиссіи.

Въ Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ обращаетъ на себя вниманіе зданіе конторы своей странной архитектурой. Если представить себѣ цилиндръ, накрытый конусомъ, а въ центрѣ конуса еще цилиндръ, во много разъ меньшій перваго и увѣнчанный тоже конусомъ, то въ результатѣ будемъ имѣть понятіе объ архитектурѣ Верхъ-Нейвинской конторы. Въ верхнемъ цилиндрѣ помѣщаются башенные съ боемъ часы съ циферблатами на всѣ четыре стороны.

Преданіе объ этой постройкѣ говоритъ такъ: когда рѣшено было строить контору и у заводскаго приказчика (по нынѣшнему управителя) спросили планъ, то онъ взялъ долгій шестъ обвелъ около себя кругъ и на чертѣ велѣлъ закладывать стѣны. «Вотъ вамъ и планъ!» сказалъ онъ при этомъ.

Болѣе содержательный и интересный архивъ слѣдовало предполагать въ *Верхнемъ-Тагилѣ*, основанномъ на два или три года позднѣе Невьянска и признаваемомъ

центромъ уральскаго раскола. Такъ называемая гора «стариковыхъ могилъ» видна изъ дома заводскаго управителя. По слухамъ и въ наше время тамъ имѣются скиты и для поклоненія могиламъ приходятъ далекіе странники. Однако же никакой письменности по исторіи этого завода не сохранилось. Пожаръ, бывшій въ шестидесятыхъ годахъ, когда сгорѣла даже самая заводская плотина, уничтожилъ контору, а съ ней вмѣстѣ и архивъ. Какъ любопытный памятникъ старины представляетъ управительскій домъ и собственно его подземная часть съ разными тайниками. Не лишена интереса также чугунная садовая загородка, у того же дома, благодаря своему сложному и красивому рисунку.

Въ бывшемъ *Шуралинскомъ* заводѣ архива совсѣмъ не оказалось. Съ упраздненіемъ завода онъ вѣроятно прямо брошенъ на произволъ судьбы.

Въ *Сылвинскомъ* заводѣ архивъ помѣщается въ какомъ-то мезонинѣ на одномъ изъ фабричныхъ зданій и, подвергаясь всѣмъ атмосфернымъ вліяніямъ, не мало страдаетъ кромѣ того отъ голубей, имѣющихъ къ нему доступъ. Здѣсь, судя по описи, дѣла носятъ спеціальный характеръ—разсчеты съ рабочими, табеля, вѣдомости по дѣйствію завода и все въ этомъ родѣ.

Я не могу поручиться, что въ тѣхъ полѣнницахъ дѣлъ, которыя я видѣлъ, нѣтъ дѣлъ сверхъ описи. Но для того чтобы въ этомъ убѣдиться потребовалось бы очень много времени для разборки, что я сдѣлать не могъ.

Въ *Шайтанскомъ* заводѣ, расположенномъ на р. Чусовой въ восьмидесяти-верстномъ разстояніи отъ Ревды—истока Чусовой, мнѣ посчастливилось найти таблицу съ показаніемъ вскрытія рѣки и отвала каравановъ непрерывно за время съ 1780 г. по 1904 г. включительно, т. е. ровно за 125 лѣтъ *).

Прилагая при семъ означенную таблицу въ копіи**), имѣю честь предложить вниманію г.г. членовъ Архивной Коммиссіи составленныя на основаніи заключающагося въ ней матеріала двѣ діаграммы. Первая, чернильная кривая, указываетъ на время вскрытія р. Чусовой, обозначая собою мѣсяцъ и число, когда Чусовая освобождалась отъ льда на протяженіи 125 лѣтъ, а вторая—красная показываетъ при какой толщинѣ воднаго пласта совершалось вскрытіе или, что то же, при какой высотѣ горизонта водъ.

Изъ первой діаграммы, разсматривая ее по двадцатипятилѣтіямъ, находимъ:

1) Вскрытіе происходило въ первомъ двадцатипятилѣтіи между 24 марта и 30 апрѣля, во второмъ—между 29 марта и 29 апрѣля, въ третьемъ—между 5 апрѣля и 21 апрѣля, въ четвертомъ—между 29 марта и 26 апрѣля и въ пятомъ—между 25 марта и 25 апрѣля. Отсюда амплитуда колебанія во времени равна: въ 1-мъ случаѣ—37 днямъ, во 2-мъ—31, въ 3-мъ—18. въ 4-мъ—28 и въ 5-мъ—31 суткамъ.

2) Ось діаграммы проходитъ въ 1 случаѣ черезъ 15 апрѣля, во 2—черезъ 13 апрѣля, въ 3—черезъ 13 апрѣля, въ 4—черезъ 13 апрѣля и въ 5—черезъ 16 апрѣля.

3) Большее число вскрытій приходится на 16 апрѣля.

Изъ второй діаграммы усматривается:

1) Толщина воднаго пласта была равна:

въ 1	двадцатипятилѣтіи	977 1/2 верш.
» 2	»	1060 1/2 »
» 3	»	742 »
» 4	»	704 1/2 »
» 5	»	660 »

*) Когда я писалъ эти строки, то не зналъ еще, что таблица эта въ большей своей части уже использована А. А. Мирославскимъ, опубликовавшимъ ее въ Запискахъ Уральскаго Общества за 1880 г. Стало быть новыми являются данныя, относящіяся къ послѣдней четверти вѣка.

**) Предположено эту «табель» напечатать въ слѣдующемъ томѣ «Трудовъ» К—сіи.

2) Средняя толщина пласта была:

въ 1-мъ случаѣ	39,10	верш.
» 2-мъ »	42,42	»
» 3-мъ »	29,68	»
» 4-мъ »	28,18	»
» 5-мъ »	26,40	»

Ариѳметическое среднее за все время 33,157.

3) Предѣльныя величины глубины воды при вскрытіи рѣки были:

въ 1 двадцатипятилѣтіи—	минимальная	13	верш.
	максимальная	69	»
» 2 »	минимальная	20	»
	максимальная	78	»
» 3 »	минимальная	17	»
	максимальная	44	»
» 4 »	минимальная	11	»
	максимальная	58	»
» 5 »	минимальная	9	»
	максимальная	48	»

Первой діаграммой устанавливается тотъ фактъ, что ось ея проходитъ вблизи 15 апрѣля на всемъ протяженіи пяти періодовъ, а въ итогѣ эта ось имѣетъ мѣсто между 13 и 14 апрѣля. Если отдѣлить единичныя феноменальныя явленія весьма ранняго и весьма поздняго вскрытія водъ и взять періодъ между 4 и 22 апрѣля, то отъ этого сокращенія ось перемѣщается такъ незначительно, что обстоятельствомъ этимъ можно бы пренебречь. Такъ что въ періодъ, къ которому относится наблюденіе, вскрытіе рѣки Чусовой остается устойчивымъ въ предѣлахъ между 4 и 22 апрѣля съ повышеніемъ числа вскрытій для 16 апрѣля, каковыхъ въ теченіи 125 лѣтъ было 9, т. е. наибольшее число.

Изъ второй діаграммы усматривается фактъ пониженія водной толщи въ моментъ вскрытія рѣки. А это указываетъ и на уменьшеніе массы водъ, т. е. обмелѣніе рѣки. Такъ какъ въ опредѣленіе массы водъ кромѣ высоты столба при данномъ вмѣстилищѣ и скорости входитъ еще факторъ—время, или періодъ продолжавшагося полноводія, каковаго наблюденіями не отмѣчено, то о массѣ воды, въ строгомъ смыслѣ слова, сказать что либо опредѣленнаго нельзя.

Однако же постепеное пониженіе уровня воды при вскрытіи, установленное такимъ продолжительнымъ наблюденіемъ, съ какимъ мы имѣемъ дѣло, является весьма важнымъ аргументомъ въ пользу давно уже составившагося мнѣнія объ обмелѣніи рѣкъ въ Россіи вообще и на Уралѣ въ частности.

Считаю нужнымъ обратить вниманіе на минимальный уровень водъ при вскрытіи. Въ послѣднемъ двадцатипятилѣтіи Чусовая вскрылась разъ, а именно 22 апрѣля 1898 года, при уровнѣ въ 9 вершковъ. Черезъ 5 дней воды прибыло до 1 арш. 13 верш., какъ видно изъ таблицы. Это обстоятельство указываетъ на то, что отчаявшись въ естественной прибыли воды, такъ какъ время полноводья миновало (22 – 27 апрѣля), уральскіе заводы, въ томъ числѣ Ревдинскій, спустили пруды и тѣмъ самымъ вскрыли рѣку искусственно. Такого минимума раньше не наблюдалось.

Нынѣ въ 1904 году Чусовая вскрылась 12 апрѣля при уровнѣ въ 17 вершковъ. Держалась она на этомъ горизонтѣ такъ недолго, что всѣ караваны, въ верховьяхъ начиная съ уткинскаго, остались не отправленными, не смотря на выпускъ всѣхъ водныхъ запасовъ. Этотъ случай является единственнымъ за всѣ 125 лѣтъ.

Л. Е. Воеводинъ.

12 октября 1904 г.

Страничка изъ быта крестьянъ подмонастырскихъ.

(Дѣло № 98 «Историч. архива»—о переводѣ Пыскорскаго монастыря въ Пермь).

15 іюня 1787 года пермскаго ставропигіальнаго монастыря служители Данило Пелынцевъ съ товарищи (4 челов.) подали въ пермскую казенную палату доношеніе: назадъ тому годовъ съ 30, до состоянія на монастыри штатовъ, взяты они изъ крестьянъ Пыскорской вотчины въ монастырь, гдѣ и понынѣ находятся безпорочно, а будучи тутъ прижили достаточное семейство, кое до послѣдующаго въ прошедшихъ да и въ минувшемъ 1786 годахъ хлѣбнаго недорода по надлежащему и воспитывали; а какъ уже послѣдовалъ оный хлѣбный недородъ, и нынѣ состоитъ чрезмѣрно высокая оному цѣна, то изъ мало положеннаго имъ штатнаго жалованья, (коего имъ производится на пропитаніе, одежду, обувь и на все содержаніе по 13 рублей въ годъ)—не только онаго семейства содержать, но и себя единственнымъ пропитаніемъ довольствовать уже не можно, и отъ того пришли въ крайнее раззореніе и бѣдность и онаго своего семейства лишеніе. А какъ они находятся съ 30-ть лѣтъ, и о увольненіи за старостію ихъ хотя онаго монастыря настоятеля о. Іакинѳа неоднократно просили, но токмо онъ безъ повелѣнія казенной палаты къ перемѣнѣ ихъ приступить не можетъ,—почему и остаются безъ удовольствія. Да и Пыскорская вотчина, изъ коей они взяты въ услуги, несетъ противъ прочихъ Экономическихъ вотчинъ излишнее отягощеніе, ибо въ состоящихъ по близости монастыря Обвинской, Шерьинской, Оханской вотчинахъ крестьянъ имѣется не малое количество, но оныя, съ состоянія на монастыри штатовъ, въ таковые служители ни одного человѣка не давали, чрезъ что имѣютъ облегченіе. Потому они просятъ: за долговременную ихъ въ служителяхъ бытность, и за мало положеннымъ (т. е. окладомъ ихъ содержанія), а паче—за старостію, изъ услугъ уволить и перемѣнить другими изъ вышеписанныхъ вотчинъ, или—для воспитанія малолѣтнаго ихъ семейства, къ положенному жалованью учинить прибавку. Прошеніе подкрѣплено выпиской изъ законовъ о монастырскихъ крестьянахъ.

Настоятель пыскорскаго, только что переименованнаго въ пермскій, монастыря архим. Іакинѳъ, находившійся въ постоянной дѣловой перепискѣ съ пермскимъ и тобольскимъ генералъ-губернаторомъ Евгеньемъ Петровичемъ Кашкинымъ (ихъ связывало одно общее дѣло—перенесеніе зданій бывшаго пыскорскаго на Лысьвѣ монастыря въ новооткрытый городъ Пермь, порученное государыней Екатериною II Іакинѳу подъ руководствомъ вятскаго архіерея и, главнымъ образомъ, Кашкина, какъ жившаго въ Перми мѣстнаго генералъ-губернатора), живя въ то время въ Соликамскѣ, въ тамошнемъ монастырѣ, куда переведена была и пыскорская братія,—въ письмѣ къ Кашкину 15 іюля того года, между прочимъ умоляетъ Кашкина и по предмету этого дѣла. Жалуется онъ, что кромѣ трудностей порученнаго ему для исполненія дѣла, и домашнія обстоятельства его безпокоятъ. «Служки монастырскіе, принятые въ силу штатовъ и указовъ ея величества, способные и здоровые, и должность свою нести весьма могущіе, *къ разнымъ мастерствамъ монастырскимъ коштомъ обученные, хотятъ съ тѣмъ сокровищемъ, туне полученнымъ, имѣть свободу!*» О нихъ онъ уже писалъ и въ казенную палату и въ намѣстническое правленіе. Ссылаясь на указъ синода 13 декабря 1775 г., по которому «сколько бы монастырскіе служители семейны ни были, но за семействомъ отцы какъ отъ архирейскихъ домовъ, такъ и отъ монастырей, на перемѣну несемейныхъ не отлучаются, а велѣно: если изъ дѣтей ихъ имѣющіе 15 и больше лѣтъ въ штатное положеніе на мѣсто убылыхъ не входятъ, то причислить ихъ къ Экономическимъ волостямъ, гдѣ кто по ревизіи въ подушный окладъ записанъ.» И онъ всепокорнѣйше проситъ: «хотя тѣмъ благоволите успокоить меня, чтобы пресѣчь оныхъ служителей о отбытіи ихъ отъ монастыря волю, и которые находятся какъ стряпчіе отъ всѣхъ (и паче изъ нихъ Данило Пелынцевъ) въ Перми, возвратить,—и тѣмъ здѣсь состоящихъ вольную мысль удержать, чѣмъ могли бы они въ надлежащемъ быть послушаніи; а безъ такого удержанія, какъ приобыкшихъ ко всякимъ монастырскимъ дѣламъ и послушаніямъ, все можетъ придти въ остановку. Могутъ ли новые вскорѣ,—да и черезъ кого?—разнымъ мастерствамъ обучаемы быть? Да и какой начальникъ ревностно будетъ настоять, когда они обучась (да и *не малымъ коштомъ*), по своей волѣ будутъ отходить?»

Вице-губернаторъ Ив. Мих. Борноволоковъ, какъ предсѣдатель казенной палаты, вѣроятно въ отвѣтъ на Іакинѳову слезницу, 16 іюля 1787 г. писалъ Іакинѳу о просьбѣ Пелынцева для Іакинѳа «огорчительной». Онъ сообщаетъ архимандриту, что Пелынцевъ при подачѣ просьбы слезно просилъ, чтобы отъ услугъ

монастырскихъ уволить; что онъ де 30 лѣтъ отправлялъ оныя безспорно, нынѣ же по старости лѣтъ сносить употребляемыхъ работъ нѣтъ его возможности; въ случаѣ же, если сей съ нимъ милости показано не будетъ, то съ охотою желаетъ идти на поселеніе (т. е. въ ссылку), нежели быть при монастырскихъ несвойственныхъ годамъ его услугахъ.... Указывая дальше, что по «штату о монастыряхъ» убылое въ служителяхъ число велѣно наполнять изъ *крестьянъ безсемейныхъ,* онъ предлагаетъ: «неугодно ли на мѣста ихъ выбрать другихъ, «безсемейныхъ», и исполнить пророченіе Спасителево о наложеніи «на рамена осляти по мѣрѣ силъ».

Самъ Кашкинъ отвѣчалъ Іакинѳу 4 августа того года. «Касательно просящихся къ увольненію отъ монастырскихъ услугъ крестьянъ, то по всегдашнему уваженію моему къ вамъ долгомъ себѣ поставляю во всякомъ случаѣ исполнять угодное вамъ, что только съ государственными узаконеніями сообразно.... но въ разсужденіи Пелынцева съ товарищи никакъ не могу принимать соучастія, ибо они неоспоримое имѣютъ право требовать себѣ увольненія». Совѣтуетъ замѣнить ихъ другими, или—прибавить имъ жалованья. «Неоспоримо, что такихъ людей, обученныхъ разнымъ мастерствамъ, лишиться обители непріятно, но когда пріобрѣтенныя ими знанія остаются безполезными по старости ихъ лѣтъ, по которой они никакой работы или услуги сносить уже не могутъ, то весьма лучше бы доставить имъ удовлетвореніе».

Насколько правильно было утвержденіе крестьянъ, что они уже отслужили монастырю свои 30 лѣтъ, не знаемъ; только Іакинѳъ 10 августа того года въ письмѣ къ Кашкину, въ оправданіе свое, пишетъ: «въ просьбѣ слугъ монастырскихъ такіе включились, которые будто бы продолжаютъ службу при монастырѣ 30-лѣтнюю, но имъ и отъ роду почти 30 лѣтъ, а въ слугахъ не съ большимъ 10 лѣтъ, да и другіе взяты до отобранія вотчинъ въ 1764 году, чему 24 года, кромѣ Смирнова, который хотя при монастырѣ и прежде прочихъ находился и числился въ ряду со служителями, но самымъ дѣломъ, при строеніи архимандритомъ Іустомъ монастыря, былъ каменнаго дѣла подрядчикомъ, бралъ не по одному сту рублевъ денегъ, какъ по дѣламъ значится. Вы изволите предписывать, егда де они для обители нужны, то прибавить имъ жалованья по толику, чтобы они съ ихъ семействами безбѣдно пропитываться могли. Каковому милостивому благоволенію я согласенъ, если они съ будущаго года на нѣкоторое время, хотя для обученія младшихъ, и еще оставить будутъ потребны, сдѣлаю прибавку съ удовольствіемъ,

чѣмъ и на нынѣшнюю половину года не оставлю, какъ я о семъ и о прочемъ донесъ вицегубернатору Ив. Мих. Борноволокову. Вѣрьте, ваше высокопревосходительство, что помянутые служители не только мнѣ по нынѣшнему монастырю (т. е. по зданіямъ Соликамскаго монастыря, гдѣ тогда временно помѣщалась и братія Пыскорская), но и до разбирающагося (т. е. при разборкѣ зданій Пыскорскаго на Лысьвѣ монастыря, для отправки его строительныхъ метеріаловъ въ Пермь для постройки монастыря тамъ) потребны, коихъ я, раздѣляя по частямъ, поставляю, чтобы между посторонними не малымъ числомъ работники наблюдали при разборкѣ цѣлость кирпича, и наставляли—какъ сохранно его разбирать. Попортится ли какая желѣзная при разбиркѣ снасть, они починятъ; текучія ли для сплаву до Дедюхинскихъ промысловъ окажутся суда (кирпичъ разбираемыхъ зданій сплавлялся по Камѣ на судахъ), онѣ же удѣлываютъ и переконопачиваютъ».

Какъ, однако-же, окончательно вырѣшился вопросъ объ увольненіи этихъ крестьянъ отъ монастырской службы, въ дѣлѣ нѣтъ данныхъ для сужденія о томъ; переписка сохранилась въ ряду бумагъ другой болѣе важной—о ходѣ работъ по перемѣщенію монастырскихъ зданій съ Лысьвы въ Пермь. («Дѣло быв. пермск. намѣстнич. правл. № 114, листы 177, 180, 183 и 148).

М. И. Капустинъ.

1902 г., май.

Формуляръ писателя Ф. М. Рѣшетникова.

(Дѣло № 4072 «Историческаго Архива» Пермской Губ. Учен. Архивной Коммиссіи).

№ 4072-й. Два дѣла Пермской Казенной Палаты о просьбахъ канцелярскаго служителя 3-го разряда Ѳеодора Михайловича Рѣшетникова: 1) о перемѣщеніи его на службу изъ Екатеринбургскаго уѣзднаго суда въ штатъ Пермской Казенной Палаты и 2) о перемѣщеніи его же (Рѣшетникова) въ число канцелярскихъ служителей Департамента Внѣшней торговли. Первое дѣло относится къ 1861 году (началось 25 мая; окончилось 26 іюня); второе—къ 1863 г. (началось 16 іюля; окончилось 5 октября). Оба дѣла изложены на 21-мъ листѣ. Среди бумагъ разнаго рода канцелярской переписки Казенной Пермской Палаты съ Екатеринбургскимъ уѣзднымъ Судомъ и Департаментомъ Внѣшней Торговли въ этихъ дѣлахъ сохранились: 1) прошенія Ѳеодора Михайловича Рѣшетникова, написанныя его рукой, о помѣщеніи его на службу въ Пермскую Казенную Палату и въ Департаментъ Внѣшней Торговли; 2) формулярный списокъ о службѣ Ѳ. М. Рѣшетникова въ Екатеринбургскомъ уѣздномъ судѣ и 3) паспортъ, данный Рѣшетникову для слѣдованія въ Петербургъ. Изъ этихъ документовъ видно, что Ѳ. М. Рѣшетниковъ происходилъ изъ «почталіонскихъ дѣтей». По окончаніи полнаго курса наукъ въ Пермскомъ уѣздномъ училищѣ, 5 октября 1859 года поступилъ на службу въ штатъ Екатеринбургскаго уѣзднаго суда съ званіемъ канцелярскаго служителя 3-го разряда. Въ 1860 году 11 іюня, по постановленію суда опре-

дѣленъ къ исправленію должности столоначальника горнозаводскаго стола. Въ 1861 году 19 іюня Ѳ. М Рѣшетниковъ перешелъ на службу въ Пермскую Казенную Палату. По истеченіи 2-хъ лѣтъ Ѳ. М. Рѣшетниковъ оставилъ службу въ Перми и перешолъ въ 1863 г. 3-го августа въ Петербургъ въ Департаментъ Внѣшней Торговли.

А. А. Дроздовъ.

Число тептерей и бобылей по 8 и 9 ревизіи въ Пермской губ.

(Дѣло № 4111 «Историч. Архива» Коммиссіи).

Дѣло Пермской Казенной Палаты № 478 по сообщенію Оренбургской Казенной Палаты о доставленіи свѣдѣнія о числѣ душъ тептерей и бобылей, по 9 народной переписи, находящихся въ Пермской губерніи. Началось 17 сентября 1850 года. Рѣшено 30 января 1851 года. Въ дѣлѣ 5 листовъ. Изъ Оренбургской Казенной Палаты прислано отношеніе въ Пермскую Казенную Палату съ просьбой доставить немедленно по окончаніи 9-й народной переписи свѣдѣнія о количествѣ душъ тептерей и бобылей, обитающихъ въ Пермской губерніи, въ виду желанія мѣстнаго Оренбургскаго губернатора имѣть точную справку объ измѣненіи числа душъ тептерей и бобылей, обитающихъ въ Оренбургской, Пермской и Вятской губерніяхъ. Та же просьба Пермской Палатѣ три раза повторена изъ Канцеляріи губернатора отношеніями отъ 22 сентября, 20 декабря 1850 года и 10 января 1851 г. Изъ Пермской Казенной Палаты въ отвѣтъ на эти отношенія доставлена вѣдомость о числѣ душъ тептерей и бобылей, обитающихъ въ Пермской губерніи, удостовѣряющая, что ихъ въ уѣздахъ Пермской губерніи мужескаго пола находится:

въ Осинскомъ 442 по VIII ревизіи, 577 по IX ревизіи.
» Красноуфимскомъ 2855 » » 4150 » »

В. Я. Струминскій.

Къ исторіи Ирбитской ярмарки.

Нѣкоторое понятіе объ оборотахъ Ирбитской ярмарки въ началѣ XVIII в. могутъ дать цифры таможенныхъ пошлинъ, собранныхъ въ 1701 г. на ярмаркѣ Верхотурскимъ таможеннымъ головою Василіемъ Шишеловымъ. Послѣдній сообщилъ въ Сибирскій приказъ, что 3 генваря онъ выѣхалъ на ярмарку съ 2 цѣловальниками и съ 30 стрѣльцами «для разсылки и обережи государевой казны». Сколько именно продолжалась ярмарка—Шишеловъ не говоритъ, а только сообщаетъ слѣдующія цифры таможенныхъ сборовъ за все время ярмарки: собрано въ казну «таможенныхъ пошлинныхъ денегъ и мелкого столового сбору 3029 рублевъ 16 алтынъ полтретьи деньги», «кабацкаго сбору» 95 руб. 11 алтынъ 1½ деньги, «медовой продажи» 5 р. 13 алтынъ 2 деньги, «мелкого сбору, что сбирали цѣловальники въ ящики въ торгу» 93 р. 2 алтына 4 деньги, «полавочныхъ денегъ» 80 р. съ полтиною, сборъ «съ шалашей» 8 руб. 12 алт. 2 деньги, «съ санеи» 5 руб. 31 алтынъ. Всего, за расходомъ 29 алтынъ на таможенныя нужды, собрано въ казну разныхъ таможенныхъ доходовъ 3317 руб. 8 алтынъ.

За этотъ значительный сборъ (на нашъ современный счетъ—minimum около 30 тысячъ рублей) голова Вас. Шишеловъ получилъ «ковшъ серебряной». («Чтенія въ Импер. Об—вѣ исторіи и древн Россійскихъ при Москов. унив.» – 1904 г. кн. I—стр. 6).

Сообщилъ В. С. Малченко.

Сравнительный указатель дѣлъ „Историческаго Архива".

(По печатн. указателю въ т. I «Трудовъ» и по инвентарной книгѣ.)

Въ I выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи» на стр. 95—162 помѣщенъ указатель дѣламъ Пермскаго Губернскаго Архива, *предназначеннымъ* для вѣчнаго храненія въ Историческомъ Архивѣ. Какъ именно составлялся этотъ указатель, сказать не легко: въ немъ не видно ни хронологической, ни предметной системы. Дѣла сдавались въ Историческій Архивъ по особой передаточной описи, совершенно не въ томъ порядкѣ, какъ значатся они въ напечатанномъ указателѣ. Примѣнительно къ передаточной описи составлена имѣющаяся въ Коммиссіи опись дѣлъ дѣйствительно имѣющихся въ Историческомъ Архивѣ. Не совпадая съ печатнымъ указателемъ въ нумераціи дѣлъ, опись не совпадаетъ съ нимъ и по ихъ количеству. Дѣла, *предназначавшіяся* къ передачѣ, въ дѣйствительности *не всѣ* были *переданы* Коммиссіи. Отсюда и оказывается нерѣдко, что требованіе дѣла по печатному указателю не можетъ быть удовлетворено за неимѣніемъ дѣла въ Архивѣ Коммиссіи. Въ видахъ облегченія пріисканія нужнаго для справки или изученія дѣла здѣсь и предлагается сопоставленіе *№№* дѣлъ печатнаго указателя съ *№№*-ми описи дѣлъ, хранящихся въ Историческомъ Архивѣ. *№№* печатнаго указателя, не находящіеся въ печатаемой таблицѣ (напр. 3, 5, 6, 7, 8, 14 и т. д.), въ Архивъ Коммиссіи не поступали.

Значительная доля труда по составленію печатаемаго здѣсь своднаго справочнаго указателя принадлежитъ бывшему хранителю Историческаго Архива Михаилу Яковлевичу Попову.

№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.
1	185—216	10	90	15	93	19	87
2	222	11	91	16	94	21	96
4	161	12	89			23	100
9	88	13	223	17	95	24	97

№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.
25	98	81	248	124	271	166	451
26	99	82	154	125	1025	167	452
27	103	84	1002	126	1026	168	296
28	102	85	1234	127	246	170	462
29	107	86	029	128	247	171	461
32	105	87	254	129	269	172	459
33	116	88	255	130	283	174	314
34	106	89	232	131	285	175	315
42	134	91	998	132	284	176	317
43	136	94	236	134	915	177	318
44	137	95	999	135	911	178	449
45	277	96	1000	136	913	179	312
48	132	97	1001	137	263	180	457
49	127	99	182	139	260	181	458
50	128	100	183	140	261	182	311
51	129	102	184	141	262	183	319
52	131	103	228	142	256	185	316
53	119	104	224	143	257	186	313
54	120	105	229	144	258	188	450
55	121	106	230	145	259	189	326
57	123	107	227	147	272	190	325
58	124	108	225	148	274	192	324
59	125	109	226	149	275	193	322
66	219	111	997	152	241	194	321
67	220	112	243	153	242	195	327
68	221	113	244	155	278	196	437
69	238	114	245	157	280	197	438
70	233	115	252	158	281	198	439
71	237	116	251	159	1023 и 1024	199	441 и 442
72	1027	117	268	160	1021	200	445
74	164	119	264	161	1020	201	443
76	162	120	145	162	1018	202	444
77	253	121	265	163	1019	203	440
79	250	122	266	164	282	204	446
80	249	123	267			205	447
						206	448
						207	453
						208	455

№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ пв печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.
209	424	250	307	300	358	343	379
210	430	251	426	302	359	344	380
211	298	252	429	303	391	345	381
212	301	255	417	304	377	346	382
213	300	256	419	306	376	347	534
214	299	257	420	307	375	348	536
216	456	258	297	308	398	349	535
217	433	259	309	309	374	350	537
218	323	261	310	310	404	351	538
219	432	262	421	311	373	352	533
221	431	263	340	312	405	354	530
222	329	265	414	313	372	356	423
223	330	266	415	314	389	357	526
224	331	268	308	315	388	359	468
225	328	269	425	317	392	361	474
227	334	270	349	318	393	363	531
228	460	271	350	319	366	364	532
229	290	272	343	320	371	365	486
230	291	274	361	321	397	366	487
231	289	276	342	322	400	367	488
232	292	277	346	323	396	368	489
233	434	278	345	324	383	369	422
234	288	279	348	325	365	372	527
235	435	280	360	326	370	373	528
236	332	282	413	327	385	374	529
237	333	283	408	328	386	375	476
238	436	284	411	329	390	576	394
239	335	285	395	330	399	377	479
240	286	287	416	331	401	378	477
241	428	288	354	333	369	380	478
242	427	289	355	334	402	381	492
243	454	291	387	335	363	382	493
244	293	294	409	336	364	384	490
245	302	295	287	337	403	385	491
246	303	296	353	338	406	386	550
247	305	297	410	339	407	387	549
248	304	298	357	340	362	388	545
249	306	299	356	341	367	389	546

№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.
390	547	431	240	474	30	517	175
391	548	434	279	476	31	518	165
393	541	435	111	477	32	519	146
394	542	436	108	478	33	520	144
395	543	437	109	479	34	521	143
396	544	438	110	480	35	522	142
397	484	440	113	481	36	523	141
398	494	441	112	482	37	524	139
399	495	442	85	483	38	525	140
400	497	443	83	484	39	527	166
401	498	444	84	485	40	528	169
402	469	445	82	486	41	529	170
403	464	446	81	487	44	530	171
405	482	447	79	488	43	531	172
406	483	448	80	489	42	533	167
407	504	449	78	490	45	534	168
408	505	450	76	491	46	535	159
409	506	451	77	492	47	536	150
410	507	452	75	494	49	537	151
411	509	453	61	495	60	540	160
412	508	454	62	496	59	542	155
413	510	455	63	497	117	543	156
414	511	456	64	498	118	544	157
415	512	457	65	499	55	545	158
416	513	458	66	500	57	546	148
417	496	459	67	501	58	547	149
418	500	460	69	502	54	571	662
419	501	461	68	503	53	572	663
420	503	463	70	504	56	573	664
422	514	464	71	505	50	574	692
423	515	465	72	507	52	575	691
424	516	466	73	512	178	576	690
425	517	467	74	514	179	577	689
426	518	468	23	515	176	578	688
427	519	469	24	516	177	579	687
428	520	470	25			580	685
429	384	472	27			581	652
430	239					582	653

№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.
583	654	621	707	674	748	724	793
584	666	622	674	675	755	725	795
585	655	623	673	680	752	726	796
586	656	624	672	681		727	802
587	658	625	671	682	760	728	804
588	657	626	670	683	770	729	799
589	667	627	669	684	769	730	797
590	659	628	668	685	771	731	805
591	660	629	665	686	828	732	798
592	661	630	679	687	829	733	801
593	650	631	680	688	827	734	800
594	645	632	678	689	768	736	806
595	646	633	677	690	766	737	807
596	647	634	676	691	765	738	830
597	648	635	675	692	758	739	808
598	649	636	681	694	763	740	810
599	651	637	951	695	764	741	845
600	686	638	952	697	757	742	846
601	684	639	1035	703	774	743	851
602	683	640	1036	704	775	744	850
603	682	641	1037	705	776	745	852
604	708	644	1038	706	778	746	853
605	709	649	1033	707	779	747	847
606	710	652	1034	708	777	748	848
607	697	654	953	709	780	749	849
608	696	655	954	710	781	750	814
609	695	656	955	711	782	751	813
610	694	657	956	712	783	752	812
611	693	662	753	713	784	753	811
612	698	663	754	715	785	754	815
613	699	664	740	716	786	755	816
614	700	665	741	717	788	758	817
615	701	666	742	718	787	759	818
616	702	667	744	719	790	760	819
617	703	668	743	720	791	762	820
718	704	669	745	721	789	763	822
619	705	670	747	722	794	764	823
620	706	671	746	723	792	765	825

№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.
766	826	806	586	849	606	888	924
767	824	807	994	850	607	889	923
768	835	808	995	851	592	890	922
769	834	809	996	852	594	891	936
770	832	810	577	853	595	892	935
771	833	811	636	854	593	893	931
772	831	812	637	855	601	894	929
773	836	813	639	856	603	895	916
774	837	814	638	857	602	896	930
775	838	815	560	858	596	897	927
776	840	816	559	859	597	898	928
777	839	817	558	860	598	899	937
778	841	818	567	861	599	900	917
779	842	819	568	862	600	901	918
780	844	824	576	863	584	902	919
781	843	825	575	864	585	903	620
782	591	826	574	865	583	904	938
783	590	827	573	866	579	905	940
784	589	828	572	867	581	906	941
786	587	830	564	868	580	907	939
787	588	831	563	869	582	908	990
788	625	832	562	870	612	909	991
790	619	833	561	871	617	910	992
791	622	834	578	872	616	911	993
792	623	835	569	874	614	912	989
793	624	836	570	875	613	913	958
794	626	837	571	876	611	914	959
795	620	838	553	877	643	915	961
796	621	839	554	878	641	916	963
797	627	840	555	879	642	917	962
798	628	841	556	880	644	918	964
799	629	842	557	881	640	919	965
800	630	843	565	882	926	920	966
801	618	844	551	883	925	921	967
803	632	845	552	884	934	922	957
804	633	846	608	885	933	923	975
805	635	847	604	886	932	924	976
		848	605	887	943	925	977

№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю	№№ дѣлъ по инвентарю.	№№ дѣлъ по печатному указателю.	№№ дѣлъ по инвентарю.
926	978	961	1014	990	869	1020	900
927	979	962	904	991	870	1024	901
928	980	963	902	992	873	1074	735
929	981	964	906	993	874	1075	736
930	982	965	905	994	875	1076	734
931	968	968	909	995	876	1078	725
932	969	969	907	996	878	1079	733
933	970	970	903	997	979	1080	726
934	971	971	908	998	880	1081	732
935	973	972	854	1001	882	1082	731
936	974	973	855	1002	883	1083	730
937	972	974	856	1003	886	1084	729
938	946	975	857	1004	887	1085	728
939	947	976	859	1005	884	1086	737
940	949	977	858	1006	885	1087	724
941	948	978	862	1007	888	1088	727
942	950	979	863	1008	889	1089	722
948	1008	980	860	1009	890	1090	721
952	1010	981	861	1010	891	1091	719
953	1007	982	864	1011	893	1092	720
954	1006	983	865	1012	892	1093	717
955	1009	984	867	1013	895	1095	711
956	1011	985	866	1015	894	1096	716
957	1005	986	872	1016	896	1098	713
958	1013	987	871	1017	897	1099	714
959	1012	988	877	1018	898	1100	715
960	1003	989	868	1019	899		

Н. Н. Новиковъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ГУБЕРНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОММИССІЙ.

«Въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ за послѣднее время поступилъ отъ разныхъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій рядъ ходатайствъ и проектовъ, требующихъ утвержденія Министерства. Въ виду того, что большинство изъ нихъ имѣетъ очень важное значеніе въ принципіальномъ рѣшеніи вопроса объ организаціи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій вообще, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомило Коммиссіи, что было-бы желательно, повременить съ проведеніемъ въ жизнь различныхъ новыхъ проектовъ и нововведеній отдѣльныхъ Коммиссій, разсмотрѣвъ всѣ возбужденныя ходатайства въ связи съ общимъ вопросомъ объ организаціи всѣхъ Коммиссій, въ цѣляхъ наилучшаго осуществленія предположенной архивной реформы въ Россіи». Это извѣстіе сообщила «Юридическая Газета» (12 сент. 1904 г., № 62). Нельзя не порадоваться, что такимъ образомъ лишній разъ подтверждается необходимость единства, единенія и солидарности между всѣми Губернскими Учеными Архивными Коммиссіями, изъ которыхъ нѣкоторыя продолжаютъ еще считать себя мѣстными лишь учеными обществами, забывая что это не исключаетъ ихъ связи со всею русскою семьею Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, въ общей цѣпи которыхъ каждая Коммиссія составляетъ и должна составлять отдѣльное звено. *Ред.*

Владимирская Губернская Ученая Архивная Коммиссія. Опубликовано о Высочайшемъ соизволеніи 4 мая 1904 года на принятіе Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ званія почетнаго члена Владимирской К-сіи. (Правит. Вѣстн. 1904—№ 105).

— Въ засѣданіи К-сіи 12 октября 1904 года поднятъ былъ вопросъ о разработкѣ архивныхъ матеріаловъ съ цѣлью научнаго пользованія ими для рефератовъ на предстоящемъ во Владимирѣ въ іюнѣ 1905 г. историко-археологическомъ Съѣздѣ. По предложенію предсѣдателя К-сіи преподаватель духовной семинаріи Ф. К. Сахаровъ взялъ на себя трудъ составленія указателя всѣмъ тѣмъ дѣламъ по расколу, которыя хранятся въ архивахъ г. Владимира, и, если окажется возможнымъ, особаго доклада на основаніи ихъ къ предстоящему Съѣзду *). (Извѣстія Импер. Археол. К-сіи.—Прибавленіе къ вып. 9, стр. 23).

*) Относительно подготовки во Владимирѣ 3-го «Областного историко-археологическаго Съѣзда изслѣдователей ростово-суздальской земли» приходится, къ сожалѣнію, узнавать отрывочныя свѣдѣнія изъ частныхъ источниковъ; даже въ газетахъ о немъ почти не упоминается. Отчего бы образованному Владимирскою Губ. Уч. Архивн. К-сіею учредительному комитету Съѣзда не отпечатать, опубликовать и разослать извлеченія изъ своихъ протоколовъ, справочныя свѣдѣнія объ обѣщанныхъ съѣзду докладахъ и работахъ, о намѣченныхъ вопросахъ, осмотрахъ, выставкѣ и т. д. Собирающимся на Съѣздъ знать объ этомъ заблаговременно было бы удобно и полезно, иначе нельзя подготовиться, сговориться. Въ ученыхъ занятіяхъ экспромты и сюрпризы едва ли особенно умѣстны.

Программа Съѣзда и замѣтка по поводу его — въ «Трудахъ Перм. Уч. Архивн. К-сіи, VII, 12 и 104—105. *Ред.*

Вятская Губ. Уч. Архивн. К-сія, какъ извѣстно изъ частныхъ писемъ, учреждена, и открытіе ея должно было послѣдовать въ срединѣ декабря 1904 года.

Нельзя не пожалѣть, что новый членъ семьи архивныхъ коммиссій вступаетъ въ жизнь безъ традиціоннаго оповѣщенія старшихъ собратій о своемъ появленіи въ ихъ ряду, о своихъ планахъ, надеждахъ, нуждахъ, Въ единеніи — сила, и научныя организаціи не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Екатеринославская, какъ видно изъ протоколовъ ея засѣданій, широко и глубоко ставитъ свои задачи, въ кругъ которыхъ включены наряду съ собираніемъ архивныхъ и археологическихъ матеріаловъ охраненіе всякаго рода памятниковъ старины и сверхъ того историческое изученіе края съ популяризаціей его и привлеченіемъ къ работѣ общества. Молодой К-сіи съ первыхъ же шаговъ пришлось встрѣтиться съ серьезною и сложною задачей подготовки къ Всероссійскому XIII археологическому *) Съѣзду, который будетъ въ Екатеринославлѣ съ 15 по 27 августа 1905 года. Между прочимъ она возбуждала вопросъ о неудобствѣ совпаденія двухъ историко-археологическихъ Съѣздовъ лѣтомъ 1905 года и съ этою цѣлью входила въ переписку относительно перенесенія одного изъ Съѣздовъ на 1906 годъ; однако поднятый вопросъ рѣшенъ отрицательно. (Лѣтопись Екатеринослав. Уч. Арх. К-сіи, годъ I, 1904).

Курская. Государь Императоръ 18 марта 1904 года, Высочайше соизволилъ на принятіе Курской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи и состоящаго при ней Курскаго историко-археологическаго и кустарнаго Музея, учрежденнаго въ память посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ г. Курска въ 1902 году, подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича. (Прав. Вѣсти. 1904 г., № 155).

---

*) Вотъ названія отдѣленій, на которыя раздѣляется будущій *XIII археологическій Съѣздъ въ Екатеринославѣ*: I) Древности первобытныя; II) Древности историко-географическія и этнографическія; III) Памятники искусствъ, нумизматики, сфрагистики; IV) Древности юридическія; бытъ хозяйственный, домашній и военный; V) Древности церковныя; VI) Древности языка и письма; VII) Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія; VIII) Древности славянскія; IX) Археографія и архивовѣдѣніе.

Для сопоставленія приводимъ и программу *III областного историко-археологическаго Съѣзда во Владимирѣ* (20—30 іюня 1905 г.): I) Первобытныя древности. Каменный вѣкъ. Курганная эпоха; II) Областная исторія. Древности историческія (письменныя) и географическія; III) Памятники (вещественные) церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Памятники быта. Иконопись; IV) Живая старина. Особенности языка. Обряды. Обычаи. Повѣрья. Пѣсни. Преданія. Сказки; V) Областная этнографія. Изслѣдованіе современнаго этнографическаго состава населенія области и его прошлаго; VI) Вопросы архивовѣдѣнія. Положеніе архивнаго дѣла въ губерніи. Устройство архивовъ. Порядокъ поступленія архивныхъ дѣлъ изъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ губернскіе архивы. Что необходимо сдѣлать для правильной постановки губернскихъ архивовъ; VII) Архивныя Коммиссіи и ихъ современное положеніе. Вопросы, связанные съ дѣятельностью Архивн. К-сій по охраненію мѣстныхъ древностей, по устройству музеевъ, изданію историческихъ документовъ и по археологическимъ изслѣдованіямъ края.

Курская Губернская Ученая Архивная Коммиссія, созванная въ чрезвычайное засѣданіе 1 августа, по случаю пожалованія ей Государемъ Императоромъ Своего фотографическаго портрета съ Собственноручной Его Императорскаго Величества надписью, обратилась къ Министру Императорскаго Двора съ благодарственной телеграммой, на которую 2 августа, по сообщенію «Курск. Губ. Вѣд.», послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Государь Императоръ искренно благодаритъ Курскую Губернскую Ученую Архивную Коммиссію за поздравленія и выраженныя чувства». (Правит. Вѣстникъ 1904 г., № 182).

— Курскою Ученою Архивною Коммиссіею предположено для историко-археологическаго Музея пріобрѣсти предпочтительно(?) передъ фотографіями акварельныя изображенія тѣхъ памятниковъ мѣстной старины, которые по разнымъ причинамъ не могутъ быть тронуты съ мѣста и доставлены въ Музей. Въ засѣданіи Архивной Коммиссіи 1 августа между прочимъ были доставлены три такія акварели, исполненныя художникомъ Добергомъ по заказу предсѣдателя Коммиссіи Н. Н. Гордѣева. Это изображенія: иконостаса Успенско-Николаевскаго собора въ г. Бѣлгородѣ и домика Петра Великаго въ слободѣ Борисовкѣ, послѣдній въ двухъ видахъ. (Курск. Губ. Вѣд. 1904 г., № 183).

Нижегородская. Въ іюнѣ 1904 года Коммиссія окончательно водворилась въ зданіи Городской Думы, гдѣ ей безплатно отведено удобное помѣщеніе. Здѣсь 26 іюня происходило первое ея засѣданіе.

На засѣданіе явились предсѣдатель Коммиссіи А. А. Савельевъ и 9 членовъ. Открывая засѣданіе, А. А. Савельевъ поздравилъ членовъ съ новосельемъ и предложилъ выразить благодарность городскому управленію Переходъ въ новое помѣщеніе вызвалъ расхода около 200 рублей.

Изъ числа дѣлъ было доложено о предстоящемъ 4 іюля празднованіи въ Суздалѣ 500-лѣтія со времени обрѣтенія мощей св. Евфимія Суздальскаго, уроженца Нижняго-Новгорода. На торжество, въ качествѣ представителя Архивной Коммиссіи, выразилъ желаніе отправиться Н. Н. Іорданскій. Кромѣ того будетъ послано письменное привѣтствіе. (Волгарь, 27 іюня 1904 г., № 173).

Новгородская—имѣла 28 ноября 1904 года первое со времени учрежденія засѣданіе. (Изв. Имп. Арх. К-сіи.—Приб. къ вып. 9, стр. 27).

Орловская. Въ засѣданіи Коммиссіи А. В. Бордоносомъ былъ сдѣланъ недавно весьма интересный докладъ о найденномъ имъ у одного изъ жителей города Мценска, г. Остроухова, довольно древнемъ Евангеліи, представляющемъ значительную библіографическую цѣнность въ томъ отношеніи, что въ надписи о времени его печатанія упоминается, между прочимъ, что оно напечатано въ 1713 г., «въ благополучное и побѣдоносное царствованіе Великаго Государя Петра Алексѣевича, при благороднѣйшемъ государѣ нашемъ, царевичѣ и великомъ князѣ Петрѣ Петровичѣ». Упоминаніе о царевичѣ Петрѣ Петровичѣ встрѣчается въ подобнаго рода надписяхъ весьма рѣдко, такъ какъ извѣстно, что Петръ Петровичъ умеръ въ малолѣтствѣ.

Представленное г. Бордоносомъ Евангеліе интересно еще и потому, что на первыхъ листкахъ его, на поляхъ внизу, имѣется рукописная надпись, сдѣланная, вѣроятно, прежнимъ владѣльцемъ его, и гласящая о томъ, что «по сему завѣту было чтеніе Евангелія при тѣлѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, при провозѣ тѣла его 23-го генваря 1826 года изъ Таганрога въ Петербургъ, черезъ Орловскую губернію». Въ надписи подробно говорится, что печальный кортежъ, въ ночь подъ это число, ночевалъ въ с. Пасловѣ, откуда слѣдовалъ къ гор. Мценску, при чемъ вся свита Его Величества и печальная процессія останавливалась на постоялыхъ дворахъ въ дер. Лисицѣ, гдѣ преосвященный епископъ Орловскій Гавріилъ, соборнѣ служилъ панихиду на дорогѣ, противъ нанятыхъ дворовъ Афанасія Остроухова. Послѣ панихиды, въ 10 часовъ утра, генералитетъ и вся свита были угощаемы завтракомъ, устроеннымъ на иждивеніе Орловскаго гражданскаго губернатора Петра Александровича Сонцова. Тѣло покойнаго Государя везлось въ колесницѣ, на зимнемъ ходу, подъ балдахиномъ, обитымъ парчей, съ короной, при чемъ народъ допускался къ цѣлованію гроба почившаго Монарха. Надпись эта интересна, какъ дневникъ очевидца того времени. (Правит. Вѣст. 1904 г., № 100).

— Устроенная въ 1903 году К-сіею этнографическая выставка*) съ «тургеневскимъ» уголкомъ удостоилась посѣщенія Великаго Князя Михаила Александровича, который изволилъ интересоваться между прочимъ кобзарями и лирниками. Многіе изъ экспонентовъ пожелали пожертвовать свои коллекціи въ Орловскій Губернскій Музей, для устройства въ которомъ этнографическаго отдѣла и размѣщенія пожертвованныхъ предметовъ Архивн. К-сія избрала особую подкомиссію въ составѣ г-жъ Иваненко, Саловой, Юрасовской и кн. Кекуатова. (Изв. Импер. Археол. К-сіи.—Прибавл. къ вып. 9, стр. 29, и къ вып. 10, стр. 36).

Пензенская. Послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе Пензенской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича. (Собр. узак. 1904 г., 5 авг., № 121, ст. 1290).

Петербургская (проектирована). Въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Обществѣ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ Петербургѣ Губернской Ученой Архивной Коммиссіи, по образцу существующихъ въ 23 губернскихъ городахъ. Рѣшено образовать коммиссію, въ которую и вошли: управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ген.-лейт. Глазовъ, дѣйств. ст. сов. А. Н. Андронниковъ, С. Н. Перетерскій и А. А. Мироновъ. (С.-Петерб. Вѣд. 1904 г., № 128).

Рязанская. Осенью 1904 года ею изданы обширные «Матеріалы къ исторіи Рязанскаго губернскаго земства» въ 3-хъ частяхъ, представляющіе посмертное изданіе трудовъ покойнаго предсѣдателя Коммиссіи А. Д. Повалишина. Въ оставшемся послѣ него литературномъ наслѣдствѣ для исторіи Рязанскаго губернскаго земства сохранились данныя за разные періоды времени и на всѣхъ ступеняхъ разработки. Изданы эти матеріалы съ примѣчаніями кн. Н. С. Волконскаго (членъ К-сіи и из-

*) Жаль и досадно, что Орловская К—сія не подѣлилась съ прочими коммиссіями свѣдѣніями и программою этой выставки.

вѣстный дѣятель Рязанскаго земства). На изданіе трудовъ Поваліишна Рязанское губернское земство ассигновало въ распоряженіе Рязанской Губ. Ученой Архивной К-сіи до 4000 рублей. (Русск. Вѣд. 1904 г., № 265).

Рязанская. Отъѣзжающему Рязанскому губернатору Ник. Сем. Брянчанинову, назначенному сенаторомъ, Уч. Арх. К-сія поднесла адресъ съ благодарностью за заботы его по охраненію памятниковъ древности. (Русск. Вѣд. 1904 г., № 265).

— Скончавшійся въ іюнѣ 1904 года въ Москвѣ А. П. Балрушинъ завѣщалъ между прочимъ 5000 руб. въ пользу Рязанской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. (Русск. Вѣд. 1904 г., № 205).

Саратовская. Члену ея В. П. Соколову, удалось обнаружить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внутреннихъ стѣнъ собора, при отбиваніи штукатурки, по случаю ремонта, древнія живописныя украшенія въ видѣ орнамента. Эти украшенія будутъ сфотографированы. Другое, болѣе важное открытіе, сдѣланное В. П. Соколовымъ, это синодикъ, книга съ именами умершихъ для ихъ поминовенія за церковными службами. Книга эта — интереснѣйшій памятникъ XVII вѣка. Она украшена разными виньетками и заставками. А по именамъ умершихъ, написанныхъ въ книгѣ, можно возстановить родословныя многихъ Саратовскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ и проч. В. П. Соколовъ, ознакомившись съ изданнымъ Черниговской Архивной Коммиссіей синодикомъ Любецкаго Антоніевскаго монастыря, высказался, что синодикъ Саратовскаго стараго собора и древнѣе и гораздо болѣе интересенъ по своеобразности вступительнаго текста, стиховъ и украшеній. (С.-Пет. Вѣд. 1904 г., № 136).

— Предсѣдатель К-сіи гр. Д. А. Олсуфьевъ обратился въ ученыя и общественныя учрежденія Саратовской губ. съ письмомъ о содѣйствіи и субсидіяхъ; въ письмѣ изложено, что Архивная К-сія намѣрена устроить спеціальный Музей съ отдѣлами археографическимъ, историко-археологическимъ и этнографическимъ. (Изв. Имп. Археол. К-сіи.—Прибавл. къ вып. 9, стр. 29).

Тверская, организовавшая въ 1903 году второй областной историко-археологическій Съѣздъ, послужившій прекрасною ареною общенія представителей Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ К-сій, сдѣлала въ 1904 году знаменательный починъ и успѣшный опытъ популяризаціи тѣхъ знаній, которыя необходимы для осуществленія задачъ Коммиссій. По почину и при матеріальной поддержкѣ архіепископа Тверского Дмитрія Тверская Губернская Ученая Архивная Коммиссія организовала историко-археологическіе курсы, которые благодаря энергіи и такту предсѣдателя Коммиссіи И. А. Иванова были осуществлены безпрепятственно и очень удачно. Приглашеніе прибыть на курсы было адресовано къ членамъ всѣхъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, а изъ посторонннихъ допускались тѣ изъ желающихъ, которые имѣли рекомендаціи или были извѣстны устроителямъ. Стеклось на курсы болѣе тысячи слушателей и въ томъ числѣ около сотни представителей духовенства Тверской епархіи. Въ нѣсколькихъ словахъ невозможно передать содержаніе курсовъ. Ниже помѣщается краткій отчетъ одной изъ слушательницъ, прибывшей изъ Перми по рекомендаціи предсѣдателя Пермской Ученой Архивной Коммиссіи. Но было бы очень интересно и весьма важно получить отчетъ объ устройствѣ курсовъ, порядкѣ разрѣшенія, правилахъ, затратахъ, и нужно надѣяться, что И. А. опубликуетъ эти свѣдѣнія. А пока

можно привести описаніе курсовъ, сдѣланное г. Линдеманомъ: «Съ 29 мая по 8 іюня въ Твери имѣло мѣсто нѣчто изъ ряду вонъ выходящее, — нѣчто такое, чему не было прецедента, что явилось впервые въ нестоличномъ городѣ. Въ теченіе одинадцати дней въ Тверь другъ за другомъ пріѣзжали выдающіеся ученые археологи. Залъ дворянскаго собранія обратился въ импровизированный университетъ, точнѣе — импровизированный археологическій институтъ. Цѣлое созвѣздіе крупныхъ представителей исторіи и археологіи приковало къ себѣ вниманіе нѣсколькихъ сотенъ мѣстныхъ археологовъ-любителей, жадно вбиравшихъ въ себя цѣнныя указанія лекторовъ. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ раскрылъ предъ своими слушателями русскую исторію на интересныхъ страницахъ детально разработаннаго имъ смутнаго времени и періода первыхъ царей изъ рода Романовыхъ; директоръ археологическаго института Н. В. Покровскій ознакомилъ ихъ съ русскими церковными древностями, пропустивъ передъ ихъ глазами на экранѣ цѣлую серію храмовъ кіевскихъ, новгородскихъ, владимиро-суздальскихъ и московскихъ; проф. И. Я. Гурляндъ ввелъ своихъ слушателей въ истый лабиринтъ московскихъ приказовъ, выяснилъ ихъ происхожденіе, взаимную связь, обстановку, дѣлопроизводство и т. д.; академикъ А. И. Соболевскій научилъ значительную часть аудиторіи опредѣлять возрастъ рукописей по начертанію письменъ, ореографіи, характеру бумаги и т. д. Намѣченная цѣль курсовъ вполнѣ достигнута. Больше того, — курсы превзошли ожиданія: благодаря имъ археологія пріобрѣла новыхъ адептовъ, особенно среди молодежи. Какъ извѣстно, идея устройства курсовъ, починъ, осуществленіе принадлежатъ предсѣдателю Тверского историко-археологическаго Комитета высокопреосвященному Димитрію и предсѣдателю Тверской Ученой Архивной Коммиссіи И. А. Иванову. Честь имъ, слава и сердечное спасибо за это высоко-культурное дѣло». (Тверск. Губ. Вѣд. 1904 г., № 44).

Черниговская. Въ засѣданіи Черниговской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 6 марта доложено, что губернаторъ по соглашенію съ директоромъ Археологическаго Института не призналъ возможнымъ утвердить въ званіи членовъ Архивной Коммиссіи восемь лицъ, разновременно избранныхъ. Доложено также заключеніе директора Археологическаго Института относительно толкованія губернаторомъ компетенціи и устава Архивной Коммиссіи, въ общемъ согласное съ предложеніями губернатора. Постановлено обжаловать предложенія губернатора Коммиссіи и заключеніе директора Археологическаго Института въ Сенатъ. Товарищъ предсѣдателя г. Шратъ (исполняющій за отсутствіемъ постоянно живущаго въ Петербургѣ предсѣдателя гр. Милорадовича должность предсѣдателя) отказался отъ должности товарища предсѣдателя и отъ званія члена Архивной Коммиссіи. Отъ званія члена Коммиссіи отказался за симъ цѣлый рядъ лицъ. (Русск. Вѣд. 1904 г., № 75).

— Правитель дѣлъ Черниговской Архивной К-сіи П. М. Добровольскій, узнавъ о предпринятыхъ около кафедральнаго собора постройкахъ на погостѣ въ 15 арш. отъ древняго Борисоглѣбскаго храма, отправился на мѣсто работъ и обнаружилъ, что масса костей и 14 полныхъ скелетовъ были при копаніи глубокой ямы для отхожаго мѣста выброшены, что съ костяковъ были сняты браслеты, металлическіе и стеклянные ожерелья и т. п. предметы старины. Исторически извѣстно, что вся мѣ-

стность, занимаемая теперь соборнымъ погостомъ, полна могилами монашествующей братіи, именитыхъ гражданъ черниговскихъ. «Здѣсь изъ земли вырываются при всякихъ раскопкахъ кости и цѣлые скелеты, а также различные предметы отдаленныхъ эпохъ, княжеской и гетманской. Священная мѣстность кафедральныхъ соборовъ черниговскихъ, по убѣжденію ученыхъ, скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ всю историческую жизнь Чернигова. А между тѣмъ здѣсь строится отхожее мѣсто въ 15 шагахъ отъ стѣны храма, у которой извнутри почиваетъ приснопамятный святитель черниговскій архіеп. Лазарь Барановичъ». Архивная К-сія обратилась съ жалобою къ преосвящ. Антонію и въ результатѣ вмѣсто отхожаго мѣста сооруженъ складъ для церковныхъ предметовъ,—«въ подвалѣ предназначавшемся для выгребной ямы будутъ храниться деревянное масло и проч., а вверху церк. облаченія». Такъ какъ постановка строительнаго дѣла въ Черниговской епархіи не можетъ быть признана нормальной и постройки предпринимаются безъ предварительнаго сношенія съ Археологическимъ Обществомъ или Архивною К-сіею, то послѣдняя обратилась въ Императорское Археологическое Общество съ просьбою возбудить соотвѣтствующія ходатайства предъ Св. Синодомъ. Частный случай, подавшій ближайшій поводъ къ этому обращенію Архивной К-сіи, имѣлъ еще и другой очень грустный результатъ. «На бѣду правителемъ дѣлъ Архивной К-сіи оказался служащій въ штатѣ Казенной Палаты П. М. Добровольскій (мѣстный знатокъ старины), а соборнымъ старостой (иниціаторомъ устройства на погостѣ отхожаго мѣста) — управляющій Казенной Палаты А. Н. Рождественскій.... Г. Добровольскому пришлось оставить мѣсто въ Казенной Палатѣ». (Изв. Импер. Археол. К-сіи—Прибавл. къ вып. 9, стр. 30).

Историко-археологическіе курсы Тверской Губ. Ученой Архивной К-сіи.

(Съ 29 мая по 8 іюня 1904 года).

Историко-археологическіе курсы, организованные по иниціативѣ архіепископа Тверского Дмитрія, явились прямымъ слѣдствіемъ и продолженіемъ областного историко-археологическаго съѣзда прошлаго года. Первый опытъ, сдѣланный Тверской Ученой Архивной Коммиссіей ясно показалъ, насколько современное общество нуждается въ подобныхъ курсахъ: несмотря на условія, поставленныя Коммиссіей *), на курсы записалось около тысячи слушателей.

И нельзя отрицать значенія историческихъ курсовъ; пусть они не дадутъ положительныхъ знаній, пусть забудется многое изъ слышаннаго на нихъ,—это не важно. Главное,—они пробуждаютъ интересъ къ тѣмъ наукамъ, которыя до этого времени казались не интересными; они указываютъ обществу на важность историческихъ памятниковъ, заставляя невольно любить ихъ, беречь и хранить, а не проходить мимо драгоцѣннаго матеріала, который уродуется и уничтожается несвѣдующими людьми. Тверской архипастырь, самъ извѣстный археологъ, вполнѣ понимая значеніе архео-

*) Посторонніе лица допускались только по рекомендаціи членовъ или лицъ, извѣстныхъ устроителямъ, вслѣдствіе чего былъ закрытъ доступъ многимъ любителямъ родной старины.

логіи для духовенства, призвалъ его представителей на историко-археологическіе курсы. Въ самомъ дѣлѣ: большинство русскихъ старинныхъ памятниковъ — это церкви, какъ средоточіе древней умственной жизни; въ церквахъ хранится драгоцѣнный матеріалъ для исторіи; и хорошо, если хранится: по большей части старинныя рукописи заброшены куда нибудь на колокольню, въ сырыя и темныя мѣста, дальше отъ людей и ближе къ мышамъ. Священники, пользуясь своимъ вліяніемъ, могли бы уберечь и древнія церкви отъ неумѣлой реставраціи и этимъ сохранить единственные памятники древне-русскаго искусства.

Первыя лекціи (по двѣ въ день) были посвящены проф. *С. Ѳ. Платоновымъ* не столько перечисленію событій XVII вѣка, сколько выясненію причинъ ихъ появленія и значенію этого столѣтія въ исторіи.

Прежде всего, придавая большое значеніе предшествовавшимъ столѣтіямъ, профессоръ кратко, но очень ясно охарактеризовалъ строй удѣльной Руси, вотчинное землевладѣніе Москвы и вѣчевое — сѣверозападной половины — Новгорода, вліяніе на аристократическую Москву покореннаго Новгорода — демократа, возникшія распри среди московской знати и царствованіе Грознаго съ его принудительными и разорительными для государства выселеніями центра на окраины. Передъ слушателями встала обезсиленная и разоренная Русь, побѣжденная не геніемъ Баторія, а системой своего же государя.

Среди народа появляется недовольство новымъ положеніемъ, яркимъ выразителемъ котораго служитъ казачество съ его непримиримой ненавистью къ прежнему режиму. Близится смутное время. Его приближеніе ясно для иностранцевъ, но не для Россіи.

Указывая несостоятельность прежнихъ историковъ, излагавшихъ факты, но не разсуждавшихъ о причинахъ и послѣдствіяхъ смутнаго времени, лекторъ развернулъ передъ слушателями яркую и интересную картину смутъ въ совершенно новомъ освѣщеніи: смутное время — не время неурядицы; это даже не болѣзнь, которой временно переболѣлъ государственный организмъ, а тѣмъ болѣе — не время застоя и кризиса, смутное время — время реформъ, когда рушится прежній строй и создается новый. Смутное время сбросило родовитое боярство съ его пьедестала и выдвинуло демократію, давъ возможность отдѣльнымъ личностямъ своими заслугами занимать видное положеніе въ государствѣ.

Побѣдительницей является общественная средина — служилые люди и торгово-промышленные классы. Эта средина распоряжается, выбираетъ государя, который за нее держится, какъ за оплотъ, и которая, въ свою очередь, не можетъ обходиться безъ государя.

Только что избранному молодому царю выпадаетъ нелегкая задача — упорядочить внутренній строй государства. И въ 1619 году Филаретъ, въ двѣ недѣли схвативъ общее настроеніе, уже даетъ Собору опредѣленную программу.

Страна, устраивая себя, получаетъ систему. Что всего характернѣе, — въ этомъ упорядоченіи совсѣмъ не упоминается о боярахъ и крестьянахъ: порядокъ получили средніе классы.

Послѣ смуты мѣняется и административный строй: прежній выборный порядокъ, несмотря на желаніе молодого царя, не прививается вторично, какъ и многія изъ его консервативныхъ стремленій; прежнія рамки становятся узки: благодаря смутѣ, Русь выросла и измѣнилась настолько, что для нея нужны новые порядки. Все сводится къ общему упорядоченію, къ идеѣ общаго блага. Во имя ея разбирается путаница въ землевладѣніи (одно изъ послѣдствій смуты), и ставится на очередь крестьянскій вопросъ.

Но Михаилъ Ѳедоровичъ умеръ, не дождавшись его окончанія.

Однако программа 1619 года не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ: классы, не принимавшіе участія въ упорядоченіи, недовольны; недовольны и служилые, и ратные люди и высказываютъ свое недовольство въ челобитныхъ. Жалобы довольно общія и существенныя. Неуспокоенное, волнующееся государство переходитъ въ руки юнаго Алексѣя Михайловича. Государственныя дѣла забираетъ бояринъ Морозовъ, не умѣвшій возвыситься до временщика и заботящійся только о своихъ выгодахъ. Народъ, возмутившись его злоупотребленіями, началъ искать управы у царя, требуя удаленія Морозова. Послѣ его удаленія выдвигается кн. Одоевскій, принявшій непосредственное участіе въ составленіи новыхъ, болѣе совершенныхъ законовъ. Создается знаменитое «уложеніе», не столько кодексъ, сколько реформа. Оно отвѣчало запросамъ общества, стремилось уничтожить больныя мѣста, перенеся центръ тяжести на государственную средину. Со времени патріарха Никона правленіе окончательно выливается въ демократическую форму.

Въ смутное время Россія выросла и въ другомъ отношеніи: ея кичливое мнѣніе о себѣ, какъ о хранительницѣ истиннаго православія, поколебалось, и въ результатѣ—исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Смутное время было роковымъ. Оно ввело въ Россію толпы иностранцевъ, и старая Москва не могла не замѣтить болѣе совершенный и культурный отпечатокъ на всемъ строѣ иностранной жизни. Прежнее понятіе, что Москва—совершенство, отходитъ; и во второй половинѣ XVII вѣка являются новые люди: Москва мѣняетъ свои обычаи, а за ней мало по малу и вся Россія принимаетъ характеръ государства, похожаго на европейскія. Постоянный безпокойный шумъ мѣшалъ правительству застыть, и оно работало, какъ никогда, издавая рядъ совершенно новыхъ распоряженій, граничащихъ съ реформами. Программа Нащокина является уже возможной, начиная собою подготовку реформъ. Но для осуществленія реформы необходимо вмѣшательство власти; необходимо, чтобы взгляды правительства, совпадали съ взглядами новатора.

Однако власть рутины была еще настолько сильна, что въ нѣкоторой степени подавляла проявленіе личности Алексѣя Михайловича Тѣмъ не менѣе, благодаря его способности писать просто и много обо всемъ, исторія имѣетъ достаточно матеріала, чтобъ говорить о немъ, какъ о живомъ и чарующемъ человѣкѣ. И лекторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на его личности. Передъ слушателями встаетъ въ высшей степени симпатичный «тишайшій» царь. Но въ немъ нѣтъ силы воли и рѣшимости: допустивъ культуру, онъ не могъ ввести реформу.

Затѣмъ, въ нѣсколькихъ словахъ упомянувъ о царствованіи Ѳеодора Алексѣевича, польскихъ обычаяхъ его двора и польской одеждѣ многихъ изъ его придворныхъ, — профессоръ развернулъ картину воспитанія и дѣтства Петра, окруженнаго «нѣмцами», и, подведя итоги сказанному, остановился на Петрѣ, какъ человѣкѣ и реформаторѣ въ новомъ историческомъ освѣщеніи.

Къ началу его царствованія народная масса настолько развилась и измѣнилась, что Петръ, вопреки укоренившимся взглядамъ, является уже не реформаторомъ, а подражателемъ. Онъ измѣнилъ наружность, усовершенствовалъ форму, придавая европейскую физіономію прежнимъ порядкамъ, и не внесъ ничего новаго. Все, что было сдѣлано его предшественниками, осталось ненарушимо: осталось самоуправленіе крестьянскихъ общинъ на сѣверѣ, не были уничтожены и существовавшія власти, такъ какъ всѣ элементы нашли себѣ примѣненіе при Петрѣ; онъ точно такъ же, какъ и его предшественники, отдавалъ предпочтеніе кіевскому духовенству и не прогонялъ грековъ. Петръ продолжалъ культурное движеніе въ атмосферѣ реформы, начавшееся до него, и далъ культурѣ опредѣленное торжество.

Прежній неправильный взглядъ на Петра, какъ реформатора, сложился подъ вліяніемъ того очарованія, которое онъ произвелъ на общество своей энергіей. Какъ царь, онъ не подходилъ подъ тогдашія понятія и былъ новинкой. Надѣвъ легкое нѣмецкое платье, онъ поколебалъ прежній взглядъ на монарха, какъ на символъ власти безъ индивидуальныхъ чертъ, въ золотомъ платьи, вѣсившемъ пудами, — символъ въ золотомъ сіяніи, который шелъ не иначе, какъ подъ руки и по скамейкѣ забирался на коня. Способный и энергичный Петръ велъ невоздержанный образъ жизни и настолько порвалъ со всѣми обычаями царскаго дома, что не только народъ, но и сама государыня мать временами сомнѣвалась: его ли это сынъ?! Благодаря тяжелымъ сценамъ, пережитымъ въ дѣтствѣ, Петръ не просто водворялъ ту или иную мѣру съ жестокой ненавистью къ старинѣ онъ пыталъ, казнилъ и рѣзалъ... Все это и составило о немъ мнѣніе, какъ о реформаторѣ, которому приходилось вырывать старые корни, чтобъ насадить новое и сильное.

Заканчивая лекціи, профессоръ добавилъ, что, по мнѣнію новѣйшей науки, XVII вѣкъ связалъ древнюю Русь съ Петровской эпохой. С. Ф. Платоновъ выразилъ надежду, что взглядъ послѣдующихъ историковъ будетъ еще полнѣе и совершеннѣе, такъ какъ историческая наука безостановочно идетъ впередъ, открываетъ новые горизонты и, чѣмъ больше будетъ собрано матеріаловъ, чѣмъ упорядоченѣе будутъ архивы, — тѣмъ люди будутъ лучше знать старину.

Съ 1-го іюня профессоръ *Н. В. Покровскій* началъ чтеніе лекцій «по христіанской археологіи Россіи».

Давъ общее понятіе объ археологіи, какъ наукѣ, предметомъ изученія которой являются всевозможные памятники старины, — профессоръ указалъ на важнѣйшія дисциплины археологіи и перешелъ къ исторіи русскаго искусства, которую составляетъ совокупность христіанскихъ памятниковъ, собранныхъ въ извѣстномъ порядкѣ и связанныхъ съ исторіей.

Упомянувъ о существованіи зодчества у народовъ въ дохристіанскую эпоху, лекторъ выяснилъ необходимость заимствованія русскими искусства у грековъ вмѣстѣ съ ихъ религіей. Явившись съ нею изъ Греціи, русское искусство (главнымъ образомъ архитектура) не было самобытнымъ, русскимъ національнымъ творчествомъ. И не только Россія, но и культурный Западъ подпалъ подъ вліяніе Византіи. Но на Западѣ искуство шло впередъ и совершенствовалось, а у насъ, наоборотъ, господствовало убѣжденіе, что всякое новшество — ересь. Искусство не могло самостоятельно развиться въ Россіи уже потому, что оно развивается рука объ руку съ наукой и литературой, а у насъ и въ XII и въ XVII в.в. были, по выраженію Буслаева, одни и тѣ же Златоструи. Впрочемъ такая неподвижность имѣла и свою хорошую сторону: она спасла искусство отъ тривіальности Запада.

Кіевъ первый изъ русскихъ городовъ принялъ византійскій стиль и безъ измѣненія передалъ его другимъ городамъ. Кіевскій періодъ — періодъ слѣпого подражанія греческимъ образцамъ, и только Новгородъ, заимствуя искусство Кіева, вноситъ въ него свой элементъ. Но къ этому его вынуждали чисто мѣстныя условія: новгородскіе плотники изстари привыкли обращаться съ деревянными матеріалами, выработавъ извѣстный типъ гражданской постройки; вполнѣ естественно, если каменныя постройки Византіи замѣняются въ Новгородѣ деревянными и измѣняются въ деталяхъ, сохраняя однако же свои основныя черты.

Владиміръ-Суздаль, получивъ Новгородскую постройку, добавилъ къ ней кое-что свое (обронныя украшенія востока) и кое-что, заимствованное подъ греко-романскимъ вліяніемъ (горизонтальный поясъ съ колонками); такимъ образомъ русское искусство дѣлается болѣе оригинальнымъ въ Владимирѣ.

Въ XIV вѣкѣ искусство, начатое Владиміромъ-Суздалемъ, переходитъ въ Москву. Москва, съ перенесеніемъ въ нее митрополичьей каѳедры, становится средоточіемъ религіозной жизни и стягиваетъ къ себѣ силы Новгорода, Пскова и Владиміра-Суздаля, смѣшивая вмѣстѣ характерныя особенности ихъ построекъ. Даже татары внесли свою лепту, а во времена Іоанна III, когда начались широкія сношенія съ Западной Европой, русское зодчество освободилось отъ вліянія Византіи, и западно-европейскіе мастера («фряги») дали начало фряжскому стилю.

Какъ только въ искусствѣ появилось стремленіе итти впередъ, начинается разработка прежнихъ формъ; изобрѣтеніе новыхъ способовъ XV и XVI вѣка можно назвать золотой эпохой русскаго зодчества. Москва становится разсадницей искусства и руководительницей сѣвера, востока и юга Россіи. Вырабатывается оригинальная и загадочная шатровая форма постройки (церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ), продуктъ русскаго генія,—сфинксъ, происхожденіе котораго силились разгадать. Тогда уже спохватилась и духовная власть, поспѣшивъ наложить свое veto на шатровыя постройки, такъ какъ онѣ являлись уклоненіемъ отъ традицій, завѣщанныхъ Византіей. Въ XVIII и XIX в.в. вмѣстѣ съ наклонностью къ западно-европейскому образованію, появляется рабская подражательность въ искусствѣ Западу.

Живо и увлекательно развивая передъ аудиторіей извѣстные моменты въ развитіи русскаго искусства, лекторъ попутно описывалъ сохранившіеся памятники и, демонстрируя ихъ свѣтовыми картинами, указывалъ на тѣ или другія ихъ особенности.

Прослѣдивъ развитіе архитектуры, профессоръ перешелъ къ исторіи русской живописи и ея сохранившимся памятникамъ, познакомилъ слушателей съ древними способами иконописи, матеріалами, рисункомъ и охарактеризовалъ главнѣйшіе «пошибы» (манеру) письма, различая три школы: Новгородскую, Московскую и Строгановскую съ ихъ главнѣйшими представителями.

Указывая затѣмъ на развитіе въ XVIII и XIX в.в. слѣпой подражательности Западу, профессоръ обратилъ вниманіе слушателей на недавно появившееся — въ лицѣ лучшихъ представителей искусства — стремленіе вернуться къ забытой старинѣ. «Духъ стариннаго творчества, закончилъ профессоръ свои лекціи, — въ соединеніи съ духомъ времени, наконецъ нашелъ себѣ яркаго выразителя въ лицѣ Васнецова».

Лекціи профессора Н. В. Покровскаго чередовались съ практическими занятіями палеографіей, подъ руководствомъ преподавателя Археологическаго Института *В. В. Майкова*.

Для удобства и болѣе успѣшнаго хода занятій, слушатели были раздѣлены на двѣ группы: лица духовныя и свѣтскія *).

Указавъ въ нѣсколькихъ словахъ особенности устава, полуустава и скорописи, лекторъ пригласилъ слушателей заняться чтеніемъ фотографическихъ снимковъ съ рукописей, изд. С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ.

Съ 5-го іюня академикъ *А. И. Соболевскій* продолжилъ и расширилъ эти занятія.

Прежде всего слушатели были познакомлены съ задачами палеографіи. Затѣмъ лекторъ далъ понятіе о наружномъ видѣ древнихъ книгъ, ихъ форматѣ, переплетѣ, застежкахъ, цѣнности; перейдя на грамоты, разсмотрѣлъ ихъ матеріалъ (пергаментъ, бумагу и даже бересту, чернила и перья).

Послѣ этого были указаны особенности устава, полуустава и скорописи въ ихъ постепенномъ развитіи; разсмотрѣны украшенія (заставки) и ихъ форма (орнаментъ растительный, чудовищный, геометрическій и печатный), а также особенности прежнихъ миніатюрныхъ рисунковъ-иллюстрацій.

Придавая орфографіи не меньшее значеніе при опредѣленіи времени и мѣста рукописи, А. И. Соболевскій указалъ на наиболѣе характерныя особенности новгородскихъ, псковскихъ, московскихъ, владимирскихъ и ростовскихъ рукописей, а затѣмъ познакомилъ аудиторію съ древней хронологіей (мартовскимъ и сентябрьскимъ счетомъ), тайнописью (летореей), указавъ на наиболѣе простыя изъ нихъ и наиболѣе распространенныя.

---

*) По моему, такое подраздѣленіе совершенно не достигало цѣли: занимаясь въ первую очередь съ духовными лицами, оффиціально командированными на курсы, руководитель невольно обращалъ болѣе вниманія на ихъ занятія, и, значительно утомившись, тотчасъ же начиналъ занятія съ другою группой, уже не повторяя для нея сказаннаго въ первую очередь, но предоставивъ желающимъ заняться самостоятельнымъ чтеніемъ снимковъ. Такимъ образомъ занятія были утомительны для преподавателя, а часть слушателей лишалась того, за чѣмъ собственно она и пришла.

Лекціи А. И. Соболевскаго сопровождались практическими занятіями, при чемъ слушатели, на основаніи данныхъ признаковъ, самостоятельно опредѣляли время и мѣсто рукописи, высказывая свое мнѣніе лектору, и онъ, внимательно выслушавъ доказательства этого мнѣнія, опровергалъ его или подтверждалъ.

Занятія палеографіей чередовались съ лекціями доктора государственнаго права *И. Я. Гурлянда* о «приказахъ Московской Руси». Имѣя въ виду неподготовленную публику, лекторъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобъ оживить лекціи и заинтересовать ими слушателей. И его старанія не пропали даромъ: аудиторія увлеклась парадныхъ и красивымъ изложеніемъ довольно сухой матеріи, которая для наглядности переплеталась массою разнообразныхъ примѣровъ и сравненій.

Выяснивъ взаимное отношеніе центра и области, двухъ совершенно противоположныхъ силъ, лекторъ указалъ на происходящую между ними борьбу, какъ на общій историческій законъ (централизація и децентрализація).

Россія точно также не остается внѣ этого закона. Первый князь не ставитъ себѣ ряда политическихъ задачъ: онъ преслѣдуетъ одну цѣль — увеличеніе своего имущества и въ такомъ видѣ является администраторомъ; его ближайшіе и единственные помощники — дворецкій и казначей. Съ теченіемъ времени, на почвѣ дробленія ихъ функцій возникаютъ изъ личныхъ княжескихъ порученій — приказы. А совокупность княжескихъ прецедентовъ уже давала почву для установленія закона. Поэтому вся дальнѣйшая исторія приказовъ Московской Руси есть не болѣе, какъ исторія развитія въ Россіи юридическаго института.

Далѣе лекторъ обратилъ вниманіе слушателей на слишкомъ большое расширеніе спеціализаціи приказовъ и борьбу съ ней, начиная отъ Бориса Годунова и кончая Петромъ Великимъ.

Перейдя затѣмъ къ классификаціи приказовъ, лекторъ прослѣдилъ исторію развитія важнѣйшихъ изъ нихъ и дробленіе ихъ функцій, познакомилъ слушателей съ общей организаціей приказовъ, ихъ помѣщеніемъ, порядкомъ и теченіемъ въ нихъ дѣлъ.

Для желающихъ болѣе подробно познакомиться съ приказнымъ строемъ И. Я. Гурляндъ указалъ на болѣе разработанные и популярные матеріалы.

Взявъ на себя нелегкій трудъ чтенія лекцій передъ неподготовленными слушателями всѣхъ положеній и возрастовъ, глубокоуважаемые лекторы сразу приняились къ ихъ общему уровню, излагая научныя заключенія въ высшей степени просто, ясно и понятно, невольно заставляя ловить каждое слово.

Вполнѣ понятны поэтому единодушные аплодисменты, которыми (вопреки постановленію учредителей) слушатели выражали свою глубокую признательность лекторамъ, иниціаторамъ и учредителямъ.

Л. М. Попова.

Въ библіотеку Пермской Ученой Архивной Коммиссіи за время съ 1 декабря 1903 года по 1 декабря 1904 года поступили слѣдующія изданія:

1. Труды *Воронежской* Ученой Архивной Коммиссіи—вып. I. Воронежъ. 1904 г.

2. Журналы засѣданія членовъ *Костромской* Губ. Уч. Арх. К-сіи: 1) 24 января 1903 года, 2) 10 іюня 1903 года, 3) 10 декабря 1903 года.

3. Труды *Оренбургской* Уч. Арх. К-сіи—вып. XI, XII, XIII.

4. Труды *Пензенской* Губ. Уч. Арх. К-сіи—Кн. I. Пенза. 1903 г.

5. Труды *Пермской* Губ. Уч. Арх. К-сіи—т. VII и VIII.

6. Труды *Рязанской* Уч. Арх. К-сіи—т. XVIII, вып. 1—3, т. XIX, вып. 1.

7. Дѣятельность Дмитрія Дмитріевича Дашкова по народному образованію въ Рязанскомъ земствѣ. 1903 г. (изд. Рязан. у. а. к.).

8. Отчетъ *Рязанской* Уч. Арх. К-сіи за 1902 г.

9. Труды *Саратовской* Уч. Арх. К-сіи—вып. 23. Саратовъ. 1903 г.

10. Историко-географическій словарь Саратовской губ. Сост. А. Н. Минхъ—т. I, вып. 4. Аткарскъ. 1902 г.

11. Отчетъ о дѣятельности *Симбирской* Губ. Уч. Арх. К-сіи за 1903 г.

12. *Красовскій.* Прошлое города Корсуня. (Краткій историч. очеркъ). Симбирскъ. 1903 г. (изд. Симб. у. а. к.).

13. Къ столѣтію рожденія Николая Михайловича Языкова. Симбирскъ. 1903 г. (изд. Симб. у. а. к.).

14. Опись городу Симбирску и его уѣзду въ 1678 году (переписныя книги приказа Казанскаго дворца). Изд. Симб. у. а. к. подъ ред. П. Мартынова. Симбирскъ. 1902 г.

15. *В. Э. Красовскій.* Трехсотъ-пятидесяти-лѣтіе города Алатыря (краткій историч. очеркъ). Симбирскъ. 1902 г. (изд. Симб. у. а. к.).

16. *Поливановъ* и *Красовскій.* Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца—т. III. Симбирскъ. 1902 г. (изд. Симб. у. а. к.).

17. Извѣстія *Таврической* Уч. Арх. К-сіи—*№№* 35 и 36.

18. Извѣстія *Тамбовской* Уч. Арх. К-сіи—вып. XLVII. Тамбовъ. 1903 г.

19. Отчетъ о дѣятельности *Тверской* Уч. Арх. К-сіи за 1901 г. Составилъ правитель дѣлъ *А. И. Виноградовъ.* Тверь. 1903 г. (изд. Твер. у. а. к.).

20. *Н. Н. Овсянниковъ.* О Новгородско-Тверскомъ рубежѣ въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей. Тверь. 1903 г. (изд. Твер. у. а. к.).

21. Грамоты Новоторжскаго мужского Борисоглѣбскаго монастыря. Ред. *А. И. Веригинъ.* Тверь. 1903 г. (изд. Твер. у. а. к.).

22. *Вл. Ив. Колосовъ.* Петръ Великій въ Твери. Тверь. 1903 г. (изд. Твер. у. а. к.).

23. *В. А. Плетневъ.* Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губерніи. Тверь. 1903 г. (изд. Твер. у. а. к.).

24. *М. В. Рубцовъ.* Къ исторіи Удомельскаго Троицкаго Іоанно-Богословскаго монастыря въ XVII в. Тверь. 1903 г. (изд. Твер. у. а. к.).

В. Я. Струминскій.

М. И. Капустинъ.

(1837—1904).

Столь-же скромно, какъ провелъ и всю свою жизнь, отошелъ къ вѣчному покою Михаилъ Ивановичъ Капустинъ, почетный членъ Пермской Губернской Уч. Арх. Коммиссіи. Не много друзей шло за его гробомъ; нѣкоторые изъ нихъ изъ Перми отсутствовали, другіе не узнали своевременно о его смерти. Но зато всѣ они, внѣ всякаго сомнѣнія, долго не будутъ въ состояніи примириться съ фактомъ смерти этого человѣка, и еще дольше будутъ вспоминать о немъ по тому или другому поводу. Въ бѣгломъ очеркѣ немыслимо дать полную характеристику или даже коснуться всѣхъ сторонъ дѣятельности этой сложной и отзывчивой натуры.

Познакомился я съ Мих. Ив. лѣтъ пять тому назадъ. И сейчасъ живо помню, то недоумѣніе, какое охватило меня при первой нашей встрѣчѣ. Предо мною былъ оригинальнаго вида хилый старикъ-паралитикъ, еле передвигавшій ноги, одѣтый въ халатъ, а я ожидалъ на основаніи разсказовъ и слуховъ увидать могучаго семинарскаго профессора, «послѣдняго изъ могиканъ» той горсточки людей, которые въ разныхъ углахъ обширной Россіи въ 60-хъ годахъ были искорками человѣчности въ темной бурсацкой средѣ.... Я ожидалъ встрѣтить типичную семинарскую внѣшность, а предо мною сидѣлъ по внѣшнему облику скорѣе нѣмецкій «докторъ» недавняго прошлаго. Впрочемъ и не по внѣшнему только облику это былъ «докторъ». По своимъ интересамъ, по живой духовной структурѣ, по жаждѣ свѣжаго знанія. по удивительной отзывчивости на всякіе современные научные запросы—это былъ «докторъ» добраго стараго типа. Какъ юноша, онъ способенъ былъ взволноваться надеждою на возрожденіе Пермской Ученой Архивной Коммиссіи и возобновленіе «Трудовъ», которую я принесъ ему въ первое же наше свиданіе; онъ засыпалъ меня рядомъ вопросовъ, вникалъ въ общій планъ и обсуждалъ всѣ подробности. Съ молодою горячностью отзывался на приносимыя ему свѣдѣнія о новыхъ вѣяніяхъ университетской жизни, о новыхъ книгахъ, о послѣднихъ журнальныхъ направленіяхъ. Безъ стариковскаго (съ точки зрѣнія своего поколѣнія) осужденія трактовалъ онъ объ увлеченіяхъ и чаяніяхъ молодежи, никогда не противопоставляя былыхъ нынѣшнимъ, а разсматривая то и другое, какъ оно есть и чѣмъ обусловливается. Всего и не пересказать, чѣмъ онъ интересовался, на что отзывался!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ перебиралъ свои воспоминанія, останавливался на старинѣ, въ результатѣ чего являлись его статьи въ «Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи» и осталась масса письменнаго матеріала, отчасти уже приведеннаго имъ въ нѣкоторый порядокъ, а отчасти еще нуждающагося въ сортировкѣ и отгадываніи той завѣтной темы, для которой или для которыхъ онъ подготовлялся. Пожалуй не вызываетъ особаго удивленія и попытка М. И. склеить собственноручно модель стараго Пыскорскаго монастыря... Эти и подобныя работы такъ свойственны старымъ людямъ, преимущественно отдающимъ себя во власть воспоминаніямъ изъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, во власть прежнихъ вѣяній и направленій. Гораздо удивительнѣе мнѣ казалось всегда, что М. И. не усталъ жить, не переставъ понимать развивающійся новый складъ быстро текущей жизни, не утратилъ непосредственной связи съ современностью. Много примѣровъ тому можно было бы привести изъ содержанія нашихъ бесѣдъ; но я предпочту здѣсь нѣсколько цитатъ изъ

его письма къ редактору «Вѣстника Знанія» отъ 25 августа 1904 года, т. е. писаннаго всего за 3 недѣли предъ смертью: «Многое хотѣлось бы высказать Вамъ по поводу журнала; не разъ я уже и начиналъ писать, но нужно же было мнѣ сождать, пока покороче познакомлюсь хоть съ текущимъ годомъ изданія».... «Понятно, какъ долженъ былъ я быть пріятно изумленъ, убѣдившись, что наконецъ-то люди науки начинаютъ говорить съ публикой языкомъ единственно достойнымъ науки, языкомъ откровенной правды (насколько она выясняется), языкомъ въ то же время настолько благороднымъ и умѣлымъ, что и болячки недомогающихъ не разбереживаются такъ, чтобы это было для кого-либо опасно, — заговорили скромнымъ языкомъ обыкновенныхъ смертныхъ, усиливающихся добраться до истины, а не абсолютами и повелительными вѣщаніями боговъ, при каковыхъ вѣщаніяхъ неумѣстными дѣлаются собственныя попытки человѣка мыслить о чемъ-либо серьезно. Метафизическія топи и болота остаются далеко въ сторонѣ отъ пути Вашего новаго популярно-научнаго журнала. А до какой степени могутъ они опротивѣть человѣку, уважающему логику, хорошо извѣстно мнѣ по опыту, такъ какъ по особенностямъ своей воспитательной среды, въ свои молодые годы, вязнулъ въ нихъ и я самъ, да и потомъ—по особенностямъ среды своей педагогической дѣятельности цѣлыхъ десять лѣтъ завлекалъ и неопытную молодежь въ эти самыя трясины»...

Трудно однако принять въ буквальномъ значеніи эту собственную аттестацію педагогической работы М. И. Капустина. И общая оцѣнка ея его учениками, и живая личность его—порука противнаго. Вотъ, напр, отрывокъ изъ его письма: «По воспитанію обломокъ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія я еще на студенческой скамейкѣ принадлежалъ къ лагерю ярыхъ ненавистниковъ всякой фальши въ изложеніи науки, всякихъ стыдливыхъ фиговыхъ листочковъ, а тѣмъ болѣе—лжи преднамѣренной, имѣющей въ виду отстоять и защитить какіе-либо излюбленные принципы вѣковъ минувшихъ, всѣмъ надоѣвшіе и достаточно уже тормозившіе человѣческій прогрессъ. Понятно, что такая закваска не могла не сохраниться и до старости».

До конца дней своихъ М. И. оставался мыслящимъ, стремящимся впередъ по пути науки человѣкомъ. Съ дѣтскою радостью онъ привѣтствовалъ обнаружившееся въ послѣдніе годы въ обществѣ стремленіе къ самообразованію, и съ негодованіемъ мужа говорилъ всегда о цензурныхъ стѣсненіяхъ на строго научной тропѣ. «Стремленіе къ знанію молодежи, рвущейся со всевозможными усиліями овладѣть дѣйствительными знаніями, которыя только и обѣщаютъ въ будущемъ болѣе сносное житье человѣку на свѣтѣ, дѣйствительно поражающе, писалъ М. И. Капустинъ въ 1904 году. Тѣ свѣдѣнія, безъ обладанія которыми нельзя имѣть доступъ къ университетской наукѣ, горячая самоотверженная молодежь старается всячески завоевать и помимо мертвящихъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Она самый жадный читатель научно-популярныхъ сочиненій. Въ такой молодежи популяризаторамъ грѣшно бы насаждать и утверждать отжившіе взгляды, которые могли-бы послужить только тормазомъ въ ея дальнѣйшемъ развитіи и усвоеніи ею дѣйствительно разумныхъ взглядовъ на вещи и людскія отношенія. За этой громаднѣйшей по численности группой.... стоитъ не малая группа людей извѣстныхъ подъ именемъ людей съ высшимъ образованіемъ. Лучшіе изъ этой группы.... все-же ищутъ случаевъ освѣжить давно полученныя знанія и знакомиться съ успѣхами, тою или иною наукою достигнутыми; большинство, искавшее въ свое время только дипломовъ,.... успѣло охладѣть къ наукамъ и всему научному, на принадлежность ихъ къ образованному классу остаются только слабые намеки въ родѣ устройства пиршествъ въ годовые университетскіе праздники, но — все-же не зачѣмъ отчаяваться, что и они когда-нибудь проснутся отъ своей спячки, устыдятся своего почетнаго титула «человѣкъ съ высшимъ образованіемъ», подогрѣютъ свои научныя знанія.... Для людей того и другого разбора этой группы, разнообразно умудренныхъ житейскимъ опытомъ и вполнѣ окрѣпшихъ мыслью, смѣшно было-бы предлагать статьи, скрывающія подлинные успѣхи научнаго знанія».

Уже и приведеннаго достаточно, чтобы установить уголъ зрѣнія М. И. Капустина на значеніе науки и ученыхъ. Онъ не былъ самъ узко-кабинетнымъ ученымъ и не признавалъ особой пользы тѣхъ ученыхъ колпаковъ, которые воплощены въ Вагнерѣ Гете. Объ этомъ свидѣтельствуетъ краснорѣчиво между прочимъ сопоставленіе Иннокентія и Іоны въ его статьѣ о первомъ изъ нихъ (Иннокентій—«Труды Перм. Уч. Архивн. К-сіи», т. VI, стр. 95—101), и многочисленныя замѣчанія относительно постановки ученья и наукъ, разсыпанныя во всѣхъ почти его статьяхъ. Онъ былъ безусловный приверженецъ и выразитель современнаго взгляда на общественное значеніе научнаго изслѣдованія. «У него была творческая жилка», писалъ М. И. объ Иннокентіи («Труды Перм. Учен. Архивн. К-сіи», т. VI, стр. 96), и эти слова цѣликомъ можно обратить по всей справедливости къ нему самому, какъ и слѣдующія: «Иннокентію предоставьте полную свободу,—и онъ дѣло ему порученное всегда направитъ къ лучшему, удобнѣйшему виду и простѣйшему».

М. И. Капустинъ не только не былъ и не желалъ быть ученымъ колпакомъ или «метафизикомъ» извѣстной басни, но, можно сказать, горѣлъ жизненными вѣяніями. Много и сосредоточенно читая и отдаваясь литературнымъ работамъ, онъ въ то же время находилъ время и удовольствіе заниматься домоводствомъ въ образцовомъ порядкѣ, увлекаться огородничествомъ и цвѣтоводствомъ, пробовалъ и не безъ успѣха изучать теоретически и практически фотографію и т. д. Въ его бумагахъ, которыя я изучать теоретически и практически фотографію и т. д. Въ его бумагахъ, которыя я слегка успѣлъ благодаря любезному разрѣшенію дочери покойнаго Е. М. Капустиной перелистовать, есть интересныя доказательства того, какъ онъ, наприм., обошелся безъ помощи архитектора въ дѣлѣ постройки дома, составленія смѣты и чертежа, какъ онъ собственноручно приготовился склеить модель монастыря и т. п. Его записи по домоводству полны интереса и едва-ли уступаютъ «книгѣ» какого-нибудь нѣмецкаго бюргера по своей полнотѣ и разработанности графъ и статей. Къ чему-бы ни обращалъ свое вниманіе и свой трудъ М. И., вездѣ онъ ставилъ работу широко и вездѣ проглядываетъ оригинальнѣйшій замыселъ.

Въ послѣднее время онъ усердно занимался словаремъ-справочникомъ пермскаго прошлаго, идея и значеніе котораго выяснены были въ его замѣткѣ въ т. V «Трудовъ Перм. Учен. Архивн. К-сіи» (стр. 113), и собираніемъ матеріаловъ по исторіи плана г. Перми и судьбѣ его строеній. Первый изъ этихъ трудовъ вчернѣ набросанъ.

Можно-бы подумать, что М. И. Капустинъ разбрасывался, былъ такъ сказать мастеромъ на всѣ руки. Нѣтъ онъ не былъ и не считалъ полезнымъ быть легковѣсмастеромъ на всѣ руки. Нѣтъ онъ не былъ и не считалъ полезнымъ быть легковѣсным энциклопедистомъ. Онъ не считалъ только необходимымъ замыкаться отъ вліянія времени и жизни; онъ въ часы досуга и въ видѣ отдыха мѣнялъ основной матеріалъ своей работы на временный; но постоянно и неизмѣнно онъ повторялъ, что нельзя быть спеціалистомъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а быть спеціалистомъ въ какой-либо одной отрасли необходимо и полезно. Не одобрительно онъ относился и къ тѣмъ организаціямъ, которыя не имѣютъ опредѣленной и спеціальной физіономіи. Съ осужденіемъ высказался онъ въ упомянутомъ уже письмѣ къ редактору «Вѣстника Знанія» о предположеніи ввести въ этомъ органѣ ради разнообразія и привлеченія читателей отдѣлъ беллетристики. («Претензія иныхъ читателей получать отъ Вашего журнала еще какую-то беллетристическую надбавку на мой взглядъ—что-то странное, чтобы не сказать больше»). Съ пренебрежительной усмѣшкой говаривалъ онъ о пристрастіи руководителей Пермскаго Музея привлекать посѣтителей искусственно (выставкою флаговъ и т. д.); недовѣрчиво смотрѣлъ онъ на значеніе шумныхъ юбилеевъ общественныхъ дѣятелей; не понималъ смысла всякой помпы... Въ основѣ такихъ вкусовъ было конечно строгое трактованіе обязанностей мыслящаго научнаго дѣятеля и требованіе серьезной идейной, а не придуманной, обоснованности ихъ чествованія и формы его.

Мнѣ оставалось-бы коснуться еще отношеній М. И. къ нашей Коммиссіи. Но здѣсь нѣтъ необходимости много распространяться. Разнообразіе литературныхъ вкла-

довъ въ ея «Труды» лучше всего свидѣтельствуютъ о его серьезной симпатіи. Лично же я могу удостовѣрить то любовное отношеніе М. И. къ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи, которое высказывалось въ его распросахъ и совѣтахъ, выражалось въ уступкѣ Коммиссіи собранія своихъ книгъ, просмотрѣ архивныхъ дѣлъ, намѣреніи передать по смерти свои бумаги и т. д. *).

Это былъ живой, мыслящій и искренній человѣкъ... Миръ ему и вѣчный покой.

Вотъ извлеченіе изъ формуляровъ М. И. Капустина. Сынъ священника Батуринскаго села Шадринскаго уѣзда, родился 10 сентября 1837 года, кончилъ курсъ въ Далматовскомъ духовномъ училищѣ въ 1852 г., въ Пермской духовной Семинаріи въ 1858 г., въ Московской духовной Академіи въ 1862 г. по первому разряду. Опредѣленъ 18 августа 1862 г. (по рекомендаціи митрополита Филарета—какъ особенно благонадежный воспитанникъ) учителемъ въ Пермскую духовную Семинарію, гдѣ преподавалъ послѣдовательно логику, психологію и патристику, нѣмецкій языкъ, латинскій языкъ, миссіонерскія науки, педагогику, греческій языкъ и обзоръ философскихъ наукъ. Назначенъ 30 марта 1870 г. членомъ коммиссіи по разбору архивныхъ дѣлъ Пермской духовной Консисторіи (см. «Труды К-сіи», т. VII, стр. 87). Уволенъ 15 ноября 1873 г. отъ службы при Семинаріи по случаю выбора и утвержденія въ должности мирового судьи по 7-му участку Пермскаго уѣзда. Указомъ Синода отъ 6 октября 1876 года утвержденъ въ степени магистра богословія. Съ основанія Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (въ 1868 г.) состоялъ до оставленія Семинаріи членомъ редакціоннаго комитета. Съ 30 марта 1891 г. находился до смерти въ отставкѣ. Въ члены Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи избранъ 28 апрѣля 1894 г., въ почетные ея члены избранъ 13 апрѣля 1904 г. Умеръ 17 сентября 1904 г., погребенъ въ Перми на Старомъ кладбищѣ, недалеко отъ алтарной стѣны храма.

В. С. Мальченко.

Ив. Никол. Смирновъ.

5 мая 1904 года въ 11 часовъ утра въ Казани скончался ординарный профессоръ Казанскаго Университета по кафедрѣ всеобщей исторіи Иванъ Николаевичъ Смирновъ.

Еще со студенческихъ лѣтъ онъ интересовался особенно исторіей и этнографіей славянскихъ народовъ. Ему принадлежатъ въ первый періодъ дѣятельности слѣдующіе труды: «Очеркъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ», «Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи въ XII—XIV в.в.» (диссертація), «Замѣтки о нѣкоторыхъ особенностяхъ быта калмыковъ Астраханской губерніи», «Городскія общины Далмаціи въ X—XII в.в.», «Землевладѣніе въ Хорватіи и Далмаціи въ X—XI в.в», «Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи въ XIV—XVI в.в.» (докторская диссертація). Сдѣлавшись въ концѣ 1886 г. ординарнымъ профессоромъ И. Н. перенесъ свои ученыя изслѣдованія преимущественно на изученіе поволжскихъ и прикамскихъ инородцевъ, для чего лѣтомъ 1888 и 1889 г.г. онъ предпринималъ путешествія по Казанской, Костромской, Нижегородской, Вятской, Уфимской, Пермской и Симбирской губ., возвратившись снова въ Вятскую и Пермскую губ. лѣтомъ 1890 года. Сверхъ массы этнографическихъ коллекцій и фольклористическихъ матеріаловъ, обогатившихъ музей естествовѣдѣнія при Казанскомъ Университетѣ, И. Н. Смирновъ вывезъ изъ своихъ экскурсій изслѣдованія: «Развитіе отношеній завоевателей къ покореннымъ въ древнемъ мірѣ»; «Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзіи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ финновъ», «Нѣсколько словъ

*) Доложено въ засѣданіи Перм. Учен. Архива. К-сіи 12 октября 1904 г.

о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края», этнографическій очеркъ объ угорскомъ племени *черемисовъ* и историко-этнографическіе очерки угорскихъ племенъ *вотяковъ и пермяковъ*. Въ 1891 и 1892 г.г. И. Н. изъѣздилъ Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, Самарскую, Симбирскую, Саратовскую и Уфимскую губ. для изученія четвертаго угорскаго племени—*мордвы*; результатомъ этой поѣздки были богатѣйшія коллекціи для музея отечествовѣдѣнія и историко-этнографическій очеркъ мордвы.

Впослѣдствіи и попутно И. Н. написалъ некрологъ М. П. Веске, «Задачи и значеніе мѣстной этнографіи», «Наброски изъ исторіи финской культуры», «Программу для собиранія свѣдѣній о мордвѣ», очерки доисторической археологіи въ европейскихъ странахъ, библіографію урало-алтайскихъ народовъ.

«Во всѣхъ своихъ трудахъ, говоритъ г. Катановъ («Журн. Нар. Просв.» 1904 г., сент.), И. Н. Смирновъ проявилъ себя глубокимъ знатокомъ быта и исторіи славянскихъ и угро-финскихъ племенъ, талантливымъ ученымъ обладавшимъ солидной эрудиціей и даромъ обобщенія и умѣвшимъ писать живо, точно и красиво. Въ своихъ историко-этнографическихъ трудахъ И Н. Смирновъ выказалъ себя вообще сторонникомъ извѣстнаго англійскаго соціолога XIX в. Герберта Спенсера, но тѣмъ не менѣе въ воззрѣніяхъ его находилъ крупные промахи, будучи самъ глубокимъ знатокомъ исторіи и быта разныхъ народовъ Европы, Азіи и Африки».

Покойный проф. Смирновъ состоялъ почетнымъ членомъ Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи, которая съ особымъ интересомъ относилась и относится къ его ученымъ трудамъ, изъ которыхъ главными и наиболѣе капитальными по объему и научной обработкѣ почитаются въ ученомъ мірѣ именно вышеупомянутыя изслѣдованія И. Н. о четырехъ угорскихъ племенахъ*). «Благодаря имъ-то авторъ стяжалъ славу наилучшаго этнографа поволжья. За эти четыре историко-этнографическіе очерка, по рецензіи финскаго ученаго E. N. Setälä, Императорская Академія Наукъ въ Петербургѣ увѣнчала И. Н. Смирнова въ 1896 году малою Уваровскою премією, а Императорское Русское Географическое Общество—золотою медалью. Эти очерки были переведены и на французскій языкъ». Большая часть отзывовъ русскихъ и иностранныхъ критиковъ признаютъ эти труды проф. Смирнова особенно цѣнными въ виду того, что онъ въ нихъ «нарисовалъ вѣрную и наглядную картину вотяцко-зырянскаго культурнаго состоянія; далъ полный обзоръ турецко-татарскаго культурнаго вліянія на черемисовъ и вотяковъ; указалъ мѣстно-угро-финскія названія тѣхъ мѣстностей, гдѣ угро-финны прежде жили, но нынѣ болѣе не живутъ; собралъ богатый матеріалъ, который можетъ пригодиться и для будущихъ изслѣдователей въ области опредѣленія пунктовъ, гдѣ обитали и нынѣ обитаютъ тѣ или иныя угро-финскія народности; при всѣхъ своихъ историко-этнографическихъ очеркахъ далъ возможно полный библіографическій обзоръ литературы объ угро-финскихъ племенахъ, въ которыхъ можно найти и показанія средневѣковыхъ путешественниковъ, и мелкія извѣстія газетъ, журналовъ, вѣдомостей, и современныя большія сочиненія и проч.».

Этими словами некролога, составленнаго г. Катановымъ на основаніи документовъ и архива Казанскаго Университета и Общества археологіи, исторіи и этнографіи при семъ Университетѣ, я и закончу свою памятку объ усопшемъ (отъ саркомы) безвременно на 49 году отъ роду почетномъ членѣ Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи, профессорѣ Иванѣ Николаевичѣ Смирновѣ.

Имя покойнаго ученаго никогда не забудется въ Пермской области, для изученія которой такъ много дали ученыя путешествія и изслѣдованія его.

В. С. Малченко.

---

*) Напечатаны въ «Извѣстіяхъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ».

Александръ Саввичъ Поповъ.

4 ноября 1903 года въ Ялтѣ скончался бывшій правитель дѣлъ Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи (ноябрь 1891 г.—мартъ 1893 г.), уже довольно давно покинувшій Пермь. Одинъ изъ учениковъ его по Пермской гимназіи такъ охарактеризовалъ его въ «Пермскихъ Губ. Вѣдом.» (26 ноября 1903 г., № 255): «Среди бездушныхъ педантовъ и ограниченныхъ «службистовъ» въ педагогическомъ мірѣ не переводятся и свѣтлыя личности, одаренныя недюжиннымъ педагогическимъ талантомъ, искренней любовью къ своему дѣлу и къ дѣтямъ—этимъ живымъ объектамъ педагогіи. Къ числу такихъ людей, несомнѣнно, надо отнести и бывшаго учителя Пермской мужской гимназіи Александра Саввича Попова, скончавшагося въ Алупкѣ 4 ноября сего года. Его широко и разносторонне образованная натура, въ связи съ искреннимъ влеченіемъ къ дѣлу и любовью къ ученикамъ, превращали его уроки въ живыя, непринужденныя бесѣды, на которыхъ ученики не только не бездѣйствовали, но проникались живымъ интересомъ къ знанію и наукѣ. Его ласковое, полушутливое, дружеское обращеніе привлекало къ нему не только умы, но и сердца учениковъ. Его чуткая, отзывчивая душа всегда умѣла найти въ ученикѣ живыя струны хорошихъ чувствъ. Особенно любили его мы, малыши-пансіонеры. Для насъ онъ былъ всѣмъ: и учителемъ—въ классѣ, и наставникомъ, старшимъ другомъ, почти отцомъ—въ пансіонѣ. Къ сожалѣнію, ему пришлось скоро разстаться и съ Пермью и съ нами. Онъ потомъ былъ учителемъ въ 3-й Казанской гимназіи и инспекторомъ—въ Острогожской гимназіи (Воронежской губ.), и, насколько я знаю, вездѣ онъ оставался такимъ-же честнымъ работникомъ, другомъ учениковъ. Вездѣ и всегда Александръ Саввичъ ставилъ выше всего интересы родного дѣла, интересы своихъ учениковъ и эта самоотверженность свела его въ могилу: онъ умеръ отъ туберкулеза легкихъ. Однимъ талантливымъ педагогомъ и честнымъ человѣкомъ стало меньше.... Хотѣлось-бы надѣяться, что его товарищи-учителя помянутъ его добрымъ словомъ.... Не говорю уже о глубокомъ горѣ всѣхъ его учениковъ. Sit tibi terra levis, незабвенный учитель!.

П. П. Баснинъ*).

7 февраля 1904 года, въ Петербургѣ, скончался бывшій редакторъ-издатель газеты «Рудокопъ» Петръ Павловичъ Баснинъ. Имя покойнаго хорошо извѣстно екатеринбуржцамъ. Петръ Павловичъ Баснинъ родился въ г. Иркутскѣ въ 1852 году. Образованіе получилъ въ техническомъ и горномъ институтахъ въ Петербургѣ. По окончаніи образованія, онъ нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ пріисками въ Сибири и на Уралѣ, гдѣ собралъ цѣнный матеріалъ о постановкѣ золотопромыслового дѣла и положеніи рабочаго класса. Оставивъ службу по болѣзни и поселившись въ Екатеринбургѣ, покойный посвятилъ себя газетной и журнальной дѣятельности, печатая рядъ очень интересныхъ очерковъ о золотопромышленности въ Сибири и на Уралѣ какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ столичныхъ изданіяхъ. Такъ, въ началѣ 90-хъ годовъ имъ были помѣщены въ журналѣ «Русское Богатство» цѣнныя статьи о золотопромышленности Южнаго Урала. Одновременно съ этимъ, состоя секретаремъ «Екатеринбургской Недѣли», П. П—чъ очень много писалъ по различнымъ вопросамъ мѣстнаго края, какъ спеціальнымъ, такъ и общимъ. Во всѣхъ статьяхъ покойный обнаруживалъ глубокое пониманіе того вопроса, о которомъ ему приходилось трактовать, и широкій кругозоръ мысли.

*) Уральск. Жизнь—1904, № 43.

Въ 1898 году П. П. Баснинъ получилъ разрѣшеніе на изданіе въ Екатеринбургѣ второй частной ежедневной газеты подъ названіемъ «Рудокопъ». Въ короткое время газета привлекла симпатіи публики своимъ прогрессивнымъ направленіемъ, живымъ отношеніемъ къ вопросамъ мѣстной жизни. Въ это время покойный работалъ чрезвычайно много: писалъ статьи, мелкія замѣтки, фельетоны и проч. Неимѣніе средствъ, однако, заставило П. П—ча черезъ годъ прекратить изданіе. Съ тяжелымъ чувствомъ о постигшей неудачѣ покойный оставлялъ Екатеринбургъ.—«Неудачникъ я, оттого и терплю неудачи»,—говорилъ покойный.

Поселившись въ Петербургѣ, П. П—чъ жилъ исключительно литературнымъ заработкомъ и, когда стала выходить газета «Россія», онъ былъ приглашенъ туда секретаремъ редакціи. Въ «Россіи» покойнымъ помѣщенъ цѣлый рядъ дѣльныхъ статей объ Уралѣ. Съ закрытіемъ «Россіи», П. П—чъ принималъ участіе въ разныхъ столичныхъ изданіяхъ, какъ-то: «Новостяхъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Дѣтскомъ Отдыхѣ», «Родинѣ» и друг.

До самой смерти покойный состоялъ сотрудникомъ «Уральской Жизни»....

Въ Екатеринбургѣ покойный оставилъ о себѣ память, какъ хорошій, опытный преподаватель музыки.

Въ настоящей краткой некрологической замѣткѣ я не буду характеризовать личность покойнаго, а ограничиваюсь лишь тѣмъ, что извѣстно мнѣ о П. П—чѣ, какъ писателѣ. Безусловно, это была талантливая натура и какъ писатель, хорошо изучившій нашъ край, онъ многое сдѣлалъ для него, широко и ярко освѣщая его многообразныя нужды и неустройства.

Міръ праху твоему, товарищъ!

В. Весновскій.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи за 1902 годъ.

(Составленъ членомъ Коммиссіи Н. Н. Новиковымъ).

Пермская Ученая Архивная Коммиссія къ началу отчетнаго года состояла изъ 15 почетныхъ и 111 дѣйствительныхъ членовъ. Въ теченіе 1902 года въ составѣ ея произошли слѣдующія перемѣны. Въ составъ дѣйствительныхъ членовъ Коммиссіи избраны въ 1902 году 5 лицъ (И. Я. Кривощековъ, В. Н. Поносовъ, А. И. Слупскій, И. П. Филатовъ и В. А. Юхневъ). За это же время изъ состава Коммиссіи выбыли за смертью 6 членовъ (двое почетныхъ—А. А. Дмитріевъ и преосв. Петръ, епископъ Пермскій и Соликамскій, и 4 дѣйствительныхъ: Ѳ. Ѳ. Гельцерманъ, Н. С. Назарьевъ, Н. П. Назукинъ и Н. Н. Новокрещенныхъ). Въ лицѣ скончавшихся А. А. Дмитріева и Н. Н. Новокрещенныхъ особенно велика утрата Коммиссіи. Тотъ и другой почившій были нѣкоторое время предсѣдателями Коммиссіи, тотъ и другой своими знаніями и результатами своихъ досуговъ дѣлились съ Коммиссіей и въ засѣданіяхъ ея и на страницахъ «Трудовъ», а Александръ Алексѣевичъ, избранный въ 1901 г. въ званіе почетнаго члена Коммиссіи, до конца дней своихъ кромѣ того состоялъ редакторомъ «Трудовъ» Коммиссіи. За происшедшими въ 1902 году перемѣнами личный составъ Коммиссіи къ 1 января 1903 года опредѣляется такъ: непремѣнный попечитель Коммиссіи, Пермскій губернаторъ, ген.-лейт. Д. Г. Арсеньевъ, 13 почетныхъ членовъ и 112 дѣйствительныхъ членовъ, а всего 125 членовъ, изъ которыхъ 90 живутъ въ Перми и Пермской губерніи, а остальные за ея предѣлами.

Засѣданія Коммиссіи происходили еженедѣльно (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) по вторникамъ для научной бесѣды и обмѣна мнѣній относительно производимыхъ отдѣльными членами работъ. 16 изъ этихъ засѣданій были посвящены разрѣшенію текущихъ дѣлъ съ принятіемъ соотвѣтствующихъ постановленій согласно правиламъ, установленнымъ въ годичномъ засѣданіи 6 марта 1901 года. На этихъ засѣданіяхъ происходило избраніе новыхъ

членовъ Коммиссіи, обсуждались заключенія членовъ, разсматривавшихъ архивныя описи разныхъ учрежденій; намѣчались и разрабатывались детально очередныя задачи Коммиссіи, читались рефераты членовъ Коммиссіи, обсуждались и разрѣшались вопросы о лучшей организаціи дѣлопроизводства Коммиссіи, изданія «Трудовъ», веденія историческаго архива, библіотеки, а также о храненіи и расходованіи суммъ Коммиссіи. 5 засѣданій происходили въ присутствіи постороннихъ слушателей. Въ этихъ засѣданіяхъ были прочитаны слѣдующія сообщенія членовъ Коммиссій: М. Я. Попова—«Біографическій очеркъ А. А. Дмитріева» (по поводу 25-лѣтія служебной и ученой дѣятельности послѣдняго), В. С. Малченка — «Объ официальномъ назначеніи и историко-научныхъ задачахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ Коммиссій», Д. В. Скрынченка — «О XII археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ августѣ мѣсяцѣ 1902 года въ г. Харьковѣ», И. М. Осокина — «Къ вопросу о миссіонерской дѣятельности преп. Трифона Вятскаго въ Пермскомъ краѣ», В. Н. Трапезникова — «Дѣло Пермскаго купца Адріана Павловича Пушкина».

Въ отчетномъ году Коммиссія приняла въ лицѣ своихъ представителей (предсѣдателя В. С. Малченка и члена Д. В. Скрынченка) непосредственное участіе въ Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ, на которомъ былъ читанъ составленный членомъ Коммиссіи А. И. Слупскимъ докладъ «Архитектурные памятники г. Соликамска» и демонстрированы фотографическіе снимки ихъ.

Разсмотрѣніе архивныхъ описей и отборъ дѣлъ для историческаго архива: въ отчетномъ году членомъ Коммиссіи Л. Е. Воеводинымъ разсматривалась опись 14891 дѣла и самыя дѣла Вятскаго управленія государственныхъ имуществъ, В. С. Малченко и Н. Н. Новиковымъ разсмотрѣны двѣ описи Соликамскаго уѣзднаго казначейства, содержавшія 1289 дѣлъ, изъ числа которыхъ отобрано для историческаго архива 4 дѣла Соликамскаго казначейства и 82 дѣла Вятскаго управленія государственныхъ имуществъ. Для храненія въ историческомъ архивѣ продолжали поступать дѣла сенатскаго архива, часть которыхъ разсмотрѣна В. С. Малченко.

Историческій архивъ находился въ завѣдываніи Н. Н. Новикова. Вновь поступавшія дѣла своевременно вносились въ описи, проштемпелевывались, связывались въ пачки и раскладывались по полкамъ архива. Составленіе карточнаго описанія архива подвигается пока медленно. Составленныя карточки съ описаніемъ дѣлъ заслушивались въ засѣданіяхъ Коммиссіи.

Издательская дѣятельность Коммиссіи въ 1902 году выразилась изданіемъ V вып. «Трудовъ» и подготовкою VI-го, и из-

даніемъ въ видѣ отдѣльной брошюры I-го вып., составленнаго А. А. Дмитріевымъ, «Біографическаго указателя памятныхъ дѣятелей Пермскаго края». Редакторомъ «Трудовъ» до іюня мѣсяца состоялъ А. А. Дмитріевъ, а послѣ его смерти, по постановленію Коммиссіи, редакторскія обязанности возложены на предсѣдателя Коммиссіи В. С. Малченка, въ вѣдѣніи котораго находилась всецѣло и издательская часть.

Въ видахъ популяризаціи научныхъ свѣдѣній по русской исторіи и съ цѣлью увеличенія издательскаго фонда Коммиссіи въ 1902 г. былъ организованъ курсъ публичныхъ лекцій Н. А. Рожкова «Городъ и деревня въ русской исторіи» и В. Е. Якушкина «О комедіяхъ Гоголя въ связи съ исторіей ихъ текста». При невысокихъ цѣнахъ (отъ 10 коп. до 1 руб.) лекціи принесли дохода: первый—33 р. 40 к., вторая—3 р. 90 к., при чемъ первый (въ 3 вечера) посѣтили 449 слушателей, вторую 74.

Библіотека Коммиссіи, находившаяся въ завѣдываніи И. М. Осокина (до октября мѣсяца) и В. С. Малченка (до конца года), въ отчетномъ году продолжала обогащаться какъ благодаря завязавшимся отношеніямъ обмѣна со многими учрежденіями, такъ и отъ пожертвованія книгами. Всѣхъ книгъ и изданій поступило въ 1902 году 1420 экземпляровъ. Въ томъ числѣ поступило въ обмѣнъ на изданія Коммиссіи 365, пожертвовано 935 и пріобрѣтено покупкою 120.

Коммиссія состояла въ обмѣнѣ со слѣдующими учрежденіями:

Съ Бессарабской, Владимирской, Нижегородской, Оренбургской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Черниговской и Ярославской учеными архивными коммиссіями; Императорской археологической коммиссіей; Харьковской общественной библіотекой; статистическими комитетами—Вятскимъ и Пермскимъ; Подольскимъ епархіальнымъ комитетомъ; книжно-антикварными магазинами: Клочкова, Иванова, Парадѣлова и Соловьева; Московскимъ архивомъ министерства юстиціи; Пермскимъ научно-промышленнымъ музеемъ; Императорскимъ географическимъ обществомъ и его отдѣлами—Кавказскимъ и Западно-Сибирскимъ; антропологическимъ отдѣломъ Московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; обществами: исторіи и древностей Россійскихъ, Саратовскимъ—любителей естествознанія, Петербургскимъ—историческимъ, Казанскимъ—археологіи, исторіи и этнографіи, Московскимъ—нумизматическимъ, Императорскимъ—русскимъ археологическимъ и Московскимъ археологическимъ, Кіевскимъ—церковно-археологическимъ, Одесскимъ—историко-филологическимъ, Варшавскимъ—исторіи, филологіи и права, Уральскимъ—любите-

лей естествознанія; редакціями: Вѣстника всемірной исторіи, Русскаго антропологическаго журнала, Литературнаго вѣстника, Пермскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, Ирбитскаго ярмарочнаго листка, Екатеринбургскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, Древняго міра, Антиквара, Пермскихъ губернскихъ вѣдомостей; университетами: Варшавскимъ, Кіевскимъ, Петербургскимъ, Харьковскимъ, Юрьевскимъ; Императорской академіей наукъ; Кіевской духовной академіей; Пермской губернской управой и, кромѣ того, съ членомъ Вятскаго статистическаго комитета А. С. Верещагинымъ.

Принесли въ даръ книги слѣдующія лица: Г. И. Баскинъ, В. Е. Боковъ, З. М. Благонравовъ, Н. Г. Вороновъ, Г. С. Десятовъ, А. А. Дмитріевъ, Е. Н. Дмитріева, И. Я. Кривощековъ, О. С. Луканинъ, В. С. Малченко, Н. Н. Новиковъ, М. А. Новокрещенныхъ, И. М. Осокинъ, И. Г. Остроумовъ, Д. Я. Поповъ, А. В. Селивановъ, В. В. Серебренниковъ, А. М. Симоновъ, А. И. Слупскій, В. Н. Сторожевъ, В. Г. Холмогорова, А. И. Черепнинъ и 5 лицъ, пожелавшія остаться неизвѣстными.

Что касается денежныхъ оборотовъ Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи въ 1902 году, то они выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Приходъ за 1902 годъ=3082 р. 68 к.:

1.	Остатокъ отъ 1901 года	1469 р. 12 к.
2.	0/00/0 за 1901 годъ на капиталъ по книжкамъ сберегательной кассы № 77 и № 32455. .	39 » 56 »
3.	Членскіе взносы	34 » — »
4.	Отъ продажи изданій.	21 » 26 »
5.	Доходъ отъ публичныхъ лекцій Н. А. Рожкова и В. Е. Якушкина.	37 » 30 »
6.	Пожертвованій (переплетчикъ Ис. Абрамовичъ не взялъ за работу 4 р. 80 к., В. С. Малченко не воспользовался субсидіей для поѣздки на археологическій съѣздъ въ Харьковъ 50 руб., не пожелали возмѣстить расходъ за переписку статей для т. V-го «Трудовъ»: М. Я. Поповъ, А. А. Дмитріевъ, Н. Я. Клиноергъ, В. Е. Боковъ, М. И. Капустинъ, В. С. Малченко—22 р. 62 к.)	77 » 42 »
7.	Пособія отъ земскихъ и городскихъ самоуправленій: г. Пермь 150 руб., губернское земство 100 руб., Верхотурское 100 руб., Екатеринбургское 100 руб., Кунгурское	

50 руб., Осинское 200 руб. (смѣта 1897 и 1900 гг.), Оханское 400 руб. (по смѣтѣ 1896, 1897, 1898 и 1902 гг.), Пермское уѣздное 100 руб., Чердынское 50 руб. (по смѣтѣ 1901 и 1902 гг.), Шадринское 50 руб. . . 1300 р. — к.

8. Записана разница на курсѣ при покупкѣ ренты вмѣсто 1000 руб. за 971 р. 58 к. . 28 » 42 »
9. Зачисленъ въ «издательскій фондъ» остатокъ отъ аванса на изданіе т. I «Біографическаго указателя». . . . . 75 » 60 »

Расходъ за 1902 годъ=982 р. 92 к.:

1. На отопленіе освѣщеніе и прислугу . . . 164 р. — к.
2. Приспособленія и меблировка. . . . . 3 » 30 »
3. Канцелярскіе матеріалы и расходы. . . . 42 » 07 »
4. Письмоводитель . . . . . 35 » — »
5. Для библіотеки шкапы, штемпеля и переписчики. . . . . 69 » 22 »
6. Покупка книгъ и выписка журналовъ. . . 97 » 80 »
7. Переплетъ книгъ . . . . . 39 » 26 »
8. Регистрація и описи историческаго архива. 117 » — »
9. Изданіе «Трудовъ» т. V-го (типографія и переплетъ) . . . . . 141 » 60 »
10. Расходъ на переписку статей для «Трудовъ». 26 » 62 »
11. Командировка съ ученою цѣлью . . . . 115 » — »
12. Вѣнки на гробъ усопшихъ членовъ Дмитріева и Новокрещенныхъ . . . . . 32 » 05 »
13. Изданіе «Біографическаго указателя» т. I 24 р. 40 к., остатокъ аванса 75 р. 60 к. сданъ въ издательскій фондъ, всего . . . 100 » — »

Остатокъ къ 1 января 1903 года=2099 р. 76 к.:

1. Оборотныя средства . . . . . 1338 р. 58 к.
2. Неприкосновенный издательскій фондъ . . 761 » 18 »

(Отчетъ утвержденъ въ засѣданіи Пермской Губ. Ученой Архивной Коммиссіи 14 декабря 1903 года).

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи за 1903 годъ.

(Составленъ членомъ коммиссіи В. Я. Струминскимъ).

Засѣданія Коммиссіи происходили въ 1903 г. еженедѣльно, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, по вторникамъ для научной бесѣды и обмѣна мнѣній относительно производимыхъ отдѣльными членами работъ. Засѣданій такихъ было 18; въ нихъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія членовъ Коммиссіи: *Н. Н. Мысловскаго*—«Объ открытіи С.-Петербургскаго археологическаго института 25 лѣтъ назадъ»; *В. Н. Трапезникова*—«Историческій очеркъ русской цензуры и печати»; *Д. М. Бобылева*—«Справка объ изданіи Сборника Пермскаго Земства»; *Н. Н. Новикова*—«Справка объ изданіи Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»; *Д. В. Скрынченка*—«О трудахъ областного археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ», «О трудахъ историко-археологическаго съѣзда въ Твери»; *В. С. Малченка*—«Объ историко-археологическомъ съѣздѣ въ Твери»; *В. Н. Сторожева*—«Объ очередной задачѣ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій въ виду наступающаго 50-лѣтія крестьянской реформы»; *В. Е. Бокова*—«О посѣщеніи Златоуста Высочайшими Особами»; «Переселеніе крестьянъ на Златоустовскіе горные заводы» и «Уральскія горнозаводскія училища»; *А. И. Слупскаго*—«О московскомъ и новгородскомъ вліяніи въ архитектурѣ церквей г. Чердыни и Соликамска»; *Л. Е. Воеводина*—«Билимбаевское двухклассное училище въ 1854—60 гг.».

Въ ряду этихъ засѣданій можно остановиться на томъ (14 января), которое было посвящено 200-лѣтію осуществленія указа Петра I о періодической печати и привлекло значительное число сторонникъ посѣтителей.

Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ шла рѣчь по поводу проекта учрежденія въ Чердыни общества для изученія мѣстной исторіи и древностей. Когда уставъ общества былъ утвержденъ, и Д. А. Удинцевъ увѣдомилъ, что 21 іюня назначено открытіе, то въ Чердынь была послана отъ имени Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи привѣтственная телеграмма на имя предсѣдателя учредителей общества исторіи, археологіи и этнографіи Д. А. Удинцева: «Пермская Губернская Ученая Архивная Ком-

миссія радостно приняла въ свое время вѣсть объ утвержденіи устава чердынскаго собрата, спѣшитъ нынѣ поздравить иниціаторовъ съ завершеніемъ учредительскихъ трудовъ, желаетъ новому органу историческаго родиновѣдѣнія успѣшно и глубоко осуществлять свои задачи, разсчитываетъ на взаимную поддержку и обмѣнъ изысканій».

Въ другихъ очередныхъ засѣданіяхъ докладывались кромѣ того членами Коммиссіи результаты работъ надъ изученіемъ дѣлъ и просмотромъ архивныхъ описей. Такъ членомъ Коммиссіи Л. Е. Воеводинымъ разсмотрѣны описи дѣлъ Тобольской казенной палаты и дѣла архива Вятскаго управленія государственныхъ имуществъ; Д. М. Бобылевымъ были разсмотрѣны описи дѣлъ Омской казенной палаты; В. С. Малченко и Н. Н. Новиковъ разсматривали дѣла и описи Пермской казенной палаты и сообща, многими членами была разсмотрѣна опись дѣлъ Уральскаго горнаго управленія и др.

Кромѣ разсмотрѣнія описей членами Коммиссіи были производимы слѣдующія работы: Г. С. Десятовъ взялъ на себя трудъ обстоятельно ознакомиться съ дѣлами губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чтобы рекомендовать наиболѣе цѣнныя изъ нихъ къ пріобрѣтенію въ историческій архивъ Коммиссіи; В. Л. Борисовъ свѣрялъ по подлиннику сдѣланную проф. В. А. Удинцевымъ запись древнихъ актовъ Чердынскаго края, найденныхъ въ Цидвѣ; А. И. Слупскій продолжалъ заниматься изслѣдованіемъ подземныхъ ходовъ въ г. Соликамскѣ.

Историческій архивъ пополнялся дѣлами, отобранными по вышеозначеннымъ описямъ.

Издательская дѣятельность Коммиссіи въ 1903 году выразилась изданіемъ вып. VI-го «Трудовъ» и подготовкою VII-го. Редакторомъ «Трудовъ» состоялъ В. С. Малченко; въ его же вѣдѣніи находилась и издательская часть.

Съ цѣлью увеличенія издательскихъ средствъ была организована публичная лекція прив.-доц. Московскаго университета Н. М. Романова — «О Рембрандтѣ и его картинахъ», чистый доходъ отъ которой 27 р. 90 к. и причисленъ въ «издательскій фондъ».

Библіотека Коммиссіи, находившаяся въ завѣдываніи В. С. Малченка, въ отчетномъ году значительно обогатилась, какъ благодаря развивающемуся обмѣну со многими учрежденіями, такъ и благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и покупкѣ. Всѣхъ книгъ поступило въ 1903 г. 798; въ томъ числѣ въ обмѣнъ на изданія Коммиссіи—388, въ даръ—330 и куплено—80

(въ томъ числѣ—и весьма рѣдкое изданіе: «Географическій словарь» Н. И. Чупина—за 25 руб. отъ И. Г. Остроумова).

Въ отчетномъ году Коммиссія состояла въ обмѣнѣ со слѣдующими учрежденіями: академіей наукъ; университетами: Варшавскимъ, Казанскимъ, Кіевскимъ, Московскимъ, Петербургскимъ, Харьковскимъ и Юрьевскимъ; архивными коммиссіями: Бессарабской, Владимірской, Воронежской, Калужской, Костромской, Оренбургской, Рязанской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Черниговской и Ярославской; обществами: русскимъ археологическимъ, Московскимъ археологическимъ, исторіи и древностей россійскихъ, Императорскимъ русскимъ географическимъ и его отдѣлами: Кавказскимъ, Туркестанскимъ, Западно-Сибирскимъ, Троицко-Савскимъ; обществомъ археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ; Уральскимъ обществомъ любителей естествознанія; обществомъ изслѣдователей Волыни; церковно-археологическими комитетами: Воронежскимъ и Подольскимъ; Тобольскимъ статистическимъ комитетомъ; редакціями мѣстныхъ изданій: Пермскихъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей, Пермскаго края, Уральской жизни и Уральскаго горнаго обозрѣнія, Ирбитскаго ярмарочнаго листка; редакціями: Оренбургскихъ, Тобольскихъ, Екатеринбургскихъ и Уфимскихъ епархіальныхъ вѣдомостей; Живой старины и Литературнаго вѣстника; съ книжными и антикварными торговлями: Иванова, Клочкова, Соловьева, Шибанова; Московскимъ историческимъ музеемъ; Московской синодальной типографіей; библіотеками: Харьковской общественной и Пермской общественной.

Жертвователями, обогащавшими библіотеку Коммиссіи были: Московскій музей прикладныхъ знаній, Московская городская дума, министерства: Морское, Юстиціи, Путей сообщенія и Финансовъ; земства: Черниговское и Пермское губернское, Пермское уѣздное; Пермская городская управа, Вятская губернская управа, управленіе Виленскаго учебнаго округа, Виленская коммиссія по разбору древнихъ актовъ, Виленскій центральный архивъ древнихъ актовъ, Виленская библіотека, книжный магазинъ М. О. Вольфъ, З. М. Благонравовъ, Д. М. Бобылевъ, В. М. Деминевъ, Е. Н. Дмитріева, М. И. Капустинъ, В. С. Малченко, Ф. В. Мичуринъ, А. В. Селивановъ, В. Н. Сторожевъ и А. А. Фотіевъ.

Поступила также въ распоряженіе Коммиссіи отъ Е. Н. Дмитріевой связка рукописей покойнаго А. А. Дмитріева и отъ И. И. Ткаля собраніе фотографическихъ снимковъ.

Пермская Ученая Архивная Коммиссія къ 1903 г. состояла изъ 13 почетныхъ членовъ и 109 дѣйствительныхъ. Въ теченіе

1903 года въ составѣ ея произошли слѣдующія перемѣны: 21 января 1903 года избранъ въ почетные члены Коммиссіи Н. В. Покровскій, директоръ археологическаго института; въ составъ дѣйствительныхъ членовъ Коммиссіи избраны въ 1903 г. 7 лицъ (Н. С. Красовскій, В. Н. Сторожевъ, А. А. Дроздовъ, А. А. Юзеевъ, В. М. Можгинскій, М. Д. Павскій, В. Я. Струминскій). Одинъ членъ (Д. В. Скрынченко) выбылъ изъ Перми за переводомъ въ другое мѣсто службы, но продолжаетъ сохранять дѣятельную связь съ Коммиссіей, а другіе, покинувшіе Пермь, перенесли свое вниманіе на просвѣтительныя учрежденія мѣстностей, куда переселились навсегда, и связь ихъ съ Архивною Пермскою Коммиссіей пресѣклась. Сверхъ того, въ спискѣ членовъ Коммиссіи числились въ званіи членовъ лица, которыя за все время существованія Коммиссіи не принимали даже отдаленнаго участія въ трудахъ и интересахъ ея, вслѣдствіе чего ихъ имена въ прилагаемомъ спискѣ членовъ на 1904 годъ не повторены уже; отсутствуютъ въ немъ также имена и тѣхъ лицъ, которыя въ послѣдніе 2 года не уплатили членскихъ взносовъ и въ то же время ничѣмъ не проявили намѣренія принимать участіе въ засѣданіяхъ, работахъ или изданіяхъ Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи либо содѣйствовать успѣху ея дѣятельности. Такимъ образомъ, въ спискѣ членовъ на 1 января 1904 г. значится 14 почетныхъ, 50 дѣйствительныхъ.

Изъ помѣщенной ниже таблицы денежныхъ оборотовъ кассы можно убѣдиться въ нѣкоторомъ ростѣ издательскаго капитала, проценты съ котораго уже достигаютъ размѣра, позволяющаго издать не менѣе двухъ печатныхъ листовъ въ годъ. Это имѣетъ особое значеніе для установленія, которое не имѣетъ никакого штатнаго оклада для удовлетворенія своихъ нуждъ, а несомнѣнно, что дать печатно отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и печатное описаніе своихъ археографическихъ и книжныхъ собраній—составляетъ первѣйшую необходимость для Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

Нужно съ благодарностью остановиться на весьма значительномъ вкладѣ Викентія Альфонсовича Поклевскаго-Козеллъ въ 300 руб. на издательскій фондъ. Почтеннаго жертвователя Коммиссія просила принять званіе пожизненнаго ея члена. Не меньшую признательность Коммиссіи вызываютъ земства Пермской губерніи и Пермская городская дума, ассигнованія которыхъ даютъ возможность Коммиссіи сводить свой бюджетъ безъ дефицитовъ.

Нельзя не упомянуть еще и переплетной и плакатной мастерской подъ фирмою Абрамовичъ съ С-мъ, которая въ 1903 г.,

какъ и въ 1902 году, исполнила безплатно нѣкоторыя работы для Коммиссіи на сумму 33 р. 63 к.

Приходъ за 1903 годъ = 3689 р. 48 к.:

1.	Остатокъ отъ 1902 года	2099 р. 76 к.
2.	%%% за 1902 годъ на капиталъ по книжкамъ сберегательной кассы № 77 и № 32435	61 » 97 »
3.	Членскіе взносы	19 » — »
4.	Отъ продажи изданій	47 » 22 »
5.	Доходъ отъ публичной лекціи Н. М. Романова	27 » 90 »
6.	Пожертвованій (В. С. Малченко—50 руб., Абрамовичъ—33 р. 63 к., В. А. Поклевскій-Козеллъ 300 руб.)	383 » 63 »
7.	Пособія отъ земскихъ и городскихъ самоуправленій: Екатеринбургское земство—100 руб., Пермское губернское—200 руб., Верхотурское—100 руб., Кунгурское—100 руб., Пермское уѣздное—100 руб., Ирбитское—25 руб. по смѣтѣ 1902 г. и 25 руб. по смѣтѣ 1903 г., Соликамское—100 руб. по смѣтѣ 1902 г. и 100 руб. по смѣтѣ 1903 г., городская Пермская дума—150 руб., Шадринское уѣздное земство—50 руб.	1050 » — »

Расходъ за 1903 годъ = 921 р. 29 к.:

1.	Отопленіе, освѣщеніе и прислуга	164 р. — к.
2.	Приспособленіе, меблировка, ремонтъ	34 » 25 »
3.	Канцелярскіе матеріалы	69 » 53 »
4.	Письмоводство по канцеляріи	49 » — »
5.	Для библіотеки шкапы, штемпеля	52 » 30 »
6.	Пріобрѣтеніе книгъ и журналовъ	70 » 80 »
7.	Переплетъ книгъ	52 » 59 »
8.	Письмоводство по библіотекѣ	67 » — »
9.	Шкапы, штемпеля и проч. для историческаго архива	21 » — »
10.	Регистрація и описи дѣлъ историческаго архива	13 » 82 »
11.	Изданіе «Трудовъ» (т. VI)	186 » — »
12.	Пособіе авторамъ на расходы по перепискѣ статей для «Трудовъ»	66 » — »
13.	Пособія членамъ на поѣздки съ ученою цѣлью	75 » — »

Наличность къ 1 января 1904 года=2768 р. 19 к.:

1. Оборотныя средства . . . . . 1525 р. 77 к.
2. Издательскій фондъ . . . . . 1242 » 42 »

(Отчетъ утвержденъ въ засѣданіи Пермской Губ. Ученой Архивной Коммиссіи— 27 декабря 1904 года).

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи

къ 1-му января 1904 года.

1. Барсовъ Елпидифоръ Васильевичъ.
2. Дубасовъ Иванъ Ивановичъ.
3. Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ.
4. Преосвященный Ириней, епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій.
5. Корсаковъ Дмитрій Александровичъ.
   Пироговъ Василій Геннадіевичъ.
   Покровскій Николай Васильевичъ.
   Ростовцевъ Иванъ Яковлевичъ.
   Селивановъ Алексѣй Васильевичъ.
10. Смирновъ Иванъ Николаевичъ.
    Спицынъ Александръ Андреевичъ.
    Теплоуховъ Ѳеодоръ Александровичъ.
    Гр. Уварова Прасковья Сергѣевна.
14. Ѳирсовъ Николай Алексѣевичъ.

---

15. Алфіоновъ Яковъ Ивановичъ.
    Андріановъ Александръ Іосифовичъ.
    Баскинъ Григорій Ивановичъ.
    Безбородовъ Ѳедоръ Степановичъ.
    Благонравовъ Захарій Михайловичъ (тов. предс.).
20. Бобылевъ Дмитрій Михайловичъ (правит. дѣлъ).
    Боковъ Владиміръ Егоровичъ.
    Борисовъ Владиміръ Леонидовичъ.
    Вармундъ Николай Августовичъ.
    Воеводинъ Леонтій Евдокимовичъ.
25. Десятовъ Григорій Сергѣевичъ.
    Дмитріевскій Михаилъ Михайловичъ.
    Дроздовъ Арсеній Алексѣевичъ (врем. архив.).
    Діак. Золотовъ Евгеній.
    Каменскій Александръ Григорьевичъ.

*

30. Капустинъ Михаилъ Ивановичъ.
Свящ. Красовскій Николай Сергѣевичъ.
Кривощековъ Иванъ Яковлевичъ.
Кропачевъ Александръ Павловичъ.
Протоіер. Луканинъ Стефанъ Александровичъ.
35. Любимовъ Константинъ Ивановичъ.
Малченко Василій Степановичъ (предс. и редакторъ «Трудовъ»).
Маллѣевъ Аркадій Александровичъ.
Мичуринъ Ѳедоръ Васильевичъ.
Можгинскій Викторъ Михайловичъ.
40. Мысловскій Николай Николаевичъ (врем. библ.).
Новиковъ Николай Николаевичъ (архив.).
Осокинъ Иванъ Михайловичъ.
Остроумова Надежда Васильевна.
Остроумовъ Иванъ Григорьевичъ.
45. Павскій Митрофанъ Дмитріевичъ.
Падалка Николай Петровичъ.
Поклевскій-Козеллъ Викентій Альфонсовичъ (пожизн.).
Поносовъ Владиміръ Николаевичъ.
Поповъ Дмитрій Яковлевичъ.
50. Поповъ Михаилъ Яковлевичъ.
Раменскій Алексѣй Пахомовичъ.
Роговъ Николай Абрамовичъ.
Селивановъ Александръ Ѳедоровичъ.
Скрынченко Дмитрій Васильевичъ.
55. Слупскій Александръ Ивановичъ.
Сторожевъ Василій Николаевичъ.
Струминскій Василій Яковлевичъ.
Суслинъ Николай Николаевичъ.
Ткаль Иванъ Игнатьевичъ.
60. Трапезниковъ Владиміръ Николаевичъ.
Удинцевъ Дмитрій Аристарховичъ.
Филатовъ Иванъ Павловичъ.
Филимоновъ Евгеній Семеновичъ.
Шишонко Василій Васильевичъ.
Юзеевъ Алексѣй Алексѣевичъ.
66. Юхневъ Владиміръ Александровичъ.

(Списокъ провѣренъ и утвержденъ въ засѣданіи Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи 19 октября 1904 года).

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи за 1904 годъ.

(Составленъ предсѣдателемъ Коммиссіи В. С. Малченкомъ).

Въ очередныхъ засѣданіяхъ Коммиссіи, происходившихъ обычно по вторникамъ, члены дѣлились между собою впечатлѣніями прожитой недѣли въ сферѣ задачъ областной исторіи въ широкомъ объемѣ этого понятія. Рядомъ съ безпритязательною бесѣдою и отрывочными замѣчаніями производилась тутъ оцѣнка разныхъ способовъ и пріемовъ архивоизученія и архивоустройства, практикуемыхъ въ Пермской и въ прочихъ Коммиссіяхъ; поднимались вопросы о наилучшей постановкѣ дѣла и способахъ единенія между всѣми Губернскими Учеными Архивными Коммиссіями, между областными архивовѣдами и учеными историками университетскихъ центровъ, о способахъ организаціи исторической библіотеки, архива и музея и т. д. Въ другихъ засѣданіяхъ обсуждались обработанные и стройные доклады историческаго краевѣдѣнія, изрѣдка прочитывались и обсуждались свѣжеизданные историческіе очерки извѣстныхъ русскихъ историковъ. Въ частности можно перечислить слѣдующіе предметы занятій и темы бесѣдъ въ засѣданіяхъ Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи: *В. Е. Боковъ*—«Поселеніе крестьянъ на горныхъ заводахъ»; «Уральское горнозаводское училище». *Д. М. Бобылевъ*—«Архивная опись Камышловскаго уѣзднаго земства въ связи съ вопросомъ о значеніи архивовъ уѣздныхъ земскихъ управъ». *Л. Е. Воеводинъ*—«О задачахъ Архивныхъ Коммиссій (по поводу записки Рязанской Коммиссіи); пѣсни старинныя, записанныя въ Екатеринбургскомъ, Верхотурскомъ, Кунгурскомъ, Соликамскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ лѣтомъ 1903 г. въ текстѣ и музыкѣ-напѣвѣ; замѣтка объ экскурсіи по заводскимъ архивамъ гр. Стенбокъ-Ферморъ». *А. Д. Городцовъ*—«Справки и замѣчанія къ пѣснямъ, записаннымъ Л. Е. Воеводинымъ». *М. И. Капустинъ*—«Старинный семинарскій пѣсенникъ»; «бытъ подмонастырскихъ крестьянъ»; «семинарскій педагогъ». *А. Н. Колотиловъ*—«Указатель къ Пермской лѣтописи Шишонка»; «докладъ о составѣ архивныхъ матеріаловъ Шишонка, переданныхъ Пермской Коммиссіи». *И. Я. Кривощековъ*—«Географическая карта и географическій очеркъ Пермской губерніи». *В. С. Малченко*—

«По поводу 20-лѣтія закона о Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссіяхъ; характеристика покойныхъ директоровъ Археологическаго Института Н. В. Калачова, И. Е. Андреевскаго и А. Д. Труворова»; «памяти умершаго М. И. Капустина»; «впечатлѣнія отъ посѣщенія историко-археологическихъ публичныхъ курсовъ Тверской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи». *В. М. Можинскій*— «Характеристика изданій Тверской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи». *И. М. Осокинъ*— «Замѣтка о спискѣ житія преп. Трифона, принадлежащемъ Пермской духовной Семинаріи». *А. И. Слупскій*—«Подземные ходы Соликамска». *В. Я. Струминскій*—«Характеристика изданій Пензенской Губернской Ученой Архивной Коммиссій»; замѣтка о «Новостяхъ богословской литературы»; проектъ разборки архивовъ прот. Сырцова; по поводу статьи И. М. Осокина о характерѣ миссіонерской дѣятельности преп. Трифона; текстъ житія преп. Трифона по семинарскому списку и по изданію Шестакова; происхожденіе слова «чудь» по А. С. Хомякову. *В. А. Юхневъ*— «Первое училище въ Кунгурѣ». Здѣсь же умѣстно отмѣтить, что въ засѣданіяхъ особый интересъ вызвала статья проф. В. О. Ключевскаго «Памяти С. М. Соловьева» («Научное Слово») и присланныя приватъ-доцентомъ Н. А. Рожковымъ рукопись о значеніи А. А. Дмитріева и его Пермской Старины и предисловіе къ издаваемому Коммиссіею указателю А. Н. Колотилова къ Пермской лѣтописи Шишонка.

Изъ приведеннаго перечня научныхъ работъ членовъ Коммиссіи въ теченіе 1904 года видно, что наконецъ осуществилось давнишнее желаніе Коммиссіи; благодаря желѣзному трудолюбію и удивительной настойчивости А. Н. Колотилова удалось издать составленный имъ «Указатель къ Пермской лѣтописи В. Н. Шишонко». Лишенная до сихъ поръ даже подробнаго оглавленія эта монументальная, по выраженію приватъ-доцента Московскаго университета Н. А. Рожкова, работа покойнаго изслѣдователя была мало доступна для справокъ и пользованія и лежала такъ сказать втунѣ; теперь благодаря энергіи А. Н. Колотилова къ ней составленъ «ключъ», благодаря чему «лѣтопись» получаетъ новое значеніе, какъ бы вновь является въ свѣтъ. Указатель этотъ, просмотрѣнный Н. А. Рожковымъ и снабженный его предисловіемъ, изданъ Коммиссіей въ декабрѣ 1904 г. Насколько онъ отвѣчаетъ насущной потребности, можно видѣть хотя бы изъ отношенія къ факту его появленія засѣдавшаго въ декабрѣ 1904 года губернскаго земскаго собранія; ознакомившись съ «указателемъ», губернскіе гласные оцѣнили видимо усилія Архивной Коммиссіи и охотно удовлетворили ея ходатай-

ство о передачѣ въ ея распоряженіе всѣхъ свободныхъ экземпляровъ «Пермской Лѣтописи», хранившихся въ складѣ земства. Этотъ дорогой актъ довѣрія губернскаго земства силамъ и организаціи Губернской Ученой Архивной Коммиссіи является для послѣдней источникомъ обязанности внимательно отнестись къ вопросу объ исправленіи и дополненіи текста «Пермской Лѣтописи», о переизданіи ея тома I-го, который уже весь разошелся и т. д. То же земское собраніе постановило одновременно уважить и другую просьбу Коммиссіи — о передачѣ ей всѣхъ экземпляровъ «Историческаго очерка Пермскаго края» А. А. Дмитріева, который предполагалось издать къ Нижегородской всероссійской выставкѣ 1896 года въ особомъ земскомъ сборникѣ; очеркъ былъ напечатанъ, но выпускъ сборника не состоялся и печатные листы «очерка» лежали въ типографской кладовой. Эти акты довѣрія земства къ мѣстному историческому органу служатъ выраженіемъ въ одно и то же время и правильнаго взгляда на значеніе и задачи научной и общественной спеціализаціи, и доброжелательнаго поощренія земствомъ усилій Коммиссіи скромно, но планомѣрно итти по указываемому ей закономъ и исторической наукой пути. Эти постановленія земства членами Архивной Коммиссіи приняты были съ чувствомъ живой благодарности и полнаго удовлетворенія.

Въ связи съ этими успѣхами Коммиссіи стоитъ и еще очень цѣнное пріобрѣтеніе. Вдова В. Н. Шишонко, многіе годы приглядывавшаяся къ дѣятелямъ и направленію занятій Пермской Ученой Архивной Коммиссіи, рѣшилась передать въ собственность ея архивные матеріалы покойнаго собирателя «Пермской Лѣтописи». Передача состоялась весною 1904 года и группа членовъ Коммиссіи уже приступила къ разбору этихъ матеріаловъ, имѣющихъ вѣроятно немало интересныхъ «старинокъ». Даръ Варвары Аркадьевны Шишонко знаменателенъ и дорогъ въ двухъ отношеніяхъ: заключая въ себѣ тѣ бумаги, которыя еще не успѣлъ использовать самъ авторъ «Пермской Лѣтописи», этотъ даръ создаетъ какъ бы преемственную связь между старымъ и послѣдующими поколѣніями пермскихъ архивовѣдовъ, что такъ важно въ дѣлѣ историческаго изученія родины; этотъ даръ въ то же время присоединяетъ свои коллекціи къ архивнымъ связкамъ А. А. Дмитріева, уступленнымъ Е. Н. Дмитріевою вскорѣ послѣ смерти послѣдняго. Такимъ образомъ, установляется нѣкоторая увѣренность, что мѣстные историки, какъ и ихъ семьи, считаютъ Пермскую Губернскую Ученую Архивную Коммиссію родною, смотрятъ на нее какъ на естественную наслѣдницу архивныхъ матеріаловъ и письменныхъ работъ послѣ прекращенія земной дѣя-

тельности изслѣдователей. Духъ истинной общественности и культуры внушаетъ такія распоряженія и если примѣръ Е. Н. Дмитріевой, М. А. Новокрещенныхъ и В. А. Шишонко будетъ вдохновлять въ свое время правопреемницъ послѣдующихъ поколѣній историковъ Пермской области, то Пермскую Губернскую Ученую Архивную Коммиссію ожидаетъ завидная судьба стать центромъ вѣчнаго единенія мѣстныхъ историковъ на пользу областной исторіи и къ удобству столичныхъ ученыхъ историковъ, которымъ весьма важно, чтобы историческіе матеріалы данной области не разбросаны были по всей территоріи ея, а стянуты въ одно мѣсто, какимъ естественнѣе всего быть Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

Посчастливилось Пермской Коммиссіи и еще въ одномъ отношеніи,—удалось благодаря нѣкоторому стеченію обстоятельствъ начать экскурсіи для ознакомленія съ живой стариной Пермской области и съ разбросанными по губерніи архивами. Лѣтомъ 1903 года Л. Е. Воеводинъ записалъ текстъ и напѣвы старинныхъ пѣсенъ въ Екатеринбургскомъ, Верхотурскомъ, Ирбитскомъ, Соликамскомъ и Кунгурскомъ уѣздахъ и въ 1904 году при содѣйствіи А. Д. Городцова приготовилъ собраніе ихъ къ печати, т. е. текстъ и ноты. Ему же Коммиссія обязана и починомъ въ ознакомленіи съ архивами заводовъ гр. Стенбокъ-Ферморъ. Результатъ поѣздки для обозрѣнія архивовъ печатается уже въ т. IX Трудовъ Коммиссіи, а пѣсни будутъ изданы въ видѣ т. X въ 1905 году.

Въ отчетномъ году наша Коммиссія имѣла случай наглядно убѣдиться, какъ важно для ученаго установленія имѣть хоть небольшой денежный запасъ и не соблазняться пускать его въ расходъ при первой текущей надобности. Благодаря наличности такого запаса наша Коммиссія въ 1904 году могла: а) выдать субсидію А. Н. Колотилову, который вслѣдствіе сего получилъ возможность закончить составленіе указателя; б) пріобрѣсти весьма интересную рукопись г. Гладкихъ «Крестьянскіе свадебные обряды, пѣсни, поговорки у жителей села Торговижскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи»; в) пріобрѣсти спѣшно продававшееся собраніе историческихъ и экономическихъ книгъ Л. Н. Рума за 300 руб., т. е. весьма дешево, если принять во вниманіе номинальную стоимость книгъ и то, что въ числѣ ихъ было и 59 томовъ энциклопедическаго словаря (изд. Брокгаузъ и Эфронъ); г) пріобрѣсти за 550 руб. право литературной собственности на всѣ изданія и работы А. А. Дмитріева.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ задачи Губернской Ученой Архивной Коммиссіи должно входить не только стягиваніе къ себѣ

рабочихъ силъ и матеріаловъ, не только открытіе, такъ сказать, своихъ дверей для всѣхъ добровольцевъ-изслѣдователей, но по возможности и облегченіе условій ихъ работы, матеріальной обстановки ихъ труда. Не только члены должны быть для Коммиссіи, но и Коммиссія для нихъ. А если это такъ, то одною изъ главныхъ заботъ Коммиссіи должно быть чутко и отзывчиво вникать въ нужды своихъ членовъ, поддерживать ихъ въ трудную минуту субсидіями, чтобы силы ихъ оставались въ кругу задачъ Коммиссіи, возможно менѣе отвлекаясь къ случайному, иногда постылому, заработку изъ-за хлѣба насущнаго. Не всегда и не вполнѣ это доступно Коммиссіи, но уже самое признаніе съ ея стороны такой обязанности должно поддерживать бодрость и энергію мало обезпеченныхъ изслѣдователей въ дѣлѣ изученія областныхъ древностей.

Что касается пріобрѣтенія литературной собственности А. А. Дмитріева, Коммиссіи открывается широкая возможность популяризаціи отдѣльныхъ вопросовъ и эпизодовъ пермской исторіи. Кромѣ своего значенія въ цѣломъ «Пермская Старина» имѣетъ цѣнность и въ отдѣльныхъ главахъ, такъ что изданіемъ отдѣльными отрывками или серіею ихъ можно пріобщить къ историческому чтенію большіе круги читателей, пугающихся объема и солидности Дмитріевскихъ изслѣдованій, но обыкновенно охочихъ до небольшихъ брошюръ. Продажа «Пермской Старины» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вернетъ въ кассу Коммиссіи затраченный капиталъ и вѣроятно обезпечитъ современемъ ежегодный небольшой доходъ.

Пермская Ученая Архивная Коммиссія, какъ и въ прежнее время, не оставалась равнодушною къ юбилеямъ лицъ и учрежденій, работающихъ на той же почвѣ научной разработки русской исторіи и древностей, къ возникновенію новыхъ Архивныхъ Коммиссіи и т. д. Въ 1904 году Коммиссія сочла своимъ долгомъ привѣтствовать Московское Императорское Общество исторіи и древностей россійскихъ по случаю столѣтія его существованія и академика А. И. Соболевскаго по случаю 25-лѣтняго его юбилея. Коммиссія съ радостью встрѣтила промелькнувшее въ газетахъ извѣстіе о проектѣ открытія Вятской и Петербургской Коммиссій.

Отстаивая всегда ту точку зрѣнія, что каждая Губернская Ученая Архивная Коммиссія должна быть и самодѣятельнымъ мѣстнымъ историческимъ обществомъ, и составлять звено общерусской цѣпи архивовѣдѣнія, наша Коммиссія горячо отзывается на всякій починъ въ сторону объединенія и федераціи Коммиссій. Въ 1905 году назначенъ третій историко-археологическій

съѣздъ изслѣдователей Ростово-Суздальской области. Кромѣ своихъ областныхъ задачъ съѣзды эти имѣютъ особое значеніе для Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій вообще. Иниціаторомъ съѣздовъ явилась Ярославская Коммиссія и первый областной съѣздъ въ Ярославлѣ въ 1901 году имѣлъ чисто мѣстный характеръ и значеніе, но уже второй съѣздъ въ Твери въ августѣ 1903 года сталъ сверхъ того и какъ бы органомъ единенія и общенія Коммиссій, которыя всѣ были приглашены принять въ немъ участіе, и если не всѣ прислали своихъ представителей, то вѣроятно лишь потому, что не всюду еще проникло сознаніе всей важности пріурочить къ этимъ съѣздамъ обсужденіе представителями всѣхъ Коммиссій своихъ нуждъ и вопросовъ. Въ виду этихъ соображеній Пермская Коммиссія дѣятельно готовится къ третьему областному съѣзду во Владимирѣ, гдѣ представителемъ ея, согласно избранію Коммиссіи, будетъ В. С. Малченко, намѣревающійся поднять вопросъ о желательной формѣ единенія и солидарности Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, а кромѣ него поѣдутъ на этотъ съѣздъ, если имъ будетъ возможно, члены Коммиссіи Н. Н. Мысловскій и В. Я. Струминскій.

Но, подготовляясь къ областному съѣзду, Пермская Ученая Архивная Коммиссія, намѣрена принять участіе и въ Общерусскомъ XIII археологическомъ съѣздѣ, который долженъ быть въ Екатеринославѣ въ августѣ 1905 года. Получивъ надлежащее приглашеніе отъ Московскаго Археологическаго Общества, Коммиссія избрала своимъ депутатомъ еще въ прошломъ году В. С. Малченко, который заявилъ предварительному комитету съѣзда о готовности сдѣлать докладъ по вопросу о спеціализаціи музеевъ и о необходимости и своевременности учрежденія Губернскихъ Историческихъ Музеевъ спеціальнаго типа. Кромѣ него на съѣздъ депутатомъ Коммиссіи избранъ Л. Е. Воеводинъ.

Въ 1904 г. Коммиссіи, занятой, какъ видно изъ предыдущаго, цѣлымъ рядомъ довольно сложныхъ работъ, не удалось осуществить, какъ это было въ предыдущіе годы, популяризацію свѣдѣній по русской исторіи, но она не отказала себѣ въ правѣ внести лепту на дѣло помощи раненымъ воинамъ и устроенная ея членами публичная лекція прив.-доц. Рыбакова «Психическая зараза», привлекшая своею близкою къ военнымъ возбужденіямъ темою 117 слушателей 13 февраля 1904 года, дала 65 руб. валового сбора, который полностью и сданъ въ мѣстную кассу Краснаго Креста.

Въ 1904 г. Коммиссія выпустила т. VII «Трудовъ» 13 апрѣля и т. VIII (указатель къ Пермской Лѣтописи) 4 декабря.

Нельзя къ сожалѣнію не отмѣтить, что въ сферѣ разбора архивовъ и охраны историческихъ древностей Коммиссія въ 1904 году достигла сравнительно немногаго. Разсмотрѣны были описи Пермской казенной палаты (Л. Е. Воеводинъ, А. Н. Колотиловъ, В. С. Малченко, М. Д. Павскій), Тобольской казенной палаты (Л. Е. Воеводинъ и А. Н. Колотиловъ), Шадринскаго казначейства (М. Д. Павскій), Омской казенной палаты (Д. М. Бобылевъ), Шадринскаго уѣзднаго съѣзда (Д. М. Бобылевъ), Красноуфимскаго полицейскаго управленія (Д. М. Бобылевъ), Четкаринскаго лѣсничества (Н. Н. Новиковъ). Тщательная оцѣнка архивныхъ описей, какъ всегда, сопровождалась истребованіемъ извѣстнаго количества дѣлъ каждой категоріи и только послѣ изученія ихъ давалось заключеніе относительно историческаго значенія дѣлъ описи.

Что касается археологическихъ древностей, то пріобрѣтеніе ихъ встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ отсутствіи помѣщенія для ихъ храненія и безплодности переговоровъ съ администраціей Пермскаго Научнаго Музея объ уступкѣ въ распоряженіе Коммиссіи хотя бы одной комнаты. Между тѣмъ въ виду Коммиссіи имѣется не мало интереснѣйшихъ предметовъ, которые отчасти уже пріобрѣтены для Коммиссіи А. И. Слупскимъ, отчасти намѣчены къ пріобрѣтенію. Равнымъ образомъ ожидаютъ своего размѣщенія и тѣ находки, которыя присланы въ Коммиссію Пермскимъ губернаторомъ.

Вопросъ о помѣщеніи переходитъ открытымъ на будущій годъ и долженъ составить неотложную заботу ближайшаго времени. Это тѣмъ неизбѣжнѣе, что заняты уже всѣ полки библіотечныхъ шкаповъ, притокъ книгъ въ библіотеку Коммиссіи продолжается, а установить новые шкапы положительно негдѣ въ той комнатѣ, которую занимаетъ Коммиссія.

Въ 1904 году изъ 1676 книгъ и брошюръ, поступившихъ въ библіотеку Пермской Ученой Архивной Коммиссіи, значительное количество (868) было пріобрѣтено покупкой. Кромѣ историческихъ журналовъ, выписываемыхъ ежегодно, и нѣкоторыхъ книгъ историческаго содержанія, Коммиссія въ этомъ году обогатила свою библіотеку весьма цѣнными научными изданіями, купивъ за 300 руб. собраніе книгъ Л. Н. Рума (698). Въ числѣ ихъ были пріобрѣтены въ хорошемъ переплетѣ 59 полутомовъ «Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона»; для пополненія этого послѣдняго изданія были куплены Коммиссіей остальные 24 полутома.

Какъ и въ прошлыхъ годахъ, Пермская Ученая Архивная Коммиссія, вступая вновь и поддерживая прежде установившійся

обмѣнъ своими изданіями съ учеными учрежденіями, высшими учебными заведеніями, редакціями и нѣкоторыми частными лицами, получила въ обмѣнъ много научныхъ изданій (676). Въ этомъ числѣ:

отъ Владимирской Ученой Архивной К-сіи	35
» Воронежской » » »	2
» Калужской » » »	5
» Костромской » » »	3
» Оренбургской » » »	4
» Пензенской » » »	1
» Рязанской » » »	6
» Саратовской » » »	7
» Симбирской » » »	15
» Тамбовской » » »	1
» Таврической » » »	3
» Тверской » » »	52
» Академіи Наукъ	15
» Варшавскаго Университета	9
» Московскаго »	22
» Кіевскаго »	12
» Харьковскаго »	5
» Юрьевскаго »	6
» Казанской Духовной Академіи	3
» Восточнаго Института	17
» Политехническаго Института	3
» Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ	2
» Императорской Археологической Коммиссіи	9
» Московскаго Архива Министерства Юстиціи	1
» » Историческаго Музея	1
» Русскаго Музея Императора Александра III.	12
» Императорской публичной библіотеки	1
» Московской синодальной типографіи	1
» Императорскаго Русскаго Географическаго Об-ва	2
» Западно-Сибирскаго отдѣла »	2
» Кавказскаго » »	11
» Туркестанскаго » »	2
» Императорскаго Русскаго Археологическаго Об-ва	4
» Московскаго Археологическаго Общества	5
» Псковскаго » »	14
» Археологическаго Общества въ Перновѣ	2
» Общества исторіи и древностей Россійскихъ	10
» Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ	16

отъ	Антропологическаго отдѣла Московскаго Общества любителей естествозн., антропол. и этнографіи	1	
»	Антропологическаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ	6	
»	Педагогическаго Общества при Московскомъ Университетѣ	7	
»	Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ	1	
»	Историко-филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ	9	
»	Уральскаго Общества любителей естествознанія	2	
»	Калужскаго церковн. историко-археолог. Общества	1	
»	Кіевскаго » » »	2	
»	Кіевскаго Общества естествоиспытателей	8	
»	Общества любителей духовнаго просвѣщенія	18	
»	Эстляндскаго литературнаго Общества	1	
»	Вологодской К-сіи любителей исторіи и древностей	2	
»	Вятскаго губернскаго статистическаго комитета	4	
»	Тобольскаго » » »	3	
»	Вологодскаго » » »	1	
»	Херсонской общественной библіотеки	8	
»	Харьковской » »	1	
»	Пермской » »	1	
»	Виленской Археографической Коммиссіи	3	
»	Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ	10	
»	Воронежскаго церковн. историко-археол. комитета	1	
»	Пермскаго научно-промышленнаго Музея	3	
»	Статистическаго бюро Пермской губ. зем. управы	19	
»	Пермской уѣздной земской управы	1	
»	» губернской » »	13	
»	книжнаго магазина Соловьева въ С.-Петербургѣ	26	
»	Н. И. Булычова	3	
»	П. И. Щукина	3	
»	А. С. Верещагина	1	
»	В. Ф. Кудрявцева	4	
»	редакціи Пермскихъ Епархіальн. Вѣдомостей	55	№№
»	» » Оренбургскихъ »	24	№№
»	» » Тобольскихъ »	23	№№
»	» » »	3	кн.
»	» » вѣдомости за 1903 годъ	1	экз.
»	» » Уфимскихъ Епархіальн. Вѣдомостей	1	кн.
»	» » вѣдомости	4	№№
»	» » » за 1903 и 1904 года	2	экз.

отъ редакціи	Екатеринбургскихъ Епархіал. Вѣдом.	22 №№
» »	Пермскихъ Губернск. Вѣдомостей — вѣдомости за 1903 годъ	1 экз.
» »	Ирбитскаго Ярмарочнаго Листка.	1 кн.
» »	Уральскаго Горнаго Обозрѣнія	2 №№
» »	журналъ за 1904 годъ	1 экз.
» »	Психо-графологическаго журнала.	7 №№
» »	«Кремля» Д. И. Иловайскаго	2 №
» »	Правительственнаго Вѣстника	1 кн.
» »	Живой Старины	1 №
» »	Христіанскаго Чтенія.	12 №
» »	Художественныхъ сокровищъ Россіи.	5 №
» »	Литературнаго Вѣстника	5 №
» »	Сибирскаго Наблюдателя	8 №
» »	Дѣятеля	9 №
» »	Русскаго антропологич. журнала.	1 №
» »	Новостей богословской литературы	1 №

Кромѣ того въ теченіе 1904 года Коммиссія получала въ обмѣнъ газеты отъ редакцій: «Урала», «Уральской Жизни», «Ирбитскаго Ярмарочнаго Листка», «Правительственнаго Вѣстника» и «Петербургскихъ Вѣдомостей».

Слѣдующія учрежденія и лица въ 1904 году пожертвовали въ библіотеку Коммиссіи:

Военное Министерство	21 кн.
Херсонская Земская Управа	1 кн.
Пермское Губернское Правленіе	1 кн.
Товарищество М. О. Вольфъ	8 №№
Великій князь Георгій Михайловичъ	7 кн.
Архіепископъ Тверской Дмитрій	2 кн.
Д. М. Бобылевъ	10 кн.
В. Е. Боковъ	1 кн.
А. А. Дмитріевъ	1 кн.
И. М. Осокинъ	18 кн.
И. Я. Кривощековъ	1 кн.
Н. Н. Новиковъ	7 кн.
В. С. Малченко	45 кн.
В. П. Поляковъ	1 кн.
Л. Н. Рума	1 кн.
В. В. Шишонко	1 кн.
В. В. Яковлевъ	1 кн.
Отъ неизвѣстныхъ лицъ	5 кн.
Всего пожертвовано въ 1904 году	132 кн.

Составъ дѣятелей Пермской Ученой Архивной Коммиссіи въ 1904 году измѣнился очень мало сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Умерли почетные члены: епископъ Ириней, Мих. Ив. Капустинъ, проф. Ив. Ник. Смирновъ и дѣйствительный членъ протоіерей С. А. Луканинъ. Наиболѣе дѣятельнымъ изъ числа почившихъ членовъ Коммиссіи былъ М. И. Капустинъ, а наиболѣе виднымъ ученымъ—И. Н. Смирновъ. Ихъ некрологи печатаются въ т. IX «Трудовъ».

Вновь избраны въ члены Коммиссіи: А. Н. Колотиловъ (техникъ Пермскаго губернскаго земства), Н. В. Филатовъ (техникъ Чермозскаго завода), П. Ф. Чердынцевъ (судебный слѣдователь Осинскаго уѣзда). Нѣсколько членовъ выбыли изъ Перми или перестали участвовать въ Коммиссіи. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1905 года въ прилагаемомъ спискѣ значится 11 почетныхъ членовъ, 1 пожизненный и 50 дѣйствительныхъ.

Денежные обороты Коммисссіи въ 1904 г. сводятся къ слѣдующимъ цифрамъ:

Приходъ 1904 года=3868 р. 07 к., а именно:

Остатокъ отъ 1903 года	2768 р. 19 к.
% за 1903 годъ по книжкамъ сберегательной кассы № 77, № 32455 и № 34884	86 » 12 »
Членскіе взносы	49 » — »
Продажа изданій	138 » 76 »
Пособія земствъ: губернскаго 200 руб., Кунгурскаго 100 руб., Ирбитскаго 25 руб., Пермскаго уѣзднаго 100 руб., Осинскаго 95 руб., Оханскаго 100 руб., Чердынскаго 50 руб. (по смѣтамъ 1903 и 1904 гг. по 25 руб.) и Пермской Городской Думы 150 руб., всего	820 » — »
Пожертвованій: отъ М. И. Капустина 3 руб., Кожевникова 2 руб., М. Я. Попова 1 руб., всего .	6 » — »

Расходъ 1904 года=1739 р. 37 к., а именно:

Отопленіе, освѣщеніе, прислуга	164 р. — к.
Приспособленія, меблировка, ремонтъ по канцеляріи	5 » 60 »
По канцеляріи: письмоводство 75 р. 75 к., матеріалы 33 р. 70 к.	107 » 45 »
По библіотекѣ: письмоводство 55 руб., шкапъ 30 руб., пріобрѣтеніе книгъ 458 руб., переплетъ книгъ 14 р. 82 к.	557 » 82 »

По историческому архиву: регистрація и опись дѣлъ	17 р. 30 к.
По историческимъ древностямъ: фотографическіе снимки 3 руб., А. И. Слупскому авансъ на покупку церковныхъ древностей 50 руб. . . .	53 » — »
По изданію Трудовъ: пособія авторамъ по изготовленію статей 188 руб., пріобрѣтеніе ученыхъ рукописей 50 р. 25 к. (г. Гладкихъ)	238 » 25 »
По научнымъ экскурсіямъ: пособіе Л. М. Поповой	12 » — »
Единичные расходы: пріобрѣтены литературныя права А. А. Дмитріева и его изданія 550 руб., нотаріальный расходъ *) 7 руб., вѣнокъ на могилу Капустина 6 р. 50 к., привѣтственныя телеграммы и т. д.	581 » 95 »

Остатокъ къ 1 января 1905 года=2128 р. 70 к.:

Въ томъ числѣ расходный капиталъ=778 р. 16 к. (семьсотъ семьдесятъ восемь руб. шестнадцать коп.) и неприкосновенный издательскій фондъ=1350 р. 54 к. (одна тысяча триста пятьдесятъ руб. пятьдесятъ четыре коп.).

(Отчетъ утвержденъ въ засѣданіи Пермской Губ. Ученой Архивной Коммиссіи 22 марта 1905 года).

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи

къ 1 января 1905 года.

1. Барсовъ Епипифоръ Васильевичъ.
   Дубасовъ Иванъ Ивановичъ.
   Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ.
   Корсаковъ Дмитрій Александровичъ.
5. Покровскій Николай Васильевичъ.
   Ростовцевъ Иванъ Яковлевичъ.
   Селивановъ Алексѣй Васильевичъ.
   Спицынъ Александръ Андреевичъ.
   Теплоуховъ Ѳедоръ Александровичъ.
10. Гр. Уварова Прасковья Сергѣевна.
    Ѳирсовъ Николай Алексѣевичъ.

---

*) Вознагражденіе за совершеніе этого акта Пермскій нотаріусъ А. К. Золотавинъ не пожелалъ взять.

Алфіоновъ Яковъ Ивановичъ.
Андріановъ Александръ Іосифовичъ.
Баскинъ Григорій Ивановичъ.
Безбородовъ Ѳедоръ Степановичъ.
Благонравовъ Захарій Михайловичъ (тов. предс.).
Бобылевъ Дмитрій Михайловичъ (правит. дѣлъ).
Боковъ Владимиръ Егоровичъ.
Борисовъ Владимиръ Леонидовичъ.
Вармундъ Николай Августовичъ.
Воеводинъ Леонтій Евдокимовичъ.
Десятовъ Григорій Сергѣевичъ.
Дмитріевскій Михаилъ Михайловичъ.
Дроздовъ Арсеній Алексѣевичъ (врем. архив.).
Діак. Золотовъ Евгеній.
Каменскій Александръ Григорьевичъ.
Колотиловъ Александръ Николаевичъ.
Свящ. Красовскій Николай Сергѣевичъ.
Кривощековъ Иванъ Яковлевичъ.
Кропачевъ Александръ Павловичъ.
Любимовъ Константинъ Ивановичъ.
Малченко Василій Степановичъ (предс. и ред. «Трудовъ»).
Маллѣевъ Аркадій Александровичъ.
Мичуринъ Ѳедоръ Васильевичъ.
Можгинскій Викторъ Михайловичъ.
Мысловскій Николай Николаевичъ.
Новиковъ Николай Николаевичъ (архив.).
Осокинъ Иванъ Михайловичъ.
Остроумова Надежда Васильевна.
Остроумовъ Иванъ Григорьевичъ.
Павскій Митрофанъ Дмитріевичъ.
Падалка Николай Петровичъ.
Поклевскій-Козеллъ Викентій Альфонсовичъ (пожизн.).
Поповъ Дмитрій Яковлевичъ.
Поповъ Михаилъ Яковлевичъ.
Раменскій Алексѣй Пахомовичъ.
Селивановъ Александръ Ѳедоровичъ.
Скрынченко Дмитрій Васильевичъ.
Слупскій Александръ Ивановичъ.
Сторожевъ Василій Николаевичъ.
Струминскій Василій Яковлевичъ (библіотекарь).
Суслинъ Николай Николаевичъ.
Ткаль Иванъ Игнатьевичъ.
Трапезниковъ Владимиръ Николаевичъ.

55. Удинцевъ Дмитрій Аристарховичъ.
Филатовъ Иванъ Павловичъ.
Филатовъ Николай Васильевичъ.
Филимоновъ Евгеній Семеновичъ.
Чердынцевъ Петръ Федоровичъ.
60. Шишонко Василій Васильевичъ.
Юзеевъ Алексѣй Алексѣевичъ.
62. Юхневъ Владимиръ Александровичъ.

(Отчетъ утвержденъ въ засѣданіи Пермской Губ. Ученой Архивной Коммиссіи 22 марта 1905 года).

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКПРСФСР
Инвент. №
195 г.
Библіотека Ивана Егоровича Забѣлина.

Редакторъ В. С. Малченко.

Статьи и матеріалы для помѣщенія въ «Трудахъ Перм. Губ. Учен. Архивн. Коммиссіи» сдаются и высылаются Предсѣдателю Коммиссіи (адресъ Пермской почтовой конторѣ извѣстенъ).

Желательно, чтобы статьи были разборчиво переписаны и чтобы оборотная часть страницы была чистая. Въ возмѣщеніе расхода по перепискѣ и пересылкѣ рукописей назначается авторамъ по 50 коп. съ печатной страницы (постановленія Коммиссіи отъ 12 марта 1902 г. и 25 марта 1903 г.), въ случаѣ же нежеланія получить причитающуюся сумму—она зачисляется въ неприкосновенный «издательскій фондъ» Коммиссіи, какъ пожертвованіе отказавшагося.

Сколько ниб. значительное сокращеніе или существенное видоизмѣненіе текста статей допускается при печатаніи лишь съ согласія автора.

Редакторъ В. С. Малченко.

Изданія Пермской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи:

1) «Труды» Коммиссіи—I и II по 60 к., III—IX по 80 к.
2) «Пермская старина», А. А. Дмитріева—I—VIII по 1 р.
3) «Очерки г. Перми», А. А. Дмитріева—по 1 р.
4) «Къ исторіи Сибирскаго вопроса», А. А. Дмитріева—по 20 к.
5) «Историческій очеркъ Пермскаго края» А. А. Дмитріева—по 25 к.
6) Алфавитный указатель къ «Пермской Лѣтописи», А. Н. Колотилова (т. VIII «Трудовъ К-сіи)—по 80 к.

ЦѢНА Т. IX—80 КОП.

Выписывающіе означенныя изданія непосредственно отъ Коммиссіи за пересылку не платятъ и кромѣ того полный экземпляръ «Пермской старины» (8 кн.) уступается за 7 руб. (вм. 8 р.).